

С-87
Ю.Н. СТОЛЯРОВ

БИБЛИОТЕКА.

структурно-
функциональный
подход

Ю.Н. СТОЛЯРОВ

БИБЛИОТЕКА:

структурно-
функциональный
подход

Москва «Книга» 1981

ББК 78.3
С81

Рецензент:

А. Н. Ванеев, кандидат педагогических наук

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя работа представляет собой опыт теоретического воспроизведения библиотеки как системы в онтологическом и гносеологическом аспектах. Ее основная задача обнаружить на общетеоретическом уровне простейшие исходные элементы, из которых складывается библиотека как объективная реальность, как социальный институт, а также их функции и связи. Иными словами, ведется поиск ответа на тривиальный, казалось бы, вопрос: что такое, в сущности, библиотека? Но хорошо известно, что нет ничего труднее, чем строго доказательно отвечать на самые простые вопросы, и такая аргументация, по словам К. Маркса, лишь непосвященному может показаться «просто мудрствованием вокруг мелочей» [т. 23, с. 6]¹.

В результате изучения сущности библиотеки обнажились, если можно так выразиться, основы элементарного библиотекосведения, то есть тот его фундамент, на котором строится многоэтажное и все разрастающееся вширь и ввысь здание библиотекосведения.

Казалось бы, такие основы должны были быть заложены еще в момент зарождения и становления библиотекосведения как науки. Тем не менее то обстоятельство, что эта работа смогла быть выполнена только сейчас, когда библиотекосведение достигло известных высот в своем развитии, представляется вполне и единственно закономерным. Пояснение такого на первый взгляд парадоксального факта дал в свое время еще К. Маркс: «Историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздуш-

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по второму изданию собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

ные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент» [т. 13, с. 43].

Но в чем состоит практическое значение теоретического описания не библиотеки того или иного типа, вида, и даже не библиотеки как конкретного учреждения, функционирующего в определенных социально-исторических условиях, а некой реально не существующей абстрактной библиотеки, библиотеки как системы? — может недоумевать иной библиотекарь, привыкший считать основным достоинством библиотковедческой литературы наличие конкретных рекомендаций по улучшению библиотечной практики. В данном случае необходимо приложить тот критерий практичности, о котором говорил товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС: «...нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Мы прекрасно знаем, что полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будут постоянно питать фундаментальные исследования» [4, т. 5, с. 502]².

Из этого высказывания следует, что постановка и исследование общетеоретических проблем библиотковедения нужны не сами по себе (хотя процесс изучения не может не продолжаться в силу гносеологической сущности объекта познания вообще, претерпевающего постоянные изменения в своем развитии и ставящего перед исследователем на каждом конкретно-историческом этапе новые задачи), а в конечном итоге для более эффективного воздействия науки на непосредственное библиотечное обслуживание.

Таким отношением к теоретическим работам социалистическое библиотковедение выгодно отличается от буржуазного, где имеет место их недооценка. В капиталистических странах специалисты и сегодня цитируют слова американского библиотекаря П. Батлера, относящиеся к началу 30-х гг.: «В отличие от своих коллег в других областях общественной деятельности библиотекарь странным образом не интересуется теоретическими аспектами своей профессии» [362, р. XI-XII].

Нечто подобное отмечал и известный американский библиотковед Дж. Шира: «...библиотекари очень хорошо знают, как делать то, что они делают, но они никогда не интересовались, почему они делают так, а не ина-

² Здесь и далее даются ссылки на номера, под которыми источники приведены в списке использованной литературы.

че. ...В настоящее время библиотековедение не является наукой, ориентирующей на научные исследования, но оно должно стать ею. Практика должна больше опираться на теорию» [404, р. 65—73].

В библиографоведении начало трудам аналогичного назначения положил проф. О. П. Коршунов своей прекрасной монографией «Проблемы общей теории библиографии» [М., 1975]. В библиотековедении же они пока практически отсутствуют. Естественно поэтому, что в данной монографии не все вопросы разработаны с одинаковой тщательностью и полнотой. Тем не менее хочется надеяться, что даже в таком несовершенном виде она будет способствовать познанию фундаментальных основ библиотековедения и в определенной мере выполнит установку XXVI съезда КПСС на то, чтобы наука была «постоянным «возмутителем спокойствия», показывая, на каких участках наметились застой и отставание, где современный уровень знаний дает возможность двигаться вперед быстрее, успешней» [1, с. 43].

С рукописью книги ознакомились несколько десятков известных библиотековедов, библиографоведов, книговедов, а также специалисты в области философии, педагогики, истории, техники. Автор пользуется случаем, чтобы выразить всем им глубокую признательность за советы и замечания. Особенно ценной была помощь Л. З. Амлинского, А. Н. Ванеева, Н. С. Карташова, О. П. Коршунова, В. В. Скворцова. Уточнению математического аппарата во многом способствовали Н. Г. Алексеев, В. М. Мотылев, А. В. Соколов. Автор благодарен также работникам читального зала литературы по библиотечному делу Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, обеспечившим образцовое библиотечное обслуживание автора в процессе его работы над монографией.

Введение

Разработка общетеоретических библиотечных проблем прямо соотносится с общей исходной установкой XXVI съезда КПСС на то, что «строительство нового общества без науки просто невозможно» [1, с. 42]. Развитие науки было охарактеризовано как основа основ научно-технического прогресса [1, с. 44], взят курс на опережающее развитие фундаментальных и повышение результативности прикладных исследований [1, с. 143]. Наука необходима и для дальнейшего совершенствования деятельности библиотек, что предусмотрено «Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» [1, с. 182].

В общетеоретическом плане библиотека как центральная категория библиотечного дела и как социальный институт, призванный быть опорной базой партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся, идеологическим и научно-информационным учреждением [5, с. 15], должна быть в первую очередь подвергнута научному осмыслению. «Иногда говорят, что предметом библиотечного дела является библиотека как таковая. А что такое библиотека как таковая? Не объяснив этого, нельзя дать четкое определение предмета библиотечного дела», — справедливо замечал один из исследователей [129, с. 2].

Казалось бы, ответ на этот вопрос известен: кто же не знает, что библиотека — это учреждение, предоставляющее гражданам источники информации во временное пользование. Но разве не делает то же самое архив? Орган научно-технической информации? В чем же тогда специфика именно библиотечной деятельности? Могут возразить, что интуитивно, а также на уровне здравого смысла, эта специфика ясна, и, следовательно, незачем углубляться в сущность библиотеки как научного понятия и объективной реальности. Могут возразить также,

что до сих пор деятельность библиотеки успешно развивалась и без специального теоретического изучения ее сущности.

Такие рассуждения кажутся убедительными только на первый взгляд. В основе всякой практической деятельности всегда лежит то или иное теоретическое положение — безотносительно к тому, осознано оно ее субъектом или нет, желает он того или нет. И от того, насколько это теоретическое положение соответствует объективным закономерностям, которым подчиняется такая деятельность, зависят ее практические результаты. Конечно, если бы, по замечанию К. Маркса, «...форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» [т. 25, ч. 11, с. 384]. Задача науки (и в том числе, добавим, библиотковедения), по его же словам, заключается в том, чтобы «видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению» [т. 25, ч. 1, с. 343]. В самом деле, при ближайшем рассмотрении ответ на вопрос: «Что такое библиотека?» — оказывается далеко не самоочевидным. К примеру, одно дело понимать под библиотекой собрание книг и совсем другое, если в центр библиотеки (как системы) ставить читателя. В первом случае качество работы библиотеки мы должны будем оценивать по тому, насколько полно формируется и хранится ее фонд; вопросы же обслуживания читателя займут второстепенное место. Во втором случае, напротив, именно качество удовлетворения и развития читательских потребностей станет определять собой существо библиотечной работы, а вопросы формирования фонда, раскрытия его в каталогах и т. п. отойдут на второй план. Но, быть может, противопоставление фонда читателям неправомерно, и важны оба эти фактора? Какова тогда пропорция между ними? Однако возможно также, что имеются иные, не менее (не исключено, что и более) важные компоненты системы «библиотека». С другой стороны, существует концепция «библиотеки без книг, без библиотекарей, без читателей». Что же она в этом случае собой представляет? В каждом из перечисленных вариантов заключается особый подход к пониманию общественного предназначения библиотеки, ее задач, критериев оценки ее деятельности.

Нечто подобное можно сказать и о других характеристиках этой системы. Если библиотекарь не знает или

неверно представляет свойства библиотеки, он скорее всего будет возлагать на нее несвойственные той по самой ее природе задачи, и, разумеется, не сможет добиться их успешного решения.

В качестве примера возьмем вопрос о выполняемых библиотечной социальными функциях. Однозначное определение функций дает возможность охарактеризовать в полном объеме задачи библиотеки, предъявить к ней четкий круг требований. Оно крайне необходимо и для того, чтобы установить место библиотековедения в системе наук. Английский библиотекарь Ф. Гарднер по этому поводу писал: «Если основная функция массовой библиотеки — просветительная, то библиотеки следует отнести к области образования. Если — культурная, то более целесообразно ее отнести к музеям, галереям, театрам. Если библиотеку считать местом отдыха и развлекательного чтения, то более разумно отнести ее к области спорта и играм. Эту проблему решить нелегко...» [70, с. 222]. Сказанное им относится не только к массовым, но и к библиотекам других типов. Для того чтобы найти внутреннюю закономерность в функциональном богатстве библиотечной деятельности, необходимо определить ее существенную структуру, закон ее внутренней упорядоченности.

На общетеоретическом уровне деятельность библиотеки предстает не в том виде, в каком ее видят люди в их непосредственной практике. Она предстает как некая упорядоченная система, каждый компонент которой занимает определенное положение и играет определенную роль.

Установление номенклатуры элементов библиотеки и связей между ними, а также ее сущностных функций позволило бы упорядочить представление о предмете библиотековедения, его месте в системе наук, о степени важности частных библиотековедческих проблем (чтобы затем установить очередность их решения, распределив в этих целях духовные и материальные ресурсы), пересмотреть (или, по меньшей мере, уточнить) структуру библиотековедения как учебной дисциплины. Несомненно, многие кардинальные вопросы: о сходстве и различиях между библиотековедением, информатикой, книговедением, библиографоведением и другими науками и др. — были бы решены гораздо быстрее (а в ряде случаев не возникали бы совсем), если бы имелось четкое представ-

ление о том, что, в сущности, представляет собой библиотека в отличие, скажем, от библиографических, информационных органов; обслуживание каких именно общественных потребностей является ее прерогативой. Разумеется, окончательное решение этого вопроса потребует аналогичных исследований также в сопредельных с библиотековедением отраслях. Но во всяком случае вся библиотечная теория, несомненно, примет гораздо более строгий вид, если задачу теоретического воспроизведения библиотеки удастся реализовать хотя бы частично.

Сказанное дает основание рассматривать поиск сущности библиотеки не только как актуальный вопрос библиотечной практики, но и как узловой онтологический вопрос советского, да, пожалуй, и международного библиотековедения.

Изучение библиотеки как системы подготовлено всей историей развития библиотековедения. Тем не менее специальных работ по данному вопросу нет. Это можно объяснить тем, что разработка этой фундаментальной проблемы долгое время велась на ощупь. До сего времени никто, по сути дела, не сформулировал четко цель теоретического воспроизведения библиотеки, хотя подспудно в этом ощущалась острая необходимость. Библиотековеды решали более важные, как им казалось (и как в ряде случаев было на самом деле), тактические проблемы — как общие (роль, текущие задачи библиотек того или иного типа, вида и т. п.), так и частные (библиотечно-библиографическая классификация, формирование фондов, руководство чтением и т. п.). Но какой бы серьезный вопрос ни брались решать специалисты, они неизбежно упирались в исходную точку, в необходимость определить сущность библиотеки. Методологическая закономерность такой неизбежности в любом научном исследовании вскрыта В. И. Лениным в его известном высказывании: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натыкаться“ на эти общие вопросы» [т. 15, с. 368]¹. Поэтому многие специалисты волей-неволей были вынуж-

¹ Здесь и далее произведения В. И. Ленина цитируются по Полному собранию сочинений.

дены излагать свое понимание сущности библиотеки обычно на интуитивном, чаще всего чисто эмпирическом уровне, без какой бы то ни было аргументации, без глубокого научного анализа вопроса, даже без ссылок на других авторов, в работах, посвященных совсем другим темам.

Поэтому устанавливать и обобщать точки зрения библиотекovedов разных стран и исторических эпох дело чрезвычайно кропотливое; особенно если учесть, что сами-то авторы подчас не отдавали себе отчета в том, что, роняя мимоходом отдельные, хотя и глубоко продуманные мысли, они на самом деле высказывались по вопросу, имеющему стратегическое значение для всего библиотекovedения. Каждый автор пытался определять сущность библиотеки, исходя только из условий и целей решаемой им частной задачи, и это, естественно, приводило к фрагментарности, односторонности и даже противоречивости в дефинициях библиотеки.

В тех же случаях, когда определение этого понятия было прямой задачей исследования, специалистам не всегда удавалось преодолеть сложности ее решения.

Явный отпечаток незрелости, характерный для научных представлений о библиотеке в прошлом, объясняется также неразработанностью, незнанием и непониманием частью библиотекovedов возможностей системного подхода. Те, крайне немногочисленные, исследователи, которые пытались охватить понятие «библиотека» в целом, даже не подозревали, что в ряде случаев они использовали элементы системного подхода к изучению библиотеки. Например, характеристика библиотеки как целостной (т. е. не сводимой к сумме свойств составляющих ее элементов) системы, терминологически, конечно, не выраженная, имела место еще в XVII веке у Г. Нодэ. Неупорядоченное собрание книг, отмечал он, сколь бы большим бы оно ни было, не может называться библиотекой, как толпа в 30 тысяч человек без командира и организации не может именоваться армией, а груда камней и материалов — дворцом [347, т. 1, с. 152]. Аналогичную мысль высказал в 1834 г. Ж. Намюр² [347, т. 2, с. 46]. Но этот исключительно плодотворный подход в течение столетий не получил дальнейшего развития.

² Нельзя не видеть, что в обоих случаях библиотека отождествляется с фондом, хотя он, как будет показано ниже, является лишь одним из нескольких ее слагаемых.

Вплоть до 1960-х гг. теоретическое воспроизведение библиотеки было в целом квазисистемным, т. е. представляло собой метафизическое раскладывание или суммирование элементов (причем в их роли у разных авторов выступали различные составные части библиотеки) «по полочкам», без изучения связей и характера взаимодействия между ними. Библиотека в таких теоретических конструкциях выступала как суммативная система (о целостных представлениях еще не было), именно в этом значении слово «система» постепенно вошло в широкий обиход. Оно употреблялось и все еще употребляется для обозначения всякой в той или иной мере организованной совокупности предметов или явлений: система библиотек, система пропаганды книги, система структурных подразделений библиотеки и др. Возможности и достижения теории целостных систем при этом, естественно, не используются в должной мере.

Только на современном этапе исследователи стали не просто перечислять те или иные элементы, предлагая воспринимать свои положения как аксиомы, но начали задаваться вопросом: почему именно этот элемент (или элементы) образуют систему, именуемую библиотекой? Постановка такого вопроса сразу привела к значительному углублению теоретического уровня научных разработок. Осознание библиотеки как сложного социального явления, требующего многоаспектного и разноуровневого, но в то же время систематического изучения, способствовало принятию библиотековедами на вооружение системного подхода к рассмотрению данной проблемы. В результате в последние годы появилось сразу несколько концепций библиотеки как системы.

Подлинно системный подход к явлениям библиотечной теории и практики первым среди советских специалистов применил Н. С. Карташов в 1967 г. Он прямо ввел в библиотековедческий лексикон слово «система» в его общенаучном значении и построил систему «взаимоотношений библиотекаря, читателя и книги» [129, с. 2]. И в настоящее время Н. С. Карташов — один из наиболее активных сторонников системного подхода в библиотековедческих исследованиях. Почти одновременно с ним с позиций системного подхода подошла к изучению библиотеки (только одного ее вида — национальной) Н. И. Тюлина [307, с. 24].

В начале 70-х гг. эта проблема начинает привлекать внимание автора данной работы. В 1972 г. он излагает свое понимание (пока еще в общем виде, без достаточной аргументации) библиотеки как четырехэлементной в сущности системы [278]. Среди многочисленных работ последующего периода особенно выделяется монография О. П. Коршунова «Проблемы общей теории библиографии» (1975 г.). Основные мысли автора — об исходном пункте теоретического воспроизведения библиографии, о книге и читателе как источнике возникновения библиографии — целиком приложимы и к библиотековедению.

В 1976 г. журнал «Библиотекарь» статьей А. Я. Черняка «Об объекте библиотековедения» открыл чрезвычайно плодотворную дискуссию, в ходе которой системное изучение библиотеки значительно продвинулось вперед [332, 277, 93, 320, 52, 110, 34, с. 7—10]. А. Я. Черняк (а следом и другие авторы) признал, что и книга, и библиотекарь, и читатель составляют элементы не только и не столько библиотековедения, сколько собственно самой библиотеки как социальной системы. Это позволяет ввести материалы дискуссии об объекте библиотековедения в исследование вопроса о сущности библиотеки.

Труды советских специалистов появились почти одновременно с работами зарубежных библиотековедов по данному вопросу. Однако в буржуазном библиотековедении был сделан акцент на утилитарную сторону: автоматизацию библиотечных процессов, процесс принятия управленческих решений и т. п. Поэтому с самого начала предпочтение стало отдаваться не столько системному подходу, сколько системному анализу [162, 270, 380 и др.]. Это не означает, впрочем, что системный анализ не используется у нас: начиная с 70-х гг., когда он получил одобрение XXIV съезда КПСС [1, с. 183], соответствующие статьи все чаще появляются на страницах печати, особенно в сборнике «Научные и технические библиотеки СССР». Одной из наиболее ранних и интересных является статья Э. К.-Ф. Ваттера «Библиотека как большая система обслуживания» [53], на которую исследователи ссылаются до сих пор. О возросшем уровне исследований свидетельствует появление соответствующих работ методологического характера [см., напр.: 293]. В целом же, по оценке советского специалиста Р. С. Гиляревского, основной недостаток современного библиотековедения в капиталистических странах со-

стоит именно в отсутствии или недостаточности системного подхода [189].

Впрочем, и в социалистическом библиотековедении вплоть до настоящего времени, в силу изложенных выше причин, попытки теоретического воспроизведения библиотеки пока еще не выходят за пределы фрагментарных высказываний в работах, основное содержание которых связано с иными проблемами. В международном библиотековедении выработано более десяти концепций родообразования библиотеки, но ни одна из них не пользуется всеобщим признанием или признанием хотя бы большинства библиотековедов. Фактическое отсутствие общей теории библиотечной деятельности сдерживает разработку ряда общих и большинства частных проблем, затрудняет научно обоснованное управление развитием библиотечного дела.

Предварительные методологические замечания

Стремление раскрыть общее, существенное в понятии «библиотека» определило методы данного исследования — генетический и восхождения от абстрактного к конкретному, а также самый подход к исследованию — системный. Поскольку такие способы решения поставленных задач встречаются в библиотековедческой литературе не часто, возникает необходимость сделать несколько пояснений, заранее извинившись перед читателем за изложение общеизвестных, в общем-то, в философии и науковедении постулатов.

Автору представлялось логичным исследовать библиотеку (как абстрактное научное понятие), начиная с момента ее возникновения до настоящего времени, проследив главные сущностные моменты ее становления и развития. Это и есть генетический метод, являющийся составной частью марксистско-ленинской диалектики и превосходящий или даже вытесняющий метафизический метод эмпирического анализа¹, широко распространенный в библиотековедении.

Однако для достижения научного успеха генетический метод непременно должен применяться в комплексе с другими методами. Коль скоро в данном случае ведется поиск всеобщих основ функционирования любой библиотеки, естественно обратиться к диалектико-материалистической категории общего, которая изучается,

¹ Философский словарь/Под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. 2-е изд. М., 1968, с. 72; Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975, с. 116 и др.

Здесь и далее, ссылаясь на словари, энциклопедии, справочники, мы исходим не из того, что они представляют собой собрание всесторонне аргументированных оригинальных научных идей, но из того, что в них фиксируется — причем в наиболее отшлифованной формулировке — либо наиболее распространенное, либо признанное нормативным толкование того или иного теоретического понятия.

в свою очередь, методом восхождения от абстрактного к конкретному.

В среде библиотечных работников эпитет «абстрактный» бытует очень широко, но главным образом в негативном смысле — как синоним отрыва исследований от жизни, расплывчатости, неопределенности терминов, положений, выводов и т. п. Однако точное научное значение понятия «абстрактное» не имеет с таким пониманием ничего общего. Это понятие исчерпывающе освещено основоположниками марксизма-ленинизма, которые выступали не против абстрактного, но против отвлеченного рассмотрения предметов и явлений. «Кажется правильным начинать с реального и конкретного..,— замечал К. Маркс,— между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным». Далее он разъяснил, почему исследование надо начинать со «все более и более тощих абстракций» [т. 12, с. 726] и лишь затем постепенно переходить к конкретному: чем обширнее область явлений, которые мы пытаемся осмыслить, выразить словами, тем более общие понятия необходимы нашему мышлению; ибо логическая абстракция является формой научного отражения того существенного, необходимого, что имеется в изучаемом явлении или процессе. Абстрактное мышление, подчеркивал В. И. Ленин, «не отходит — если оно *правильное...* от истины, а подходит к ней» [т. 29, с. 152]. Хотя логические абстракции и не охватывают всего богатства явлений, они тем не менее «отражают природу глубже, вернее, *полнее*» [там же, с. 152—153]. Следовательно, исследования, выполненные на абстрактном уровне, без обязательного обращения к эмпирическому материалу, все же принципиально отличаются от исследований, имеющих отвлеченный характер. Как известно, против последних решительно высказался Центральный Комитет партии в постановлении 1974 г. о библиотечном деле.

Чрезмерное увлечение рассмотрением любых научных вопросов на конкретно-историческом уровне, возведенное в своего рода догму, приводит к эмпиризму, которым, к сожалению, страдают многие библиотечные труды. Оно ведет к недооценке общечеловеческого, к снижению уровня абстрактности научных исследований. Проиллюстрируем сказанное анализом нескольких работ разного времени.

Еще в начале 30-х гг. Б. М. Левинтов писал: «Не существует единого библиотекосведения, общего для буржуазии и для пролетариата...» [164, с. 36]. При таком отвлеченном подходе не ясно, о чем идет речь — о сущности или содержании библиотекосведения. Автор прав, если имеется в виду второе, но не прав, если первое. И далее, противореча самому себе, Б. М. Левинтов выдвигал как раз общее для буржуазного и пролетарского библиотекосведения положение: независимо от того, «строится ли библиотека классом буржуазии или пролетариатом, она является одним из элементов, формирующих идеологию масс...» [там же, с. 37]. Какой класс и какая идеология подразумеваются в том или ином случае — это уже следующий вопрос, это отход от общего, конкретизация его, т. е. уже особенное в библиотекосведении. Ту же ошибку совершал А. И. Литинский, пытаясь доказать невозможность одновременного определения сущности как буржуазной, так и социалистической библиотеки [167, с. 85], не учитывая того, что сущность в отличие от содержания (которое он, возможно, имел в виду) как раз и не может быть разной, — иначе речь шла бы попросту о разных предметах исследования.

В 70-х гг. методологически правильный подход к исследованию библиографических явлений на уровне общего обнаружил О. П. Коршунов [152, 153]. Однако выход в свет его монографии породил бурную дискуссию на страницах печати. В частности, автор критиковался за то, что он почти не раскрыл содержания, задачи библиографической деятельности, конкретно-историческую обусловленность явлений библиографической теории и практики.

Но, как уже показано, такой подход вполне допустим. Более того, сами, видимо, того не желая, его признают и критики О. П. Коршунова. А. М. Бочеввер, например, писал: «...в научных исследованиях важно обращать первостепенное внимание не только на то общее, что имеется в библиографии всех времен и народов, но и на специфические особенности развития библиографического дела в условиях социализма» [42, с. 71]. Обратим внимание на оборот «не только»; «обращать первостепенное (!) внимание на общее» рецензент тоже считал важным. И он, конечно, прав. Формула объема фонда, например, обща, абстрактна, ибо состоит из одних символов и математических зависимостей; но зато она

пригодна для огромного количества библиотек. Величина фонда отдельной библиотеки конкретна, но по ней нельзя судить об оптимальности фондов других библиотек. Да и решить вопрос, оптимален ли по величине фонд этой конкретной библиотеки, можно лишь соотнеся его с абстрактной формулой.

Основоположники марксизма-ленинизма возражали не против самих всеобщих понятий, а против умозрительно-метафизического их толкования. Так, К. Маркс писал: «...если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития... Может поэтому показаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо проследить процесс исторического развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой» [т. 12, с. 710—711]. Затем Маркс развенчивает это заблуждение. «Однако все эпохи производства имеют некоторые общие признаки, общие определения. *Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений» [там же, с. 711]. Именно за обоснование общезначимых понятий В. И. Ленин особенно высоко ценил «Капитал». Эта книга, по его мнению, не что иное, как «несколько обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала. И если кто, читая „Капитал“, сумел не заметить этих обобщающих идей, то это уже вина не Маркса...» [т. 1, с. 139].

Некоторое недопонимание категории общего обнаруживают и авторы книги «Библиотечковедческие исследования. Методология и методика» [34], в целом примечательной в плане рассматриваемого вопроса тем, что в ней как бы «узаконен» системный подход к библиотечковедческим исследованиям. В книге изложены основные критические положения советских библиотечковедов, направленные против попыток буржуазного библиотечковедения рассматривать проблему «Библиотека и общество» вне времени и пространства, вне связи с конкретными историческими условиями. Но авторы рассматриваемой монографии не учитывают другую сторону вопроса, а именно, что общая теория библиотечковедения исследует не только классовые, но и общие категории,

такие как «наука», «система», «библиотека», «библиотекведение», «библиотечный фонд» и многие другие. Благодаря их применению появляется возможность плодотворного сотрудничества библиотечковедов разных стран в разработке общих и частных вопросов теории, позволяющая говорить о реальном существовании понятия «международное библиотекведение». Без использования того, что принято называть общечеловеческим тезаурусом, ученые разных стран не понимали бы друг друга, была бы невозможна преемственность развития науки во временной (исторической) перспективе, в условиях смены общественно-экономических формаций. Но, оперируя одними и теми же понятиями, ученые разных стран наполняют их конкретным историческим, классово обусловленным содержанием. Так, в данной работе имеется в виду советская библиотека.

Итак, хотя деятельность библиотек в социалистическом и капиталистическом обществе имеет полярно противоположную идейно-политическую направленность, все же их сущность проявляется на уровне общечеловеческого. Это и дает возможность исследовать их на таком общем уровне, разумеется, ни на минуту не упуская из виду классовую направленность библиотечной работы.

Для изучения поставленных вопросов особое значение имеют документы Коммунистической партии Советского Союза, высказывания товарища Л. И. Брежнева о повышении теоретического уровня научных исследований. Сегодня, говорил товарищ Л. И. Брежнев, как никогда «...необходим комплексный, системный подход к выработке ответственных решений. Мы приняли такой подход на вооружение и будем последовательно проводить его в жизнь» [6, т. 3, с. 384—385].

Специалисты подчеркивают, что системный подход «не только сфера отвлеченной науки. Напротив, он выдвигается на передний план именно там, где возникают особенно острые практические проблемы» [39, с. 248]. Учитывая наличие в литературе различных точек зрения на основные системологические понятия, поясним, в каком смысле они употребляются в данном случае. Системный подход есть «черта, грань марксистской диалектики» [Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 10].

Некоторые авторы употребляют термины «системный подход», «системный анализ», «системное исследование»

как синонимы [см., напр.: 168, с. 5; 293, с. 3—4], а теорию системного подхода отождествляют с общей теорией систем, принципом системности и т. п. Мы же стоим на точке зрения тех авторов, которые доказывают, что каждое из перечисленных понятий представляет собой отдельный аспект системных исследований [73, с. 12; 38, с. 87—91]. Разница между аспектами определяется спецификой задач, для решения которых конструируется та или иная система. В частности, хотя системный подход по своим познавательным установкам действительно близок системному анализу (и в том, и в другом имеет место оперирование одними и теми же понятиями структуры и функции, системы, акцентирование внимания на изучении разнотипных связей объекта), но вместе с тем «для системного анализа характерна изначальная четко осознаваемая установка на подчинение теоретического построения практическому эффекту» [72, с. 11], и он относится к системному подходу как часть к целому [243, с. 47]. Последний, в отличие от системного анализа, имеет не прикладное, а общетеоретическое значение. Он «достаточно эффективно выполняет, во-первых, функции, связанные с постановкой проблем в специальных науках и, во-вторых, функции... методологического анализа уже существующего научного знания» [39, с. 73]. Но, как было отмечено выше, именно это и составляет предмет данной работы. И если «наиболее очевидные успехи» системного подхода состоят прежде всего в реализации названных функций, то его роль «в решении уже поставленных, хотя бы и с системной точки зрения, проблем значительно скромнее, чем в их постановке» [39, с. 72]. И еще меньше его роль в организации процесса исследования — там по праву господствует системный анализ. Следовательно, системный подход и системный анализ выполняют разные функции в науке, и поэтому оба имеют равные права на существование. В нашем случае предпочтение отдано системному подходу, как наиболее соответствующему классу поставленных задач.

Есть различия и между понятиями «системный подход» и «системный метод», хотя многие эти понятия отождествляют. Первый, как разъясняет А. Д. Урсул, отличается от второго тем, что является более общим и менее определенным, включает в себя лишь наиболее общие принципы, не доводя их до определенных операциональных установок, формализованных и математизи-

рованных теорий и концепций; одному подходу может соответствовать не один, а некоторое множество методов [см.: 312, с. 41].

Системный подход сам системен, т. е. имеет целый ряд аспектов (системно-элементный, системно-структурный, системно-функциональный, системно-интегративный, системно-процессуальный, системно-коммуникационный, системно-исторический и др.) ² [15, с. 85]. В данном исследовании по мере возможности затрагивается каждый из этих аспектов, но все же особое внимание уделяется системно-элементному, системно-структурному и системно-функциональному.

Системный подход выступает как частнометодологическая концепция, призванная систематизировать совокупность методов исследования для конструирования систем разных типов и классов [243, с. 34]. Благодаря этому его может разрабатывать «каждая частная наука, вынужденная приступить к изучению своих специфических объектов как систем особого рода» [265, с. 82]. Это дает основание не просто конкретизировать положения системного подхода применительно к задачам библиотековедения, но сконструировать собственную модель, наиболее адекватную, на наш взгляд, всякой реально существующей библиотеке.

Представление библиотеки в виде системы вносит в библиотековедение качественно новое знание, которое не может быть получено вне системного подхода. Библиотечные исследования долгое время были направлены в основном на изучение качественных и количественных изменений в библиотечной деятельности. Между тем «каждое качественное состояние... является продуктом диалектического взаимодействия соответствующих количественных и структурных изменений» [10, с. 42]. В других случаях структурные состояния оказывают определяющее влияние на количественные изменения системы. Познание структуры исследуемых систем и процессов означает переход от описания к объяснению, от явлений к сущности [188, с. 36]. Иными словами, без знания структуры невозможно объективно

² Впрочем, существует точка зрения, что многие из них являются не аспектами, а самостоятельными подходами, теснейшим образом связанными с системным.

воспроизвести систему во всей ее полноте и сложности³. Ее фундаментальная роль определяется тем, что структура выступает как «способ организации элементов в системе» [72, с. 5].

В соответствии с теорией системного подхода всякая система конструируется из ограниченного, конечного числа элементов (слово «элемент» употребляется, как принято в науке, в собирательном смысле). Понятие элемента и расчленение системы на элементы с практической точки зрения условно. С позиций формальной логики элементом считается объект, на данном уровне анализа не подлежащий дальнейшему расчленению. Рассмотренный на другом уровне, в качестве не подсистемы, а самостоятельной системы со своими элементами и связями, он также характеризуется не меньшей сложностью и требует не менее тщательного изучения. К примеру, исследование библиотечного фонда как самостоятельной системы уже начато. На природу элемента не накладывается никаких ограничений: это может быть одушевленный или неодушевленный объект, явление или предмет и т. д. Так, элементами на равных правах могут считаться и библиотечный фонд, и контингент абонентов⁴ библиотеки.

О возможности выявления набора элементов, из которых состоит система, и раскрытия взаимосвязей между ними В. И. Ленин писал: «Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияний и обстоятельств, случай и уже затем от его решения чтобы восходили далее, принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства» [т. 6,

³ Во избежание терминологической путаницы следует отметить, что понятие «структура» в общенаучном плане не идентично тому же понятию в обиходно-речевой практике: структура библиотеки как системы непосредственно не стыкуется со структурой библиотеки как реального учреждения, состоящего из функциональных и отраслевых отделов, служб управления, материально-технического обеспечения и т. д. В объективной реальности существуют одновременно оба вида структур, но они не сводимы друг к другу, поскольку являются разнокачественными.

⁴ Понятие «абонент» как обобщающее по отношению ко всему контингенту лиц, пользующихся услугами библиотек, подробно раскрывается ниже.

с. 328]. Все элементы конструируемой системы разделены нами на два больших класса. Первый составляют родовые, или родообразующие элементы. Они должны отвечать следующим требованиям:

— быть генетически присущими, обязательными и постоянными в каждой библиотеке без исключения; при отсутствии хотя бы одного (любого) из них система функционировать не может;

— обладать характеристиками, позволяющими четко отграничивать один от другого.

Среди родовых элементов выделяются исходные. Наличие этих последних недостаточно для образования библиотеки, но они служат причиной появления других родовых элементов.

Помимо родовых, библиотека может иметь неограниченное количество различных, хотя и важных — с точки зрения ее функционирования в конкретно-исторических условиях, — но необязательных, с точки зрения ее сущности, элементов (и связей — как между элементами, так и с внешней средой). Эти элементы и образуют второй класс — исторически производных.

Обязательными для всякой структуры являются внутренние связи, т. е. связи между элементами объекта. Конечно, объект имеет и внешние связи, но при структурном его рассмотрении «обычно об этом не говорят» [156, с. 51]. Взаимозависимость элементов выступает не в виде линейного причинного ряда, а в виде замкнутого круга, внутри которого каждый элемент, с одной стороны, является условием существования другого (других), а с другой стороны — сам обусловлен им (ими). Структурный подход «не противоположен причинному объяснению, а лишь показывает недостаточность однозначной причинности при анализе сложной системы связей... (он) может быть понят как дальнейшее развитие принципа причинности» [39, с. 125].

Среди многочисленных связей системы (взаимодействия, порождения, преобразования, развития, управления и др. [39, с. 188]) особое значение имеют связи строения и функционирования, так как «наиболее глубоко сущность системы может быть выражена на основе диалектического единства ее структуры и функций» [107, с. 10].

Системно-структурный подход представляет систему в статике, т. е. в относительном покое, равновесии. В таком состоянии «система на тот или иной период времени

сохраняется, остается именно данной, а не какой-либо другой» [14, с. 57], обретает относительную устойчивость. Этот подход к изучению системы необходим (без него изучение системы вообще невозможно), но недостаточен. Он не показывает систему в движении, в развитии, т. е. в процессе ее функционирования в обществе. Любая структура — не самоцель, а средство реализации определенных функций [34], «функция характеризует смысл существования системы» [357, с. 6], потому-то структурный подход к изучению явлений действительности обязательно должен дополняться функциональным подходом.

Здесь важно оговориться, что понятие «функция» употребляется нами не совсем в том значении, какое принято в библиотековедении. Так же, как и в случае с выяснением структуры библиотеки, речь в данном случае пойдет, главным образом, не о тех функциях, которые выполняет библиотека в целом по отношению к обществу, а о функциях, которые выполняет каждый ее элемент в общей системе («библиотека»). С точки зрения функционирования библиотеки как системы их можно считать внутрисистемными, а по отношению к каждому отдельному элементу они выступают как сущностные. Методологическим основанием для такого рассмотрения функций служат следующие положения теории системного подхода: в системе, представляющей собой органичное целое, «элемент и определяется прежде всего по его функции: как минимальная единица, способная к относительно самостоятельному осуществлению определенной функции» [39, с. 185]; «все части служат целому, но каждая из них служит по-особенному» [15, с. 16].

Изучение функциональных зависимостей делает представление о библиотеке как системе более цельным и полным, так как «функциональная зависимость включает в себя и количественное, и качественное содержание одновременно» [176, с. 10]. Поднимающийся иногда в среде библиотекovedов вопрос о том, что первично в системе — структура или функции, представляется несостоятельным в самой своей постановке, ибо между этими категориями нет детерминации: «структура не может не нести определенной функции, как и не может быть функций, не свойственных той или иной структуре» [107, с. 12].

Правомерно предположить, что функции, так же, как элементы, разделяются на родовые и производные и вообще могут классифицироваться по разным основаниям. По-видимому, недооценка данного обстоятельства в библиотековедении приводит к тому, что социальные функции рассматриваются, как правило, лишь с точки зрения пропаганды книги и обслуживания абонентов.

Существующие классификации различаются и по числу функций, и по их наименованию. Так, Л. М. Инькова, В. В. Серов, О. С. Чубарьян выделяют по три функции; Л. Г. Волкова — 4, А. И. Пашин — 5, И. М. Фрумин — 6 и т. д. [121, 62, 207, 340, 256, 320].

Например, в статье «К вопросу о взаимосвязях библиотековедения с другими науками» О. С. Чубарьян выделил две функции — воспитательную и информационную [339, с. 27—32], а в третьем издании учебника «Общее библиотековедение» добавил к ним еще образовательную. И. М. Фрумин в 1973 г. называл четыре функции библиотек — агитационно-пропагандистскую, педагогическую, производственную, эстетическую [196, с. 55], а в 1977 г. — шесть социальных и три технологических [320, с. 65].

Нет единства и во взглядах на иерархию функций. Первой называют то идеологическую (Л. М. Инькова), то агитационно-пропагандистскую (И. М. Фрумин), то политико-воспитательную (А. И. Пашин), то информационную (О. С. Чубарьян в некоторых работах) и т. д. Такой разницей во мнениях мы все же склонны оценивать скорее позитивно, чем негативно: он характеризует движение и развитие теоретической мысли. Но он же свидетельствует о том, что классификация функций еще далеко не закончена и что неправомерно ограничивать ее какими-либо жесткими рамками.

Анализ существующих концепций

Первоначально (на ранних стадиях развития библиотековедения) специалисты полагали, что библиотеку создает какой-либо один и единственный элемент: либо помещение для хранения документов, специальное оборудование, либо набор документов (библиотечный фонд), контингент читателей (абонентов), библиотечный персонал и др. Некоторые из этих воззрений продолжают существовать и в настоящее время. Ниже мы рассмотрим

наиболее распространенные из них. Пока же заметим только, что в каждом имеется рациональное зерно.

Вместе с тем в каждом новом онтологическом воспроизведении библиотеки была и негативная сторона, состоявшая в забвении прежних, хотя и ограниченных, но все-таки частично верных взглядов. Построение библиотеки как замкнутой нерасчлененной системы с одним родообразующим элементом страдало односторонностью, не раскрывало всей сложности ее как общественного явления.

Постепенно библиотековеды, подготовленные трудами своих предшественников, приходят к мысли, что библиотеку образует взаимосвязь нескольких элементов. Это был качественно новый взгляд, и перейти к нему было нелегко. Известные библиотековеды (Н. А. Рубакин, Л. Б. Хавкина, А. А. Покровский, позднее Ю. В. Григорьев, О. С. Чубарьян), наиболее близко подошедшие к пониманию библиотеки как сложной системы, так и не смогли до конца преодолеть многовековую научную традицию построения библиотеки из единственного элемента. Называя в качестве такового то одно, то другое, они колебались в своих воззрениях.

Появление четкого представления о том, что библиотеку порождает взаимодействие, по крайней мере, двух элементов относится, по-видимому, лишь к 20-м гг. нашего столетия. Оно, несомненно, свидетельствует о качественно возросшем уровне аналитического мышления библиотековедов. Из специальных работ сошлемся на статью Ф. Э. Доблер, которая в 1923 г. прямо указывала: «Библиотека — не только собрание книг, это собрание книг плюс библиотекарь» [104, с. 76—77]. При этом она была готова отдать предпочтение в этой системе библиотекарю: «И еще вопрос, что имеет большее влияние на читателя: книга или библиотекарь, который этими книгами командует и выбирает те, которые считает лучшими» [104, с. 77].

Приведенное высказывание обогащает теоретическую мысль добавлением еще одного важного атрибута⁵ библиотеки. Однако выдвижение его на центральное место в системе не соответствует его истинной роли равного среди других родообразующих элементов. Кроме того,

⁵ О правомерности употребления этого термина в данном контексте см.: [182, с. 93].

эта принципиально новая идея не была обоснована и развернута, возможно, в силу того, что представлялась автору аксиоматичной.

Аналогичная трактовка сущности библиотеки принята и авторитетными международными органами. Она содержалась в рекомендации ЮНЕСКО о международной стандартизации библиотечной статистики (1969 г.), вошла в ее терминологический словарь по документации [405, р. 178], а затем и в международный стандарт по библиотечной статистике. В соответствии с ним библиотекой считается, во-первых, «любая систематизированная коллекция печатных книг и периодических изданий или любого графического или аудиовизуального материала», а, во-вторых, «деятельность обслуживающего персонала, способствующая использованию такого материала, который необходим для удовлетворения информационных, научно-исследовательских, просветительских или развлекательных нужд потребителей» [379, р. 1]. Два элемента в этом определении — документ и библиотекарь — выражены явно, но подразумевается также (как, впрочем, и у Ф. Э. Доблер) еще третий — читатель.

В главных чертах эту же идею проводит и Постоянная комиссия СЭВ по статистике. Формальными признаками, определяющими библиотеку как тип учреждения, подлежащий статистическому учету, считаются: 1) наличие фонда не менее чем в 300 экз. и 2) наличие работников (их число не ограничивается) [291, с. 439].

В 1948 г. И. Г. Марков выдвинул новую двухэлементную концепцию «функционирования книги в обществе» (имея, в частности, в виду библиотеку) — книгу и читателя. Если всегда исходить из наличия этих двух факторов, считал он, «то все книговедческие категории будут представлять лишь различные формы связи между книгой и читателем» [177, с. 103]. Заметим, что еще в 1919 г. очень близко к этой идее подошел В. А. Зеленко [115, с. 1—2]. Так что неправ А. Я. Черняк, отдавший приоритет в разработке данной концепции Я. Дртинне [332, с. 64].

Начиная с 1960 г. аналогичную позицию занимает О. С. Чубарьян. Он писал: «Деятельность библиотек можно условно разделить на две взаимосвязанные части: 1) комплектование библиотечного фонда и его организация и 2) обслуживание читателей. Оба эти направления достаточно емки, чтобы охватить весь сложный библиотечный процесс» [343, с. 9; 344, с. 45]. Эта

концепция была принята составителями Словаря библиотечных терминов И. М. Сусловой и Л. Н. Улановой и справедливо критиковалась (правда, без альтернативной позитивной точки зрения) В. В. Власовым [60, с. 24]. В определенной мере эту точку зрения разделяли Ю. В. Григорьев, Н. Я. Фридьева. Сейчас концепция — система «книга—читатель» как предмет книговедения — развивается особенно активно. Книговеды используют ее, чтобы доказать, что библиотековедение является частью книговедческой науки.

В 60-е же годы данную точку зрения приняли отдельные зарубежные специалисты. Так, Б. Пальмер и А. Уэлс (Великобритания) полагали, что библиотечное дело имеет целью «соединить читателя и книгу или предмет информации. Вся техника библиотекаря — только средство к достижению этой цели» [398, р. 11]. В буржуазном библиотековедении эта позиция привела к представлению о библиотеке как чисто технической коммутационной системе, а к концу 60-х гг. выродилась в идею т. н. библиотеки без книг, без библиотекаря и читателя.

По-иному она была воспринята в социалистических странах, где ее защищали Я. Дртина (ЧССР) [368, S. 198], затем Х. Кунце (ГДР) [385, S. 240], В. Пясецки (ПНР) [400] и др. Она была единогласно принята на Второй конференции по высшему библиотечному образованию (Берлин, 1962 г.), участниками которой были представители СССР, ГДР, ВНР, НРБ, ПНР, СРР, ЧССР [372, S. 341]. В социалистических странах, где и формирование фондов, и обслуживание читателей базируются на принципе коммунистической партийности, а задачи библиотек трактуются в свете марксистско-ленинской методологии и теории научного коммунизма, коммутационная сторона библиотечного обслуживания перестает быть самодовлеющей, она заслуженно рассматривается только в технологическом аспекте.

В настоящее время концепция библиотеки как двух-элементной системы — преимущественно «книга — читатель» — имеет немало сторонников во всем мире и продолжает развиваться.

Параллельно с рассмотренными, широкое распространение в библиотековедении получил взгляд, в соответствии с которым библиотеку образует взаимодействие трех элементов. Одной из первых к этой мысли пришла

Л. Б. Хавкина. Предложение рассматривать читателя как родообразующий элемент — ее заслуга. Но, в отличие от других авторов, она не умаляла при этом и значения библиотечного фонда. «Книги,— писала она,— это организм библиотеки, и нужно заботиться о том, чтобы этот организм был здоровым, крепким, а не худосочным, чахлым, чтобы он правильно рос и не останавливался в развитии» [329, с. 82]. Она указала еще на один неотъемлемый элемент библиотеки — библиотекаря, который, по ее словам, «является душой дела: он превращает неподвижную, пассивную массу книг в живой организм» [329, с. 226]. Эта позиция, обогащенная положениями системного подхода, получила развитие в 1960-е гг.

В 1967 г. Н. С. Карташов проанализировал взаимоотношения библиотекаря (*Б*), читателя (*Ч*) и книги (*К*), используя понятия системного подхода [127, 129]. На его сторону в 1976 г. встал А. Я. Черняк, давший развернутую характеристику роли каждого элемента в системе *К-Б-Ч* [332]. Он значительно углубил позицию, только намеченную Н. С. Карташовым. Особое внимание А. Я. Черняк уделил элементу «библиотекарь». По его мнению, этот элемент — единственный специфически библиотечный в системе; ее центральное звено, обладающее наибольшей активностью, «важнейший компонент библиотечного дела, равноправный с такими явлениями, как книга и читатель». Элементы *К* и *Ч*, по мнению А. Я. Черняка, наиболее прочны и незыблемы. Верно и его положение, что у системы нельзя отнять ни одного элемента, чтобы не разрушить ее. (Это, однако, не означает, на наш взгляд, что нельзя и добавить ни одного элемента.) Правда, рассмотрение элемента *Б* как центрального звена системы противоречит тезису о равноправии всех трех элементов. Доведя эту идею до логического конца, неизбежно приходим к библиотеке, вырастающей всего из одного элемента.

Далее систему *К-Б-Ч* разрабатывал И. М. Фрумин, подробно раскрывший внешние и внутренние связи между элементами, а также вытекающие из них функции библиотеки и закономерности (законы) библиотечного дела [320]. К сожалению, статья И. М. Фрумина тоже внутренне противоречива. Успешно показав, как и А. Я. Черняк, равновеликость каждого составного элемента системы «библиотека», особо подчеркнув, что библиотека — целостная система, где ни один элемент

не может рассматриваться в отдельности [320, с. 66], он вслед за этим нарушил собственный методологический подход. «В системе *К-Б-Ч* книжный фонд — ведущий элемент, — заявляет автор, — без него в библиотеке нечего делать читателям, не нужен библиотекарь» [320, с. 67]. Но ведь и без читателя книжный фонд будет мертвым грузом, а без библиотекаря некому будет ни формировать фонд, ни руководить чтением! Не следует ли из этого, что все названные элементы равно «ведущи» и теряют смысл друг без друга. Этим своим утверждением И. М. Фрумин сделал большой шаг назад от написанного им в той же статье.

Концепция библиотеки как системы *К-Б-Ч* признается еще рядом специалистов [см., напр.: 114, 298], однако поскольку их взгляды не вносят чего-либо существенного в ее развитии, мы на них не останавливаемся.

Другие конструкции библиотеки как трехэлементной системы не представляют научного интереса. К примеру, по М. И. Слуховскому, библиотеку образуют книжное собрание, специальный аппарат, библиотечные приемы [263, с. 3] (!). Объяснение того, почему именно эти элементы порождают библиотеку, у автора отсутствует. Впрочем, он и не задавался целью специально исследовать онтологию данного понятия.

Представление о библиотеке как системе, состоящей из трех обязательных элементов *К-Б-Ч*, закреплено в некоторых официальных документах. К примеру, в Классификации культурно-просветительных учреждений, утвержденной ЦСУ СССР с учетом замечаний Министерства культуры СССР, ВЦСПС, Министерства финансов СССР, ЦСУ союзных республик, библиотекой признается учреждение с фондом не менее 300 экз. и библиотечными работниками (неважно — штатными или внештатными), обслуживающее читателей [138]. Основные условия открытия профсоюзных библиотек — это численность работающих на предприятии — не менее 5 тыс. чел., наличие первоначального фонда — не менее 1 тыс. книг, постоянный источник финансирования, благоустроенное помещение и библиотечное оборудование [223].

В целом следует отметить, что концепция библиотеки как сложной системы — *К-Б-Ч* обобщает все ценное, что было добыто предшествующими исследованиями. Она вобрала в себя представления о библиотеке и как о соб-

рании книг, и как об учреждении, где главной фигурой являются читатель (по одним взглядам) и библиотекарь (по другим), одновременно. В данную конструкцию органически вписались и воззрения на библиотеку, как двухэлементную систему: связи *К-Ч*, *К-Б*, *Б-Ч* стали рассматриваться как равные среди равных в треугольнике *К-Б-Ч*. Они гармонически вошли в эту систему, не только не противореча друг другу, но, напротив, делая ее теоретически более стройной и аргументированной. На этой основе во второй половине 70-х гг. библиотековедение вплотную подошло к изучению структуры библиотеки, т. е. ее сущностных оснований.

Однако с выдвижением безусловно прогрессивной концепции библиотеки как системы «книга-библиотекарь-читатель» библиотековедение все-таки еще не достигло, на наш взгляд, всестороннего раскрытия сущности изучаемого явления. В забвении осталось самое первое, самое раннее представление о библиотеке как помещении, здании, наборе оборудования специального назначения, которое, несмотря на свою эмпиричность и ограниченность, тоже должно быть включено на равных правах с элементами *К*, *Б* и *Ч* в единую систему. Это позволит, как нам думается, завершить теоретическое воссоздание библиотеки как научного понятия, отражающего объективную реальность.

Переходим в связи с этим к рассмотрению следующей концепции библиотеки как системы.

Диалектическое единство фонда, читателя и библиотекаря всегда существует в некоторой материально-технической среде. Помещение или здание, оборудование, механизмы, автоматы, орудия и т. д. столь же естественный и полноправный элемент системы «библиотека», как и элементы *К*, *Б* и *Ч*. Назовем его материально-технической базой (*МТБ*) библиотеки.

О *МТБ* как еще об одном элементе системы «библиотека» писала Л. Б. Хавкина, подчеркивая, со ссылкой на американский опыт, что для библиотеки «...библиотекарь составляет 3/4, а стены, полки и книги — лишь одну четверть дела» [329, с. 227]. Учение о материальной базе библиотеки она считала составной частью библиотековедения [328], хотя и не рассматривала его специально. Но у многих авторов вплоть до 70-х гг. отсутствовало даже такое мимолетное указание на то, что *МТБ* составляет одну из частей библиотеки.

В начале 70-х гг. автором этих строк была выдвинута концепция библиотеки как системы, состоящей из четырех элементов [279, с. 57]. В дальнейшем она получила более подробное обоснование [227]. Среди ее сторонников можно назвать Н. М. Сикорского [334], Л. А. Гвишиани [74, с. 14], К. Калайджиеву [122, с. 84], ряд специалистов США и ФРГ [88, с. 30]. Однако у всех этих авторов структура библиотеки не обосновывается, освещается крайне лаконично.

Появление новой концептуальной схемы было подготовлено фактически достигнутым к 70-м гг. уровнем библиотечеведческих исследований. Вместе с тем она не является чем-то абсолютно новым в библиотечеведении. Как и у рассмотренных выше концепций, у нее имеются глубокие исторические корни.

Ее истоки можно найти в одном из самых ранних в отечественной науке теоретических определений понятия «библиотека», данного в 40-х гг. XVIII в. (опубликовано в 1793 г.) В. Н. Татищевым. Разделяя в целом традиционную в ту пору точку зрения на библиотеку как на здание специфического назначения, он все же начал постигать ее сложность. Приведем его определение: «Библиотека... разумеется палата, где множество или несколько книг для общенародной пользы хранятся, оные более государственные, а некогда и собственные в домах ученых и тщательных людей хранятся, и для чтения желающих в назначенные времена или по просьбе отворяются...» [294, с. 156].

При внимательном изучении этого определения, а также толкования слова «библиотекарий» в них в явном или скрытом виде можно обнаружить все четыре элемента, создающие библиотеку как систему: материальная база (палата), фонд (множество или несколько книг), читатель (желающие чтения) и библиотекарь (библиотекарий). Что касается материальной базы, то она, по В. Н. Татищеву, включает в себя не только помещение, но и оборудование библиотеки: «Во оных же [библиотеках.— Ю. С.] должно быть что к чтанию и выписыванию книг потребно, яко столы или налой, чернилы и бумага со довольством, что желающим за некоторую плату дается, и все оное зависит от благорассудности библиотекаря».

Существуют еще концепции библиотеки как четырехэлементной системы, в которых на место читателя ста-

вится справочно-библиографический аппарат [229, с. 3], «целесообразные средства раскрытия фонда» [385, С. 195]. Читатель в них присутствует неявно.

Иногда библиотеку трактуют как еще более сложную систему, включающую пять и более элементов. К четырем рассмотренным в этом случае добавляют еще ИПС [235, с. 40] «и др.» (что сие означает — неясно) [268]. Некоторые специалисты (А. В. Соколов) называют до семи элементов, однако на проверку оказывается, что часть из них не отвечает одному или обоим требованиям, предъявляемым к родообразующим элементам. Эти сложные конструкции обычно никак не аргументируются. Кроме того, употребление понятия ИПС не может быть признано корректным, поскольку ИПС — это, исходя из определения, одновременно и отдельный документ, и массив документов, и библиотека в целом.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что в библиотековедении выработан ряд разноречивых концепций, теоретически объясняющих сущность библиотеки. Все они продолжают сосуществовать друг с другом. Возникают и новые представления. По одному из последних по времени появления библиотека рассматривается как своеобразная информационно-поисковая система. Как нетрудно заметить, здесь сущность библиотеки также сводится к одному элементу, причем далеко не главному: поиск информации является всего лишь промежуточным звеном в деятельности библиотеки (ему предшествует сбор документов, а за поиском следует их пропаганда и/ или обеспечение условий для восприятия содержания документов).

Теоретическим следствием трактовки библиотеки как ИПС явилось отнесение библиотековедения к информатике как обобщающей для него науке, что нашло отражение в термине «Информатика» третьего издания Большой Советской Энциклопедии (впрочем, книговедение в том же источнике с не меньшей решительностью объявляет библиотековедение своей составной частью), а также в номенклатуре специальностей научных работников (утверждена Госкомитетом Совета Министров СССР по науке и технике в 1972 г.).

Позиции многих специалистов противоречивы и неустойчивы: в разные периоды своей теоретической деятельности они склоняются то к одной, то к другой, а то и к третьей концепции. Все это, взятое вместе, в нема-

лой степени осложняет научное представление о сущности библиотеки, уровень разработки которого сегодня еще далеко не соответствует важности тех практических задач, которые она призвана решать. Данное обстоятельство побуждает к строго доказательному определению элементов библиотеки как системы, их связей и функций.

На наш взгляд, концепция библиотеки как четырех-элементной системы *К-Ч-Б-МТБ* (или, точнее, *Д* (документ) — *А* (абонент) — *Б* (библиотекарь) — *МТБ* (материально-техническая база) наиболее убедительна. Дальнейшее изложение посвящено ее развитию.

Исходный пункт возникновения и родовые элементы системы «библиотека»

На первый взгляд, причина возникновения библиотеки очевидна: ее как социальный институт порождает общество в целях удовлетворения специфических потребностей своих членов. Это утверждение, несомненно, верно и не требует доказательств. Однако оно не раскрывает сущностной специфики этого общественного учреждения, механизма его возникновения. Библиотека в нем рассматривается на макроуровне — т. е. в целом, как один из элементов системы «общество». Но и библиотеку, в свою очередь, следует изучать как систему, т. е. расчленяя ее на составные части и прослеживая связи между ними.

Возникновение двух элементов библиотеки, которые одновременно являются родовыми и в библиографии, описал О. П. Коршунов [153, с. 62—68]. Характер взаимоотношения между этими элементами лаконично выражен им в тезисе «Книга и читатель как единство противоположностей — источник возникновения библиографии». Это избавляет нас от необходимости подробно излагать исторический путь образования исходного пункта библиотечной деятельности. Мы изложим его схематично, чтобы не нарушать логики нашего рассуждения.

Первооснова всего, что связано с чтением, определяется потребностью общества в знании, а также самим процессом производства и потребления знания. Уже на ранних этапах развития цивилизации становится невозможным распространение знаний только в рамках непосредственного общения между людьми, посредством

простого запоминания их и передачи от человека к человеку, от поколения к поколению. Возникает объективная потребность в таком способе фиксирования (материализация и отчуждение) знаний (в том числе результатов художественного восприятия), который обеспечивал бы их хранение и распространение во времени и пространстве, создавая возможность преемственности в их развитии. «Не будь библиотеки,— справедливо заметила Л. Б. Хавкина,— вся существовавшая книжная продукция распалась бы, пролетела бы сквозь глубь времен, словно комета, и от нее остался бы в лучшем случае лишь след в виде библиографического описания этой продукции. Но без самих книг, собираемых библиотекой для целей пользования ими, ценность такого описания равнялась бы лишь надгробной эпитафии» [328, с. 30].

Появление документа имманентно предполагало возникновение читателя⁶. Документы, аккумулирующие запас знаний, могут вернуть эти знания обществу только через посредство человека, воспринимающего и перерабатывающего содержание документов и таким образом реализующего их информационную ценность. Более того, исторически возникнув как следствие развития знаний, документ столь же исторически превращается в необходимое условие их развития. В результате возникает диалектическое единство между производством и потреблением знаний, в котором уже нельзя установить, что первично, а что вторично, где причина, а где — следствие. Развитие взаимоотношений между элементами «документ-читатель» осуществляется по спирали, в соответствии с открытым В. И. Лениным законом возвышения потребностей.

С другой стороны, творческая деятельность человека, весь процесс подготовки его к ней (образование) опосредуются документами, начиная от букваря и кончая литературой разной степени сложности. Следовательно, оба элемента системы «документ-читатель» объективно необходимы друг другу. «Книга, ее организм, ее смысл неразрывно связаны с человеком. Книга пото-

⁶ В данном случае мы сознательно пользуемся термином «читатель», имея в виду читателя документа. По традиции употребляем и термин «читатель библиотеки». Далее будет показана ограниченность этих терминов и подробно раскрыта суть понятия «абонент».

му „огромная сила“, что она всегда социальна,— писал член-корреспондент АН СССР А. А. Сидоров. — ...Мы знаем факты, когда книгу писал какой-либо писатель-чуждак „для себя самого“, не рассчитывая на ее издание. Но и тут у нее был читатель, в единственном пусть числе. В этом неизбежная диалектика книги. Книгу от человека оторвать немислимо» [258, с. 78]. «Если книгу не читают,— она — вещь в себе, это даже не книга»,— вторит ему известный книговед Н. М. Сикорский [198, с. 73].

Но вместе с тем единство читателя и документа никогда не доходит до тождества. Напротив, в отношениях между ними наблюдается диалектическое противоречие. Как источник знаний, документ полярно противоположен читателю — потребителю этих знаний. В нем содержится то, чего нет, но что может быть перенесено в сознание читателя (с той или иной степенью полноты или адекватности). Пока сохраняется эта противоположность, сохраняется и само отношение «документ-читатель», а как только она снимается, исчезает и связь. Появляется тождество без противоположностей, ибо содержание документа входит в сознание личности. Единство противоположностей существует не всегда: оно отсутствует, когда содержание документа слишком элементарно или слишком сложно для читателя, или ему недоступен язык, на котором документ написан. В этом случае имеет место полная противоположность — без единства, так как между документом и читателем нет даже потенциального соответствия (документ имеется, а читатель практически отсутствует). Но отсутствие такого соответствия, конечно, не абсолютно.

В некоторых работах подвергается сомнению сама возможность рассматривать связь «книга-читатель». По мнению А. М. Бочевера, правильнее исследовать отношения между книгой и ее автором [42, с. 69]. Наличие теснейшей связи между книгой и ее создателем, несомненно, имеет место. Более того — оно очевидно. Действительно, выход книги в свет — решающий шаг в устранении противоположности между теми знаниями, какие есть у автора и каких нет у читателей. Но, с точки зрения библиотекovedения (как и библиографоведения), эта связь не существенна. Библиотека имеет дело главным образом не с автором, а с плодом его труда. Поскольку библиотека порождается именно связью «книга-читатель», в рамках библиотекovedения естественно рассматривать

содержание и формы проявления именно этой, а не какой-либо иной связи.

По мере развития общества растет, с одной стороны — число документов, с другой — читателей. Для понимания характера связей между ними важно иметь в виду, что документ по своей материальной природе дискретен, в нем разрушена непрерывность знаний. Кроме того, содержание документа предполагает разнородных читателей. Однако, с другой стороны, столь же дискретен, неоднороден по своей природе читатель. Поскольку духовные продукты, как правило, не уничтожаются, в мире происходит непрерывный процесс их наращивания. Когда количество документов начинает тысячекратно превышать возможности их прочтения индивидом, самостоятельный их выбор все более теряет свою эффективность, пока не становится невозможным вообще. Читатель не только не всегда знает, где находится нужный ему документ или в каких документах содержится интересующая его информация, он может вообще не знать о существовании и появлении все новых и новых необходимых ему документов. По мере развития читательских потребностей, с одной стороны, и роста знаний, с другой, противоречия между документом и читателем обостряются, приобретают социально-проблемный характер. В результате возникает объективная необходимость в управлении системой «документ — читатель» извне. Такое управление может осуществляться различными социальными институтами и, соответственно, находиться в поле зрения различных наук — социологии и психологии чтения, информатики, библиографоведения и др.⁷. Среди них видное место занимают библиотека и библиотекосведение.

Снятие противоречий между документом (с точки зрения его соответствия потребностям читателя, поиска и доставки) и читателем в условиях библиотеки осуществляет библиотекарь, призванный определять, по словам В. И. Ленина, «для какого круга читателей и в каком отношении могли бы быть подходящими те или иные

⁷ Таким образом, О. П. Коршуновым открыта закономерность, свойственная не только библиографии. Но, вырастая из одного корня, пути библиографоведения и библиотекосведения (по мнению отдельных специалистов, еще и информатики), начиная с этого пункта расходятся: библиографоведение конструирует одну систему как предмет изучения, библиотекосведение — другую.

произведения» [т. 45, с. 28]. В этом, с точки зрения системного подхода, состоит его главная (но не единственная) задача.

Библиотекарь в данном случае понимается не как реальная личность, а как элемент системы. Конкретные же его воплощения могут быть различными. К примеру, при открытом доступе к фондам он действует не только непосредственно (как консультант), но в еще большей мере — опосредованно. Ведь именно он решает, какие книги предоставить читателям, как разместить фонд; с помощью наглядных и иных средств пропагандирует литературу и т. д. Библиотечные каталоги и библиографические картотеки представляют собой, фигурально выражаясь, продолжение библиотекаря, который, вместо того, чтобы постоянно помнить и сообщать абонентам сведения о документах, рационализирует эту свою функцию, отчуждая ее от себя и материализуя необходимые сведения (то же делает и библиограф)⁸. Нечто похожее можно сказать и о технических средствах библиотечной работы, которые также призваны облегчать библиотекарию выполнение его функций.

Но и этим сложность системы не ограничивается. Документ имеет двойственную природу: его духовное содержание заключено в вещную форму. Как материальный объект он нуждается для своего хранения и использования в специальных помещениях и специальном оборудовании. *МТБ* необходима также для обслуживания читателей и для создания условий работы библиотечному персоналу.

Так объективно возникают все четыре элемента (при генетически первичной роли документа и читателя), в совокупности и нерасторжимой связи образующие библиотеку. Каждый из них при этом играет свою собственную, качественно обособленную, но в целом равноправную роль, без которой функционирование системы было бы невозможно (табл. 1).

Будучи включенными в систему более высокой сложности, элементы «документ» и «абонент», а также их

⁸ Встречаются и такие конструкции системы, в которых, наоборот, личность (каталогизатор, консультант) рассматривается как элемент каталога [18, с. 65]. Нам важно, однако, не это противоречие (оно кажущееся, ибо речь идет о разнокачественных и разноуровневых системах), а правомерность представления библиотекаря как части каталога.

Таблица 1

Сущностные функции элементов системы «библиотека»

Наименование элемента	Функция, выполняемая элементом
Документ	Основы, материала функционирования системы
Абонент	Смысла и цели функционирования системы
Библиотекарь	Механизма упорядочения системы, приведения ее в действие
Материально-техническая база	Обеспечения материальных условий, внутренней среды функционирования системы

связи между собой, претерпевают существенные качественные изменения: упорядоченная определенным образом совокупность документов образует библиотечный фонд, совокупность абонентов — абонентский (или читательский) контингент. Как у фонда, так и у читательского контингента появляются собственные свойства — множественность, упорядоченность и т. д. Самый процесс чтения становится управляемым извне, целесообразным и целенаправленным.

Иными словами, система начинает функционировать, т. е. ее элементы начинают взаимодействовать как между собой, так и с окружающей средой. На высшем уровне упорядоченности связей между элементами *Д* и *А* (т. е. в условиях библиотеки) связь *Д—А* становится частью библиотеки и не может ей противопоставляться. На этом важном методологическом аспекте системного подхода к теоретическому воспроизведению библиотеки приходится останавливаться особо, поскольку такое противопоставление имеет место в концепции, согласно которой система «книга — библиотека — читатель» является предметом библиотековедения. Эта идея известна, по крайней мере, с 1959 г. и связана с именем Я. Дртины (ЧССР). В 1962 г. его поддержали участники II конференции по высшему библиотечному образованию (Берлин) [372, S. 108; 132]. В 1971 г. Л. И. Беляева представила эту триаду как «совокупность знаний для нужд библиотечного дела» [31, с. 58]. В разных вариантах, но одинаково по сути, защищают эту идею, даже после весьма убедительной ее критики Н. С. Карташовым и

А. Я. Черняком, и другие авторы (А. Н. Ванеев, А. Л. Гольдберг, Ю. А. Гриханов) [34, с. 9; 93; 52].

Рассмотрим в связи с этим аргументацию ее защитников более обстоятельно. Назвав систему «книга — человек» первичной клеткой явления «чтение», Л. И. Беляева пришла к логическому выводу, что самостоятельное развитие этой системы невозможно даже на самых высоких уровнях, что ее развитие и правильное функционирование возможно лишь при условии организации и управления ею извне. Такую задачу, по Л. И. Беляевой, и выполняет библиотека, находящаяся, по ее выражению, «вне этой системы и над нею».

Поддержал эту идею и К. Гломбевски в докладе «Библиотековедение как университетская дисциплина» [372, S. 153]. Он подчеркнул, во-первых, примат книги над библиотекой («сперва должна существовать книга, чтобы потом могла начать работу библиотека»). И, во-вторых, обратил внимание на большие преимущества книги по сравнению с библиотекой («в отличие от книги библиотека не является целью самой по себе, книга же не обязательно должна пользоваться услугами библиотеки, чтобы выполнить свое назначение»). Другие авторы указывают, что и читатель может существовать независимо от наличия или отсутствия библиотеки, в то время как библиотека без читателя функционировать не может.

Эти соображения по большей части правильны сами по себе, но не исчерпывают всей сложности вопроса.

Конечно, элементы «документ» и «абонент» не входят в систему «библиотека» целиком. Каждый индивид, будучи читателем библиотеки, может использовать документы, полученные из других источников. За пределами библиотеки всегда находится значительная часть и документов, и населения. Таким образом, библиотековедение действительно исследует лишь отдельные свойства объектов, связанных с предметом этой науки. Полностью же все их свойства изучают соответствующие науки: книги — книговедение, читателя — т. н. читателеведение. Более того, еще легче доказать (это очевидно), что элемент *МТБ* также не является специфически библиотечковедческим. Можно выдвинуть возражения и против тезиса, что только «библиотекарь является необходимым компонентом библиотеки и не существует вне этого объекта» (А. Н. Ванеев, А. Л. Гольдберг); но такое пред-

ставление кажется убедительным только до тех пор, пока библиотечная профессия рассматривается как нечто нерасчлененное. Между тем она состоит из десятков специальностей, почти каждая из которых может применяться и в учреждениях иного назначения. Можно пойти даже дальше, показав, что и библиотека в целом, в свою очередь, вполне активно функционирует без значительной части документов и без некоторой части читателей. Более того; она проводит целенаправленную политику отбора тех и других как объекта своей деятельности (привлечение одних, невключение в сферу своего влияния других и отторжение третьих).

Но из этих правильных аргументов делаются неверные выводы. Концепция «книга — библиотека — читатель» неверна в самой основе. Из теории системного подхода известно, что одни и те же элементы могут образовывать различные и разнокачественные системы. Элемент, входящий в систему, взаимодействует с другими элементами не целиком, а избирательно — всего лишь одной или несколькими своими связями. При этом, чем больше свойств элементов участвует во взаимодействии, тем сложнее структура системы [9, с. 38—39].

При изучении библиотеки как системы рассмотрению подлежат только такие свойства элемента, которые определяют его отношения с другими элементами (элементарные отношения) данной системы или влияют на свойства системы в целом. Отсюда и видна нелогичность конструкции «книга — библиотека — читатель»: в ней книга и читатель включаются в объект библиотекведения *всеми* своими связями и опосредствованиями, что противоречит законам системного подхода. Сторонники концепции «книга — библиотека — читатель» не расчленяют среднее понятие на первоэлементы, а достаточно было бы это сделать, чтобы тут же убедиться в тавтологичности полученной конструкции: (книга) — (книга — читатель) — (читатель). Правда, один из сторонников этой триады — Ю. А. Гриханов — защищает ее на том основании, что понятие «библиотека» якобы принципиально не может быть расщеплено на первородные и неделимые частицы [93, с. 59—60].

Разумеется, на практике библиотека действительно существует как целостный, единый организм. Но ведь речь-то идет о научном абстрагировании. А элементарное методологическое положение науковедения требует,

чтобы изучаемый объект был разделен — условно, в целях удобства исследования — на составные части, которые изучаются по отдельности, но во всех своих связях и опосредствованиях. Конечным же результатом научного анализа, как тоже достаточно хорошо известно, является синтезированное, интегрированное знание об объекте в целом. Без выполнения этого условия научное познание невозможно.

К слову, сам Ю. А. Гриханов дважды противоречит себе в этом отношении. Во-первых, он все же был вынужден разделить библиотковедение на составные части. Во-вторых, в подкрепление своей правоты Ю. А. Гриханов сослался на Х. Кунце, процитировав его представление о библиотеке как... расчлененной (!) системе с центральной связью читатель — книга. Между тем, принципиально не признаваемая Ю. А. Грихановым концепция

А. Я. Черняка отличается от признаваемой им концепции Х. Кунце всего лишь усложнением той же самой системы, путем добавления к ней еще одного элемента.

Упорная защита этой методологически порочной концепции вызывает тем большее недоумение, что наиболее активные ее сторонники признают, что библиотковедение изучает лишь те свойства книги и читателя, которые имеют отношение к библиотеке [52, с. 75—76; 34, с. 9]. Зачем же тогда, спрашивается, противопоставлять часть и целое? Ведь библиотека органично включает в себя, хотя и не полностью, как книгу, так и читателя, и отторгнуть ее от них, не уничтожив как таковую, нельзя. Библиотека находится не вне книги и читателя (а также библиотекаря и материально-технической базы), не над ними, а, так сказать, внутри них (рис. 1), порождается ими и состоит из них. Непоследовательность Л. И. Беляевой и других авторов начинается в тот момент, когда

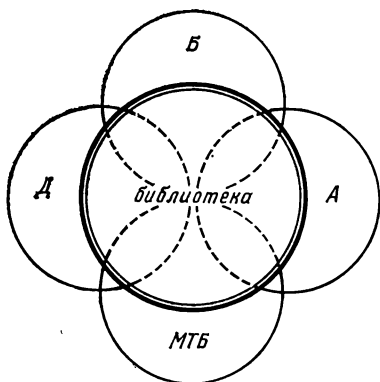

Рис. 1. Библиотека как нерасторжимое единство составляющих ее элементов

они утверждают, что задачу управления отношениями между книгой и читателем принимает на себя библиотека. Слово «библиотека» употребляется здесь не в строгом научном, а в обыденном значении. Правильнее было бы сказать — принимает на себя библиотекарь (как равноправный элемент системы «библиотека») ⁹.

Противопоставляя книгу и читателя библиотеке, сторонники данной концепции, желают они того или нет (думается, что — нет), лишают библиотеку ее существенных атрибутов. Таким образом, фактически концепция «множественного объекта» библиотековедения — это еще одна модификация концепции библиотеки без книг и читателей. Вместе с тем возведение триады «книга — библиотека — читатель» в ранг объекта библиотековедения неимоверно расширяет границы этой науки, подчиняя ей все книговедение и т. н. читателеведение, поскольку в него в этом случае (вопреки декларациям авторов) включается книга вообще, а не только библиотечная, читатель вообще, а не только читатель библиотеки.

То же самое можно сказать о других аналогичных концепциях, например, «библиотека — читатель — библиотекарь» (В. Фридрих, ГДР) [Цит. по 120, с. 64].

В нашем же понимании библиотековедение изучает только библиотеку (как систему), но со всеми ее элементами, связями и опосредствованиями. Изучением тех аспектов книги и читателя, которые выходят за пределы библиотеки, оно занимается лишь постольку, поскольку это имеет отношение к библиотечной деятельности. Кроме того, библиотековедение широко использует данные смежных наук и, в свою очередь, оплодотворяет эти науки сведениями, представляющими для них ценность. Нашу концепцию отличает, по крайней мере, непротиворечивость.

Понятие «библиотека» используется нами как собирательное. Им охватываются: 1) совокупность и взаимодействие составляющих ее элементов; 2) функционирование одной отдельно взятой библиотеки; 3) деятельность библиотечных систем любого масштаба и уровня. Следовательно, понятие «библиотека» в том смысле, в каком оно употребляется в данной работе, шире, чем

⁹ Что касается Л. И. Беляевой, то она исправила эту неточность в рукописи своей статьи [30]. Рукопись любезно предоставлена ею автору данных строк и находится в его научном архиве.

«библиотечное дело», «библиотечный процесс», «библиотечная система», которые охватывают только высший уровень организации и функционирования библиотек. Такой подход к трактовке понятий традиционен для науки вообще и для библиотековедения в частности. Так, обычно не вызывает сомнений правомерность расширения понятия «книга» до понятия «документ» и еще далее — до понятия «собрание документов» или «библиотечный фонд». Четко дефинированное как четырехзвенная система со всеми связями и опосредствованиями, понятие «библиотека» более конкретно, нежели перечисленные термины¹⁰.

Структурная модель библиотеки

Зная число родовых элементов и характер связей между ними, можно построить структурную модель библиотеки (рис. 2). Она наглядно показывает, что библиотеку как систему образует нерасторжимое единство четырех элементов, каждый из которых играет в ней свою собственную роль, весьма существенную для функционирования данной системы. То обстоятельство, что роли эти несоизмеримы между собой по их значимости для функционирования библиотеки, само по себе не является препятствием для объединения названных элементов в систему. Элементы равноправны не по признаку значимости их ролей, а по признаку необходимости и достаточности для образования такого социального ин-

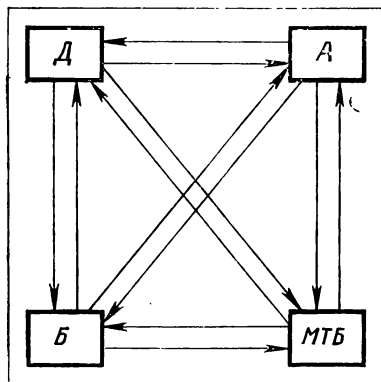

Рис. 2. Структурный граф библиотеки как системы

¹⁰ К примеру, в «Словаре библиотечных терминов» (М., 1976) библиотечная система определяется как совокупность библиотек [с. 25], а ее разновидность — централизованная библиотечная система — всего лишь как библиотечное учреждение [с. 183]. Библиотечное дело определяется в нем через понятие «система», но несколько в ином значении, чем «библиотечная система» [с. 29], и установить соотношение этих понятий не представляется возможным.

ститута, как библиотека. Они равнозначны между собой в этом и только в этом смысле.

Каждый из элементов связан со всеми остальными, выполняет объективно необходимые функции, придающие законченность и устойчивость системе «библиотека» в целом. Они будут присущи любой библиотеке до тех пор, пока она существует в своем собственном качестве¹¹.

Как было отмечено выше, представление о библиотеке как четырехэлементной системе относится к наиболее сложным в библиотековедении. Но сложность схематического, элементарного построения многократно увеличивается при изучении структуры такого объекта, так что задача исследования библиотеки как четырехэлементной системы, по крайней мере, на порядок труднее, чем задача тех, кто представляет библиотеку как систему, состоящую всего лишь из двух или трех элементов. Эта резко возрастающая трудность объясняется тем, что с увеличением числа разнородных элементов быстро растет число возможных связей между ними. В системе из n элементов число направленных связей может составить $n(n-1)$ [357, с. 7]. Иными словами, система из двух элементов имеет всего $2 \times 1 = 2$ направленных связи, из трех $3 \times 2 = 6$ таких связей, а состоящая из четырех элементов — целых $4 \times 3 = 12$ связей (последнее наглядно видно из таблицы 2). Если в системе из 4 элементов принимать в расчет только парные связи, то их число, по формуле комбинаторики $A_n^m = n(n-1)(n-2) \dots (n-m+1)$, где n — число элементов, а m — число связей, составит $4 \times 3 = 12$. Если учитывать тройные связи, их будет $4 \times 3 \times 2 = 24$. Столько же и четверных связей. В общей же сложности число связей в системе равно 12 (парных) + 24 (тройных) + 24 (четверных) = 60 (табл. 2).

С учетом того, что эти связи могут быть направлены как внутрь, так и во вне системы¹², их число значительно возрастает.

¹¹ К тому же выводу на эмпирическом уровне приходят и практики. К примеру, по мнению директора библиотек университета в Матобе (Канада) Д. Уайдлера, библиотека будущего (2000 г.) сохранит все названные традиционные элементы [411, р. 41].

¹² Это хорошо показал И. М. Фрумин в статье [320].

Таблица 2

Связи между элементами системы «библиотека»

Характер связей	Перечень связей
Парные (между двумя элементами одновременно)	1) Д—А 2) Д—Б 3) Д—МТБ 4) А—Д 5) А—Б 6) А—МТБ 7) Б—Д 8) Б—А 9) Б—МТБ 10) МТБ—Д 11) МТБ—А 12) МТБ—Б
Тройные (между тремя элементами одновременно)	1) Д—А—Б 2) Д—Б—А 3) Д—МТБ—А 4) Д—МТБ—Б 5) Д—Б—МТБ 6) Д— А—МТБ 7) А—Д—Б 8) А—Б—Д 9) А—Б—МТБ 10) А—МТБ—Б 11) А—Д—МТБ 12) А—МТБ—Д 13) Б—Д—А 14) Б—А—Д 15) Б—А— МТБ 16) Б—МТБ—А 17) Б—Д—МТБ 18) Б—МТБ—Д 19) МТБ—Д—А 20) МТБ—А—Д 21) МТБ—Д—Б 22) МТБ— Б—Д 23) МТБ—А—Б 24) МТБ—Б—А
Четверные (между четырьмя элементами одновременно)	1) Д—А—МТБ—Б 2) Д—МТБ—А—Б 3) Д—Б—МТБ—А 4) Д—Б—А—МТБ 5) Д—А—Б—МТБ 6) Д—МТБ—Б—А 7) А—Д—Б—МТБ 8) А—МТБ—Д—Б 9) А—Б—МТБ—Д 10) А—Б—Д—МТБ 11) А—Д—Б—МТБ 12) А—МТБ—Б—Д 13) МТБ—Б—А—Д 14) МТБ—А—Д—Б и т. д. Всего 24 четверных связи

Некоторые элементы вступают между собой в непосредственную связь, в то время как другие присутствуют в той же связи опосредованно. Вот несколько примеров разного рода связей (табл. 3). В круглых скобках показаны элементы, участвующие в связи опосредованно. Например, когда абонент пользуется диалоговой системой, или когда книга рекомендуется на выставке и т. п.

В дальнейшем будут рассмотрены лишь наиболее простые — бинарные — и только внутренние (внутрисистемные) связи: Д—А, А—Б и т. д. Исследование сложных, многоступенчатых связей должно осуществляться на следующем этапе развития системного подхода к изучению библиотеки и ее деятельности. Думается, что для данной стадии исследования — на уровне первого приближения к раскрываемой проблеме — достаточно

Таблица 3

Схемы и интерпретации сложных связей

Схема связи	Интерпретация связи
$A-B-MTB-B-D$ $A-B-MTB-D-A$ $B-D-A$ $A-B-D$	Абонент посылает запрос в хранилище Абонент получает книгу Библиотекарь рекомендует книгу Абонент запрашивает книгу непосредственно у библиотекаря
$B-A-D-MTB$ $A-D (B, MTB)$	Библиотекарь изучает запросы абонента, фиксируя их документально Абонент самостоятельно (минуя библиотекаря) берет книгу в открытом доступе
$A-MTB-D (B)$ $D-MTB (A, B)$	Абонент пользуется диалоговой системой Книга рекомендуется на выставке

ограничиться констатацией самого факта существования тройных и четверных связей.

Выявление изначальных, простейших элементов любой, т. е. абстрактной, библиотеки, а также самых главных их связей имеет не только гносеологическое, но и методологическое значение для уточнения роли, назначения, целей, задач, содержания, форм, методов работы библиотеки на современном этапе и в перспективе.

С помощью такого выявления можно, например, установить важнейшие свойства, присущие библиотеке как системе. Известно, что этот вопрос относится к числу наиболее актуальных и оживленно обсуждается в современной специальной литературе. И такая дискуссия естественна, ведь тот или иной набор этих свойств радикально влияет на особенности функционирования библиотеки в обществе. Структурная модель библиотеки (рис. 2) наглядно показывает, что библиотека представляет собой не линейную (в таковой число связей равно $n-1$) и не замкнутую (в которой число связей совпадает с числом элементов), а контактно-лучевую систему, поскольку в ней число связей больше числа элементов [233, с. 23]. Коль скоро в этой модели «существует путь, позволяющий из любой точки прийти к любой другой точке по тому единственному направлению, которое указано стрелкой» [230, с. 258], можно утверждать, что библиотека представляет собой сильно

связанный граф. Другими словами, библиотека — жесткая система: включение или исключение хотя бы одного элемента, нарушение установившихся связей означало бы превращение ее в качественно иную систему [10, с. 37]. Таким образом, вопрос о жесткости имеет для библиотекovedения и библиотечного дела принципиальное значение.

Но, будучи жесткой, библиотека не является закрытой системой, как полагает, например, А. Я. Черняк [332, с. 66]. Закрытой, как известно, называется система, функционирующая изолированно от окружающей среды, в которую ничего не поступает «на входе» (ни в материальном, ни в энергетическом, ни в информационном отношении) и которая ничего не выдает «на выходе». Социальная же система, какой является библиотека, по самой своей природе не может быть закрытой. Напротив, порожденная обществом и обслуживающая его, она открыта к его изменяющимся запросам и гибко реагирует на них. Основные параметры («на входе») каждого из четырех основных элементов библиотеки задаются условиями внешней среды, видоизменяются в процессе их взаимодействия между собой и («на выходе») оказывают воздействие на породившую их среду. При этом, поскольку действие системы «библиотека» целенаправленно, наибольшую социальную значимость имеет характер изменения элемента А. Если речь идет об абоненте советской библиотеки, то имеется в виду прежде всего рост его политической сознательности, профессиональной квалификации, процесс гармонического развития его личности.

В свете сказанного видна неправомерность противопоставления понятий «библиотека» и «общество» [см., напр.: 34, с. 14]. По сути это противопоставление части и целого, ибо библиотека — одна из подсистем общественной системы. Сочетание «библиотека и общество» аналогично столь же неправомерному «книга и библиотека», где первое из пары понятий входит составной частью во второе¹³.

¹³ Такие сочетания допустимы не в научной, а в обиходной речи. Правда, и мы вынуждены пользоваться ими, поскольку в языке нет слова или словосочетания, обозначающего три элемента «библиотеки» одновременно. Но употребляя сочетания типа «документ и библиотека», мы фактически имеем в виду «документ и остальные три элемента (А, Б, МТБ) библиотеки».

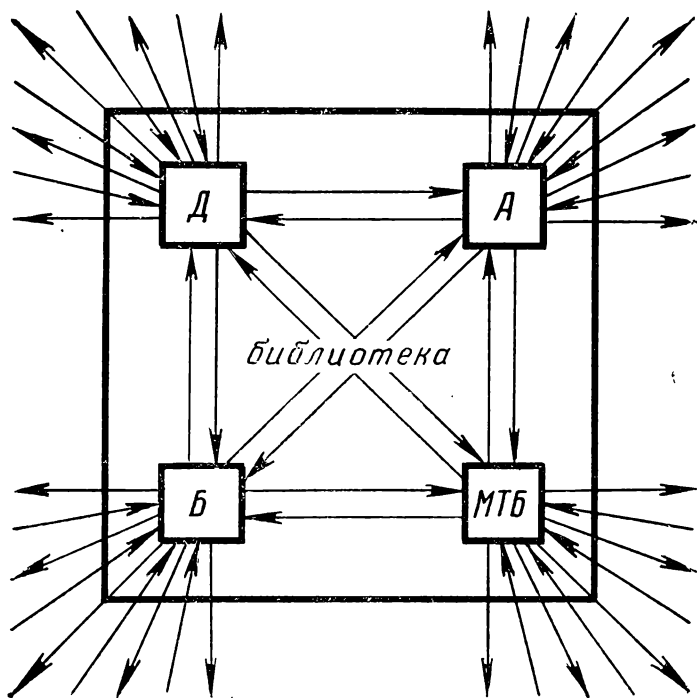

Рис. 3. Полная граф-модель библиотеки как системы

Если представить библиотеку как систему графически в виде полной модели, т. е. показать все имеющиеся у каждого ее элемента связи¹⁴, то получится следующая картина (рис. 3). Схема наглядно показывает, что каждый элемент системы «библиотека» принадлежит ей лишь частью своих сторон и свойств. Все связи и опосредования каждого элемента в отдельности порождают самостоятельный объект изучения других наук (рис. 4).

Таким образом, схема поясняет суть и характер взаимосвязи библиотекведения с родственными науками. На ней отчетливо видно, что библиотекведение пересекается, например, с книговедением только частью своего предмета — той, которая касается связей Д—А,

¹⁴ О моделях с полным подобием см.: [204, с. 10].

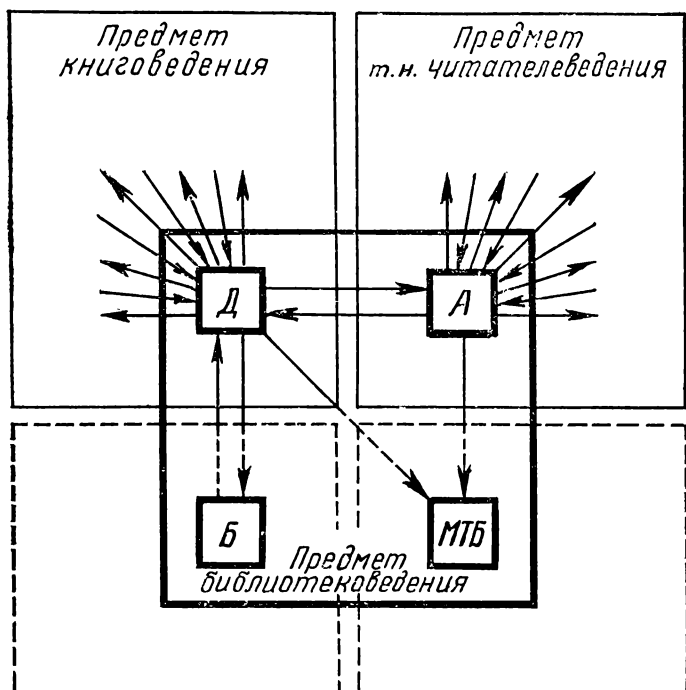

Рис. 4. Принципиальная схема взаимосвязей библиотековедения с другими науками

Д—Б, Д—МТБ. Остальные связи — область «чистого» книговедения, в предмет которого входят, по нашему мнению, все связи и опосредования элемента *Д* (включая библиотечные), но не входят десятки других внутренних и внешних связей, специфичных для библиотеки¹⁵. Аналогично соотносится библиотековедение с другими науками. Без достаточной аргументации (общая теория систем еще не была развита), но интуитивно правильно это положение понималось и ранее.

Различные сочетания этих элементов создают разные предметы исследования. Это мнение основано на следующем положении системного подхода: «...на од-

¹⁵ Рассмотрение других концепций предмета книговедения не входит в задачу данного исследования.

ном и том же субстрате могут быть построены, по крайней мере, две системы, отличающиеся друг от друга направлением связей между элементами. Так, например, если объект *a* связан с *b* ($a \rightarrow b$) и они составляют одну систему, то и объект *b* связан с *a* ($b \rightarrow a$), а это может быть уже другой системой» [309, с. 21, 133—134]. Конкретное определение предмета этих иных наук (если они существуют) не входит в нашу задачу — мы ограничиваемся лишь доказательством гипотетической возможности их существования.

Производные элементы библиотеки

Помимо простейших, исходных, родовых, исторически первичных элементов библиотека может обладать еще временными, изменчивыми, несущностными¹⁶ элементами, вторичными, производными по отношению к первым.

Производные элементы появляются в процессе развития, усложнения системы и определяются особым назначением той или иной библиотеки, необходимостью установления промежуточных пунктов в усложнившейся связи элементов между собой и т. д. Ими обусловливается все многообразие типов и видов библиотек со всеми особенностями их функционирования. В итоге именно производные элементы зачастую выступают на передний план, создавая представление о библиотеке как общественном явлении. К. Маркс отмечал: то всеобщее, что свойственно сложному объекту как целому, всегда есть не только простейшее, элементарное, но и низшее, т. е. исторически первичное. Специфические, отличительные признаки, которые характеризуют различные структурные уровни, виды, части объекта в развитии состоянии и играют нередко определяющую роль в их функционировании, — есть производное, исторически вторичное [т. 12, с. 709—735].

Производные элементы имеют преходящий характер, существуя не более того срока, который определяется условиями исторической эпохи или общественными потребностями.

¹⁶ Не определяя собой сущность библиотеки (т. е. будучи несущностными), эти элементы вместе с тем могут быть весьма существенными для библиотеки, функционирующей в конкретно-исторических условиях.

Так, на протяжении нескольких веков в библиотеках Древнего Востока и Рима имелось большое количество хорошо обученных рабов (в Риме их называли *либра-риями*). Их обязанность состояла в переписывании рукописей, чтении книг своим неграмотным господам [347, т. 1, с. 20]. Широко было распространено ремесло переплетчиков и иллюстраторов книги. В Древней Греции частью библиотечного персонала был большой штат переводчиков с различных языков на греческий. При библиотеках и музеях на полном государственном обеспечении, освобожденные от всех налогов, жили ученые, поэты, писатели. Во главе библиотеки стояли прославленные мудрецы, которым одновременно поручалось воспитание царских детей (Каллимах, Эратосфен и др.) [250, с. 65].

В Древнем Ираке, Иране (XI в.) существовали так называемые «присоединенные библиотеки» (присоединенные — к школам (медресе), мечетям, мавзолеям, больницам), где хранение книг сочеталось с преподаванием, обучением [292, с. 60].

На протяжении веков в библиотеках появлялись и исчезали целые структурные функциональные подразделения. Например, в эпоху феодализма в номенклатуре библиотечных помещений имелся *сарцер et rocus* — тайник для запрещенных книг и специальное огнище для их сожжения.

На разных исторических этапах библиотеки соседствовали с музеями искусств (Пергам, III в. до н. э.), были своеобразными научно-педагогическими центрами типа Академии и Лицея Древней Греции. Но не все исчезало бесследно. Так, продолжительной оказалась жизнь учетно-поисковой документации. С увеличением объема фонда уже в монастырских и церковных библиотеках Древней Руси был учрежден специальный учетный документ — инвентарная опись, служившая одновременно и путеводителем по фонду (в ней указывалось место хранения каждой книги). В дальнейшем функции контроля и поиска разделились. В библиотеках появились каталоги сначала одного, а затем многих видов. Каталог (справочно-информационная документация в целом) стал неотъемлемой частью развитой библиотеки. Связь между потоком документов и потоком абонентов стала осуществляться с помощью сведений о фонде, отчужденных от самого фонда. Технологически

процесс обслуживания в крупных библиотеках с течением времени значительно усложнился. В зависимости от целевого назначения возникло несколько разновидностей поискового образа документа — «чистое» библиографическое описание, запись в инвентарной книге, книжный формуляр и т. д. Функционирование множества каждой разновидности создает потоки технологической и справочно-информационной документации, взаимодействующие с потоками документов и абонентов, чрезвычайно усложняя картину деятельности реальной библиотеки.

Итак, каталог появляется лишь на стадии достижения фондом некоторой, точно пока не определенной, величины. Но и при большом фонде в нем нуждаются не все абоненты и не все виды документов. К примеру, каталог не всегда нужен для описаний изобретений, так как материальным носителем каждого такого описания является всего один листок. Достаточно расставить сами документы в систематическо-географическо-нумерационном порядке, чтобы совместить как сами источники, так и их поисковые образы. То же относится к микрофишам, апертурным микрокартам и т. п. микрографическим документам. При небольшой величине обменный фонд библиотеки, состоящий из книг, также не нуждается в каталоге — достаточно алфавитной расстановки.

Несущественным является самый набор каталогов в библиотеках того или иного типа и вида, той или иной государственной принадлежности. Для установления сущности библиотеки не имеет принципиального значения, что в библиотеках одних стран отдают предпочтение систематическому и алфавитному каталогам, а в других — словарному.

Характерно, что Н. К. Крупская считала составление каталогов и справочно-библиографическую работу подсобными, с точки зрения выполнения главной задачи библиотеки [т. 11, с. 725]¹⁷. Весьма примечательно также, что некоторые авторы, пытаясь заглянуть в будущее библиотечного дела, полагают, в частности, что современные информационно-поисковые системы отомрут и на смену им придет непосредственный контакт

¹⁷ Здесь и далее произведения Н. К. Крупской цитируются по Педагогическим сочинениям в 11-ти т.

абонента с источником информации. Речь идет, например, о статье А. Димера (ФРГ) «Классификации, тезаурусы, а что потом? Проблема „третьего поколения” в документации и информатике» [367]. При всей дискуссионности высказанной мысли¹⁸ обращает на себя внимание представление автора о необязательной роли искусственного информационно-поискового языка в информационной системе.

С течением времени, по мере усложнения библиотечной деятельности, возникали новые производные элементы и функции, и сейчас их количество не поддается точному исчислению. С точки зрения библиотеки как системы (не как реального учреждения) ими являются, например, научная, методическая деятельность библиотеки, ведение статистики печати, выпуск библиотечных периодических и продолжающихся изданий и многие другие аспекты работы, без той или иной комбинации которых ни одна крупная современная библиотека действительно не может обойтись.

Каждая социально-историческая эпоха выдвигает собственные требования к набору и сочетанию производных элементов в библиотечной работе. Можно привести немало примеров, иллюстрирующих богатые возможности библиотек в деле разнообразия форм и методов своей работы. И тем не менее, при всей важности этих моментов, они все же не являются изначальными, имманентно присущими библиотеке признаками.

В свете сказанного становятся понятными истоки ошибочных взглядов ряда авторов, критиковавших А. Я. Черняка за то, что в предложенную им предельно упрощенную схему библиотеки не вписываются «многие направления современных библиотековедческих исследований, например, районирование и централизация библиотечной сети, создание и совершенствование системы каталогов, типология библиотек» [93, с. 59], справочно-библиографический аппарат, вопросы организации труда и управления, экономики библиотечного

¹⁸ По нашему мнению, в условиях непрекращающегося роста издательской продукции значение справочного аппарата библиотеки не только не снижается, но, напротив, возрастает. Каждой библиотеке становится все труднее давать сведения: 1) о своих и 2) дочерних фондах, 3) о фондах других библиотек страны, 4) о мировой печатной продукции прошлого, настоящего и будущего.

дела, библиотечной статистики, библиотечной эстетики и многое другое [52, с. 76].

Действительно, даже если не принимать во внимание явную логическую погрешность этого перечня: смешение процессов и явлений — придется все же признать, что модель А. Я. Черняка и других авторов (включая предложенную нами) действительно охватывает далеко не все элементы, присущие современной библиотеке и тем более могущие возникнуть в будущем. Но дело в том, что предлагаемая модель системы и не ставит задачу охарактеризовать все возможные элементы и все возможные связи между ними. Ее цель — выделить главные элементы и отношения, без которых любая библиотека как система разрушается, перестает быть таковой.

Понимание природы происхождения производных элементов позволяет разрешить ряд теоретических проблем, которые на уровне эмпирического знания решению не поддаются. Одной из них является, например, установление того, кто — центральная библиотека или административный орган руководства библиотечным делом — должен выполнять функции методического центра для подведомственных библиотек. Начиная с 1960 г. (I совещание представителей центров библиотечного дела и методической работы библиотек социалистических стран, Берлин), эта проблема активно дискутируется национальными библиотеками социалистических стран. Изложим суть дискуссии, сознательно опуская аргументацию ее участников (не в аргументах в данном случае дело).

На II совещании (Будапешт, 1964 г.) О. С. Чубарьян в докладе «Опыт методического руководства библиотечным делом в СССР» [338] проводил мысль, что методическое руководство есть форма государственного руководства библиотечным делом, поручаемого крупнейшим библиотекам страны. Однако на следующем совещании (Прага, 1966 г.) основной докладчик по этому вопросу К. Гро (ЧССР) не согласился с О. С. Чубарьяном и попытался вывести сущность методического руководства, отталкиваясь от понятий «руководство» и «метод» [94]. Здесь уже была допущена методологическая ошибка, ибо правильные выводы можно сделать лишь исходя из сущности понятия «библиотека» и затем — места методической работы в этой системе. Анализ

проблемы в аспекте, предложенном К. Гро, несомненно, также может иметь место, но лишь на следующем, т. е. втором, уровне исследования. Без первого же этапа вывод автора о том, что методические центры «должны являться органической составной частью библиотечной системы», теряет убедительность.

На последующих совещаниях И. Гольтдаммер (ГДР) пыталась доказать, что «оптимальной формой системы социалистического руководства» является работа методических центров под эгидой административных органов. Иллюстрацией ей служили методический центр научных и специальных библиотек при Министерстве высшего и среднего специального образования ГДР и Институт библиотечного дела при Министерстве культуры ГДР [84].

Эта точка зрения также не получила всеобщего признания. В результате проблема существа методического руководства после десятилетнего обсуждения так и осталась открытой. Между тем, если признать, что методическая работа представляет собой, в сущности, производную функцию, станет очевидным, что вопрос о том, какое учреждение должно ею заниматься, зависит от конкретных социально-экономических и исторических условий. Поскольку они меняются даже в пределах одной страны, вполне естественно, что функции методического руководства передаются от одного учреждения другому, разделяются между ними и т. д. Так, методический центр государственных библиотек Москвы долгие годы существовал при Главном городском управлении культуры. Сейчас его роль успешно выполняет Центральная городская публичная библиотека им. Н. А. Некрасова. Принципиально не то, какому учреждению приданы организационно-методические функции, а то, насколько (объективно и субъективно) оно готово к их реализации. Поэтому неправомерно противопоставлять положительный опыт одной страны (например, СССР) не менее положительному опыту другой (например, ГДР).

Итак, наличие или отсутствие производных элементов, а также тот или иной их набор, степень развития теоретически не меняют сущности библиотеки как системы. То обстоятельство, что они исторически вторичны, отнюдь не принижает их роль в системе «библио-

тека», но устанавливает точное их место, позволяет разрабатывать связанные с ними проблемы на правильной методологической основе.

Выводы

Библиотеку как объективную реальность и научное понятие образуют элементы: документ (*Д*), абонент (*А*), библиотекарь (*Б*), или — точнее — обслуживающий персонал, материально-техническая база (*МТБ*). Их наличие как таковых совершенно необходимо каждой библиотеке. Решение же вопроса о том, какие именно документы, абоненты и т. д. должны быть в той или иной библиотеке, зависит от конкретно-исторических условий.

Каждый из элементов выполняет в системе собственную функцию (ее можно назвать внутрисистемной или элементарной), которая не сводится к функции связи между элементами. В свою очередь функции элементов и связи между ними отличаются от функций, которые выполняет в обществе библиотека в целом. Этот факт служит лишним доказательством целостности библиотеки как системы.

Говоря строго, распространенный в специальной литературе подход к пониманию общесистемных функций библиотеки не вполне правомерен; нельзя говорить об этих функциях, отвлекаясь от того факта, что библиотека всегда функционирует как элемент (подсистема) некой более общей системы. Так, если библиотека рассматривается в системе идейно-воспитательных учреждений, она выполняет идейно-воспитательную функцию; как элемент государственной системы научно-технической информации — информативную и т. д. Вопрос этот заслуживает отдельного рассмотрения. Ранее им успешно занимался О. С. Чубарьян, а сегодня — Л. М. Инькова, А. И. Пашин, В. В. Серов и др.

Элементарные функции, подобные установленным (основы, смысла и цели, внутренней среды и др.), можно без особого труда найти и в других социальных системах, причем весьма далеких от библиотеки. Можно также заметить, что каждый элемент, взятый в отдельности, далеко не всегда может быть идентифицирован как принадлежащий только библиотеке. Например, и документ, и потребитель заключенной в нем информа-

ций составляют звенья не только библиотечной, но также библиографической и информационной систем.

Из этих фактов следует, что качественную определенность системе придают не только функции, выполняемые каждым из ее элементов, но также специфические свойства этих элементов и характер связей между ними. Эти элементы находятся между собой в теснейшем взаимодействии и неразрывном единстве. Ни документ, ни абонент, ни библиотекарь, ни материально-техническая база сами по себе, ни даже их отношения, взятые изолированно одно от другого, еще не создают целостной структуры библиотеки. Органическое целое образуется лишь тогда, когда между исходными компонентами устанавливаются устойчивые внутренние связи, благодаря которым вся система приобретает целостный характер и новые качества. Иными словами, речь идет не о конгломерате, но именно о целостной системе, разделение которой на элементы возможно лишь в абстракции. Из приведенного примера вытекает, что два названные элемента необходимы, но недостаточны для образования библиотеки. Если ввести третий элемент *Б*, а тем более четвертый *МТБ* и рассмотреть те и только те связи, которые существуют между ними, то полученная система обретет собственную качественную определенность и получит право называться библиотекой. И напротив, достаточно изменить хотя бы один элемент или нарушить хотя бы одну связь, как система перестает быть библиотекой. Если, например, за упорядочение связей между документом и человеком возьмется библиограф, образуется новая система — библиографическое учреждение.

Наличие отличительных характеристик *Д*, *А*, *Б*, *МТБ* как элементов именно библиотеки, а не другой социальной системы, значительно усиливает ее качественную специфику как целостной системы. Элементом библиотеки является не только книга (как, например, в книговедении), а документ. Весьма специфичен и элемент «абонент библиотеки», значительно отличающийся от потребителя библиографической или информационной продукции. В информационной системе связь «документ—потребитель» приводится в действие информатором, а в библиотеке — библиотекарем, имеющим свое профессиональное кредо и профессиональный статус.

Попытаемся теперь проанализировать значение каждого элемента библиотеки как системы, раскрыть его качественную специфику и связи с другими элементами. Этот наиболее важный раздел представляет собой одновременно и самую трудную часть работы.

Глава II

ДОКУМЕНТ (Д) КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ «БИБЛИОТЕКА»

Эволюция взглядов на роль элемента Д

Конструирование библиотеки из единственного родообразующего элемента — книги — едва ли не самое распространенное в библиотековедении и смежных науках. Представления авторов минувших эпох по этому вопросу можно воссоздать, главным образом, по этимологии слова и дефинициям понятия «библиотека», а также по трактовке ими места библиотековедения (вопросов, связанных с работой библиотек) в системе наук. Обратимся вначале к этимологии и определениям.

Термин «библиотека», обозначавший первоначально «помещение для книг», уже, по-видимому, к началу нашей эры стал приобретать второе значение — «собрание книг», и к XVIII в. это значение постепенно становится основным.

В России на появившееся новое значение понятия «библиотека» в 40-х гг. XVIII в. указал В. Н. Татищев: «Еще же Библиотеки не токмо книгохранилища, но и некоторое число собранных книг...» [294, с. 156]. Если В. И. Даль (в начале XIX в.) еще допускал понимание библиотеки и как «места для хранения книг», и как «самого собрания их» [96, с. 86], то уже В. Ф. Фрейман (конец XIX в.) определял ее только как собрание книг [318, с. 13]. В XX в. на той же позиции стояло большинство русских и советских библиотекведов: В. И. Чарнолуцкий [33, стб. 552], Р. Л. Гольдарбейгер [83, с. 15], С. Д. Масловский [178, с. 556], Г. Г. Ковалевский [146, с. 4—5], А. Г. Кравченко [155, стб. 900], Е. И. Шамурин [348, с. 31, значение 2]. В. Н. Денисьев также отмечал, что «работа библиотеки есть в основном работа с книгой и другими печатными произведениями» [97, с. 4]. До 1963 г. включительно, в несколь-

ко измененных вариантах, не затрагивающих, однако, сути дела, эта дефиниция повторялась в различных энциклопедических изданиях [см., напр.: 358, 173]. Имеет авторитетных сторонников данная точка зрения и сейчас. Так, И. М. Фрумин называет организацию (видимо, это просто неудачное выражение — имеется в виду формирование фонда в целом) книжных фондов библиотеки сутью и смыслом библиотечного дела, предметом библиотекведения, ведущим элементом в системе «книга — библиотекарь — читатель» [320, с. 66—67].

Однако многие из известных библиотекведов сомневались в истинности такого взгляда. Стремясь следовать данной традиции и в то же время интуитивно чувствуя ее ограниченность, они нередко впадали в противоречие с самими собой.

Долгое время воспринимал библиотеку как ассоциацию книг Н. А. Рубакин. Библиотекведение он, несомненно, считал частью теории книги. Об этом свидетельствует весь дух его научных воззрений, а также многочисленные высказывания типа: «В этом девизе самая суть библиотечного дела, потому что в нем самая суть книжного дела вообще» [239, т. 2, с. 131]. Но в 20-е гг. он изменил свою позицию, утверждая, что «примат сохранения в нашей теории книги должен уступить место примату читателя» [240, с. 66]. Правда, на самом деле у него получилась жестко связанная система «книга-читатель», однако в данном случае важно отметить, что Н. А. Рубакин еще не отошел от традиционного представления, что библиотека вырастает непременно из одного элемента. Ошибочность такого подхода он, сам того не желая, доказал основной идеей своей же библиопсихологии — необходимости теснейшей обоюдной зависимости между книгой и читателем.

«В современном значении слова под библиотекой подразумевается более или менее обширное собрание книг...», — писала Л. Б. Хавкина в 1904 г. [325, с. 1—2] и впоследствии неоднократно повторяла, что книги — сущность, организм библиотеки [см., напр.: 326, с. 197]. В годы Советской власти она частично отошла от прежних взглядов. Например, не согласилась с Н. М. Лисовским, относившим библиотекведение и книготорговлю к области книгораспространения. Л. Б. Хавкина возражала, что «по современной концепции библиотечной работы ее нужно было бы назвать книгоиспользо-

ванием» [328, с. 30]. Это существенное уточнение, свидетельствующее о том, что центр тяжести в деятельности библиотеки Л. Б. Хавкина передвинула на использование книг, т. е. — опосредованно — на обслуживание читателя. Тем не менее такое уточнение осознавалось ею всего лишь как развитие концепции книговедческих наук Н. М. Лисовского.

А. А. Покровский был убежден, что «предмет нашей науки — книга в ее назначении, использовании, действии, точнее — процесс создания, чтения, влияния книги» (здесь нами сознательно процитирован Ю. В. Григорьев, который считал эту точку зрения правильной, библиотечной) [89, с. 8]. Однако позиция А. А. Покровского в этом вопросе была непоследовательной, фактически и он на первое место выдвигал использование фонда, т. е. — опосредованно — читателя.

Нет полной ясности в данном вопросе и у одного из наиболее авторитетных исследователей — проф. Ю. В. Григорьева, который специально на протяжении двух десятилетий занимался изучением сущности библиотеки и предмета библиотекведения. В 1950 г. во втором издании Большой Советской Энциклопедии он определял библиотеку как «учреждение, осуществляющее собирание, специальную обработку и хранение печатных произведений, их пропаганду и выдачу читателям» [т. 5, с. 140]. А в 1967 г. он же показал несводимость понятия библиотека к понятию книга или читатель [90, с. 57—59]. «Хотя фонд, — писал он в одной из последних своих работ, — и обеспечивает библиотеке выполнение буквально всех ее функций, это не дает оснований ставить знак равенства между фондом и библиотекой в целом, ибо фонд — только часть библиотеки, ее основа» [91, с. 6]. Ю. В. Григорьев был одним из наиболее горячих сторонников понимания библиотекведения как педагогической науки, в центре которой стоит личность, т. е. (в данном случае) читатель.

Тем не менее в докладе о методологических проблемах советского библиотекведения (1967 г.), он вновь назвал его «наукой о библиотеке как совокупности книг, предназначенных для активного удовлетворения запросов читателя»¹. В последние годы своей жизни

¹ Фонограмма доклада. Хранится в семье Ю. В. Григорьева и нашем научном архиве.

Ю. В. Григорьев, как об этом можно судить по его книгам об А. А. Покровском и Л. Б. Хавкиной, по-прежнему проводил идею о том, что библиотека порождается, по сути дела, всего лишь единственным элементом — книгой.

Еще одним свидетельством понимания библиотеки как собрания книг является факт появления в начале XX в. наряду с термином «библиотека» термина «книгохранилище». Последним вплоть до сего времени (правда, в неспециальной печати) обозначают только крупные и крупнейшие (что характерно!) библиотеки: «Незначительным собраниям книг присвоено название библиотека в отличие от больших собраний, именующихся книгохранилищами» [318, с. 13].

Период наибольшего распространения этого термина относится к 20—30 гг. Весьма характерно в этом отношении название одного из первых документов Советской власти — декрета Совнаркома «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» (1918 г.). Однако изменившееся в 20-е гг. представление о родообразующем библиотеку элементе («библиотека-читальня, а не библиотека-книгохранилище для обросших мохом спецов», — подчеркивала, например, Н. К. Крупская) [цит. по ст. 8] способствовало постепенному исчезновению этого термина из профессионального библиотечного лексикона. Постепенно книгохранилищем стали называть ту часть библиотечного помещения, в которой хранится обособленный основной фонд. Впрочем, в середине 70-х гг. на смену ему приходит еще более точный термин — фондохранилище. Книгохранилище же стало рассматриваться как частный случай фондохранилища.

Концепция библиотеки как собрания книг характерна не только для русского и советского библиотековедения. Начиная с XIX в. она широко распространяется и в других странах [397, 364, 370 и др.]. Исключение составляли Соединенные Штаты Америки, где библиотековеды, занятые разработкой преимущественно прагматических вопросов, не интересовались состоянием библиотековедения в Европе и до конца 1950-х гг. оставались индифферентными к проблемам теории. Данная точка зрения продолжает существовать и в XX в. [205, с. 18; 371, 375, 378, 387, 391, 406].

Весьма показательно в интересующем нас аспекте

также установление места библиотековедения в системе наук. Как известно, однозначного мнения по этому вопросу среди специалистов нет и никогда не было. Но к каким бы областям знания ни относили библиотеку, библиотечное дело, библиотечную науку, — вплоть до вынесения их за пределы научного ряда, — все же в большинстве случаев их тем или иным образом соотносили с письменностью, книгой, документом.

Тенденция рассматривать библиотековедение как часть книговедения последовательно проводится на всех всесоюзных научных конференциях по проблемам книговедения (четвертая, последняя, состоялась в 1980 г.). Эта тенденция нашла отражение в статье «Книговедение» последнего издания Большой Советской Энциклопедии, авторами которой являются такие крупные книговеды, как Н. М. Сикорский, И. Е. Баренбаум, А. И. Барсук [260, с. 337].

По одному единственному критерию — величине фонда — определяет библиотеку библиотечная статистика многих стран.

Однако, несмотря на свою исключительно большую распространенность, концепция библиотеки, выводимой только из одного элемента — книги, не в состоянии полностью объяснить сущность библиотеки как общественного явления. Вместе с тем важно обратить внимание и на другой момент в рассмотренных позициях: необходимость этого элемента в системе «библиотека» ни у кого, как правило, не вызывает сомнений. Но существующий терминологический разнобой в его употреблении — главная помеха на пути дальнейшего развития теоретических представлений как о библиотеке в целом, так и об отдельных ее элементах. Рассмотрим в связи с этим понятие «документ».

Понятие «документ». Необходимость элемента *Д* в системе

Одновременно с бурным внедрением в библиотечную практику новых видов, подвидов и разновидностей источников информации возникла необходимость найти обобщающий термин для их обозначения. На эту роль было предложено несколько терминов, наиболее распространенным среди которых стал «документ». Появление его вызвало дискуссию среди библиотековедов,

библиографоведов, книговедов, информатиков. При этом представители одних наук (прежде всего, книговедения) продолжают настаивать на прежнем термине «книга», другие — особенно информатики — не менее активно наступать на само это традиционное понятие. Отрицая книгу, они, естественно, и библиотеку объявляя архайчным социальным институтом, который необходимо упразднить.

Дело, разумеется, не в том или ином термине (любой из них в значительной мере условен), а в том, какое содержание в него вкладывается. Мало кто знает сейчас, что в точности обозначало слово «книга», какова его этимология; в библиотековедении обычно довольствуются знанием того, что на греческой основе от него произошло слово «библиотека», и не углубляются в изучение значения слова «библион». Если же рассмотреть этимологию этого первоначального слова (оно означает, по одним толкованиям, приблизительно «кора, кожа дерева, некая оболочка», пригодная, видимо, для написания текста [166, с. 355], по другим — «знак, мета», «свиток», «то, по чему учатся» [331, с. 203—204 и др.]), окажется, что оно не имеет почти ничего общего с его сегодняшним значением — непериодическое произведение печати, печатный текст на бумажной (обычно) основе вообще.

Исходя из современного понимания слова, библиотека стала комплектоваться книгами только с момента возникновения производства (рукописного) книг. До того времени ни материал носителя (глина, папирус, пергамент и т. д.), ни способ фиксирования информации (рукопись) не подпадают под понятие «книга». В настоящее время оно не охватывает чрезвычайно большой и все расширяющийся круг материалов — рукописных, машинописных, репродуцированных, аудиовизуальных, машиночитаемых и др., — которые представляют собой реальные элементы подсистемы «библиотечный фонд». Тем не менее на все эти виды можно было бы распространить понятие «книга». Ведь расширение содержания и объема понятий и даже полное изменение первоначального их смысла — процесс распространенный и естественный. «Суть книги, — писал Л. Толстой еще в 1898 г., — вечна; какой она была ранее, такую останется и теперь, такую перейдет и в далекое будущее: суть эта — увековечение мысли, воплощение ее в доступном,

по возможности большинству в виде посредством письмен или видимых знаков... С одной стороны, — мысль, возникающая в мозгу, — с другой — пользование ею без ограничения во времени и пространстве» [цит. по Лит. газ., 1972, 4 окт.].

При таком понимании содержания понятия «книга» в него потребовалось бы ввести лишь несущественные уточнения (снять ограничение с формы знаков или вообще формы фиксирования мысли и др.), чтобы с успехом продолжать им пользоваться. И по-прежнему соответствовало бы своему термину понятие «библиотека».

Однако подавляющее большинство книговедов отнюдь не намерено расширять понятие «книга» за счет включения в него всевозможных материальных носителей информации, опасаясь утратить свою науку в данном ее качестве. Другие науки — документалистика, информатика — индифферентны к форме носителя. Зато они вводят иные ограничения. Так, их интересует, как правило, источник не всякой, а лишь научной информации, тогда как книговедение в значительной своей части изучает, например, эстетическую, художественную информацию.

На наш взгляд, при решении этого вопроса нужно учитывать, что на каждом этапе исторического развития общества изобретались и изобретаются все новые способы фиксирования информации. При этом, способы, которые были бы во всех аспектах лучше существовавших прежде, появлялись исключительно редко. Современный период не составляет исключения. Игнорирование этой социально-исторической закономерности привело некоторых модернистских философов и социологов на Западе к протесту против алфавита и книги как таковых. Они утверждали, что книгопечатание якобы породило индивидуализм и национализм [172].

Нисколько не стремясь к фетишизации письменности (это было бы другой крайностью)², мы в то же

² Жан-Поль Сартр, например, признавался: «Я обрел свою религию: книга стала мне казаться важнее всего на свете. В книжных полках я отныне видел храм» [262, с. 292]. Правда, позднее взгляды его полярно изменились: он готов был приветствовать уничтожение Национальной библиотеки в Париже, ибо по новой его концепции, вся культура прошлого безнадежно устарела. Еще более крайняя апологетика письменности существует в виде мистического учения каббалистики. Каббала относится к буквам алфавита как к силам, влияющим на мировую жизнь.

время считаем необходимым обратить внимание на высокие достоинства печатного слова, с тем чтобы подчеркнуть, что у каждого средства фиксирования информации имеются свои плюсы и минусы.

«Конец книги» в связи с появлением фотографии и фонографа предрекался еще почти сто лет назад, а между тем ее роль не только не снижается, но, напротив, неуклонно возрастает.

В развитых странах библиотечные фонды, состоящие в основном из произведений печати, удваиваются каждые 10—15 лет. Очередное удвоение фондов произошло как раз в то время, когда книгу обрекли на полное исчезновение.

Еще в конце XIX в. Н. А. Рубакин констатировал наличие такого явления, как «книжное оскудение», но и через сто лет во всем мире продолжают говорить о «книжном голоде» (см., напр., главу «Книжный голод» [27, с. 22—45]), ставшем парадоксальным следствием культурной революции. И в то же время в печати приводятся выразительные данные о тенденциях дальнейшего роста книжной [27, с. 79—92] и журнальной [259, с. 53] продукции.

И. В. Лакшмана Рао (Индия) в статье «Книга в странах „третьего мира“» писал: «Век печати, которому кое-где посвящались некрологи, лишь начинается в развивающихся странах... Пока мы не видим никаких признаков старения — книга только-только вступила в пору юности, и люди, ответственные за развитие книжного дела, озабочены сейчас проблемами роста и воспитания своего „детища“». [Курьер ЮНЕСКО, 1972, янв., с. 32]. В нашей стране книги, издающиеся даже полумиллионными и миллионными тиражами, зачастую удовлетворяют лишь одну пятую, а то и одну десятую часть запросов на них.

Среди различных причин, объясняющих рост книжной продукции, важное место занимают технологические преимущества этого вида источника информации перед всеми другими. Они столь значительны, что дают основания серьезно сомневаться в принципиальной возможности замены книги. П. Буль (Франция) справедливо замечал: «Представьте себе, что... какому-нибудь выдающемуся изобретателю, новому Леонардо да Винчи, предлагают придумать легкопереносимый и занимающий небольшое место прибор, работающий без

всякого шума и передающий информацию, которую каждый может усваивать в соответствии со своей индивидуальной скоростью восприятия; прибор, позволяющий в любой момент „остановить мгновение“, а также разрешающий сколько угодно раз прокручивать ленту без всяких приспособлений для обратной перемотки. Что оказалось бы изобретенным в конечном счете?» [цит. по ст. 232]. Есть у книги и другие достоинства: ее можно использовать в удобное время и практически в любом месте, на собственной можно делать пометки и т. п.

Книга открывает большие возможности для работы творческого воображения, сопереживания, ассоциативного мышления. «Одно дело, — говорит герой рассказа болгарского писателя С. Златарова, — общаться с книгой на экране, другое — самому перелистывать книгу, когда ищешь что-то интересное. Один вопрос порождает другой. Специфические подробности — шрифты, обложка, аромат, тактильные ощущения — облагораживают психологический климат чтения» [118, с. 50]. Другие виды носителей информации подобных эмоций не вызывают.

Еще большими преимуществами обладают произведения печати, объединенные в книжные собрания библиотек. Оптимально организованные фонды общественного пользования позволяют привлечь широкие слои трудящихся к систематическому чтению и пользованию книжными богатствами.

Однако и защита произведений печати не должна быть односторонней. Как реакция на критику книги появилось не менее решительное, и столь же мало обоснованное, отрицание вообще всех новых средств фиксации и передачи информации. В библиотековедении оно наиболее ярко проявилось в широко известной, однако еще не достаточно глубоко проанализированной статье директора библиотеки университета Хофстра (Нью-Йорк) Э. Мэйсона «Мыльный пузырь автоматизации проколот, или разоблачения, сделанные джентльменом» [394]. Столь же бескомпромиссна менее известная статья Г. Уайтта «На баррикады! Компьютеры наступают!» [410].

Авторы названных статей объявляют мифами утверждения, будто ЭВМ ускоряют и облегчают библиотечную работу, дают денежную экономию, улучшают

обслуживание читателей и т. д. На этом основании они призывают «вернуться назад, к книге» как единственному объекту, заслуживающему внимания библиотек.

Действительно, возможности технических средств поначалу были сильно преувеличены. Верно и то, что нельзя связывать перспективы успешного решения проблем библиотечного обслуживания только с внедрением ЭВМ.

Однако не менее ошибочно и полностью отвергать преимущества так называемых нетрадиционных источников информации, искусственно противопоставлять одни виды документов другим [172]. Как правильно отмечал Дж. Шира, «есть то, о чем можно сказать в книге, но есть и то, что в ней изложить невозможно по причине физических ограничений, характерных для книги. Подобное обобщение может быть распространено на все средства коммуникации» [353, с. 24]. Теоретическая ошибка Э. Мэйсона и его сторонников заключается в том, что проблемы применения ЭВМ рассматриваются ими отвлеченно, без учета класса задач автоматизации, финансовых возможностей библиотеки, наличия специалистов с инженерной подготовкой и т. д. На эти обстоятельства справедливо указывал И. Уорхейт в статье «Когда библиотечные системы терпят неудачу, кто виноват в этом — система или библиотекарь?» [408].

С появлением новых средств информации прежние, как правило, также сохраняются в сфере человеческого общения. Старые же, отдав часть своих функций вновь возникшим, обычно начинают новую жизнь, эффективнее выполняя более ограниченные функции. Эту закономерность можно объяснить тем, что новые потребности в средствах информации, по-видимому, не упраздняют тех потребностей, которые удовлетворялись ранее существовавшими средствами.

Действительно, потребность в сохранении и распространении знаний, вызвавшая к жизни письменность, не отменила потребности в личном общении, удовлетворяемой устной речью; необходимость в большом числе идентичных экземпляров того или иного произведения, приведшая в середине XV в. к изобретению книгопечатания, не устранила необходимости в рукописях, научной переписке и непосредственном общении ученых между собой. Быстрое развитие газетного дела не при-

вело к отмиранию журналов, а издание журналов нисколько не мешает дальнейшему выпуску книг. Ни кино, ни радио, ни телевидение не только не вытеснили произведения печати как средства научного и художественного познания мира, но, наоборот, сделали их воздействие на читателей более эффективным, а пространство — более широким. Другое дело — установление места каждого из них в общей системе источников информации.

Следовательно, общая тенденция развития библиотечных фондов состоит не в вытеснении одних видов документов другими, а в выделении в особые фонды наиболее развивающихся видов. Так, быстрый рост спецвидов литературы в фондах научно-технических библиотек (около 70% их состава) привел к формированию самостоятельных территориальных (территориально-отраслевых) патентных фондов.

Вместе с тем не обязательно одновременное сосуществование всех известных форм записи информации. Развитие цивилизации свидетельствует, что если новый способ фиксирования информации оказывается во всех отношениях существенно лучше прежнего, он в весьма короткие исторические сроки вытесняет устаревшую форму. Так произошло, например, с глиняными табличками; на памяти современников фонографический валик был безвозвратно вытеснен ферролентой, а сейчас магнитофонные бобины стремительно заменяются компакт-кассетами. Практически не используются столь популярные совсем недавно граммофонные пластинки со скоростью 78 об/мин. В числе наиболее существенных требований к носителям информации Л. З. Амлинский называет высокую плотность информации, надежность носителя, возможность индивидуального использования без специальной подготовки, выборочность доступа к информации, малогабаритность технических средств для ее воспроизведения [см.: 32, с. 52].

Конкретные способы материализации знаний за долгий период своего существования претерпели весьма значительные изменения. Этот процесс продолжается до сих пор, и нет оснований предполагать, что он когда-либо остановится в своем развитии. История убеждает, что для библиотек форма существования информации, будь то глиняная, клинописная табличка, папирус, кодекс, перфокарта, микрофиша или магнитная лента,

фактически никогда не была сколько-нибудь серьезным препятствием для ее отбора, хранения и организации использования. Важно другое: соответствует ли ее содержание задачам библиотеки и интересам читателей.

Таким образом, термин «книга» неадекватно отражает понятие, обозначающее элемент, образующий библиотечный фонд как систему. Нельзя согласиться с теми, кто считает, что «в терминологических переменах нет необходимости», поскольку в библиотекведении понятие «книга» якобы включает в себя все поступающие в библиотеку материалы [298, с. 60].

По нашему мнению, правильнее пользоваться термином «документ». Он передает смысл понятия, и, кроме того, уже вошел в научный обиход в более широком значении, чем «книга». Последний термин при этом, разумеется, сохраняется, но в точном соответствии со своим значением — как одна из десятков разновидностей документов, составляющих библиотечный фонд; на сегодняшний день самая большая по удельному весу в абсолютном большинстве библиотек.

Слово «документ» по смыслу предполагает нечто материальное, в чем содержится некое извещение, нечто неизвестное раньше, некое свидетельство или доказательство. В русский язык оно было введено Петром I в одном из нескольких его значений — как «письменное свидетельство» [63, с. 62], т. е. только в правовом смысле. К 20-м гг. XX в. его стали употреблять для обозначения вообще всех важных бумаг и, таким образом, оно приобрело два смысла: узкий (паспорт, пропуск, диплом, аттестат) и широкий (исторический документ, партийно-правительственные документы). «Документ» в узком смысле получил еще одно ограничение — стал называться служебным, отчетным, правовым и т. п. В архивоведении документом считается «результат фиксации, сохранения и передачи информации о явлениях объективной действительности и мыслительной деятельности человека посредством письма или иным способом на специальном носителе» [295, с. 45]. Иными словами, в данном контексте документом считается любая зафиксированная в пространстве и во времени нооинформация (информация, созданная человеческим разумом; в отличие от информации, зафиксированной в явлениях природы, биологии и т. п.). Нетрудно заметить, что форма и способ фиксирования здесь допуска-

ются любые. В этом состоит большое принципиальное отличие понятия «документ» от понятий «книга» (одно из лучших определений понятия «книга» дал И. Е. Баренбаум в статье [25]), «произведение печати» и т. п. Это-то обстоятельство и обеспечило быстрое распространение нового термина в информатике, библиографоведении, а затем и в библиотековедении [см., напр.: 277, с. 43; 93, с. 61; 34, с. 9].

В информатике первоначальное значение термина «документ» — «материальный объект, содержащий информацию в закреплённом виде» [303, с. 7] — со временем было уточнено и теперь интерпретируется как «материальный объект, содержащий закреплённую информацию и специально предназначенный для ее передачи и использования» [304, с. 122]. В 1970 г. это значение было официально утверждено в ГОСТ 16487—70: «Документ — средство закрепления различным способом на специальном материале информации о фактах, событиях, явлениях объективной действительности и мыслительной деятельности человека». Правда, это определение нельзя признать вполне удачным из-за слова «средство». Средствами могут служить, например, авторучка и чернила, кисть, типографская краска и матрицы и т. д. Но эти предметы никак нельзя отнести к документам в информационном смысле слова. Кроме того, не ясно значение слова «специальный».

Но в то же время слово сохранило и все прежние свои значения: таким образом термин «документ» стал полисемичным [42, с. 76—77 и др.]. Однако это еще не повод для того, чтобы отказаться от него в библиотековедческой и информационной интерпретации. И совсем архаичными представляются возражения против термина «документ» на том основании, будто библиотеки «собирают и хранят только произведения письменности, которые предназначены для чтения широкого круга лиц и размножены во многих экземплярах» [308, с. 67]. Весьма ограничено и представление, будто библиотеки не хранят личную переписку, дневники, чертежи и т. п.; в наиболее крупных из них, как известно, функционируют отделы рукописей. Даже в небольших научных библиотеках при институтах есть подфонд диссертаций, защищенных в этом институте; в научно-технических библиотеках формируются фонды чертежно-конструкторской документации и т. д.

Несостоятельно и соображение будто в термине «документ» «теряется важнейший признак» — осуществление «не только информационно-коммуникативной, но (главное) познавательной и воспитательной и эстетической функций, реализуемых большей частью в комплексе» [266, с. 51]. Его содержание отнюдь не исключает этих, равно как и иных существующих или возможных в будущем социальных функций.

Для библиотекаря форма документа важна лишь с точки зрения особенностей его приобретения, обработки, размещения, хранения. Поэтому он не может быть безучастен к перспективам появления все новых их видов, подвидов, разновидностей. В 30-е гг. XX в., когда в библиотековедении начались первые прогнозные разработки, будущее библиотек видели в совершенствовании традиционных библиотечных процессов [377, 396, 308, с. 8]. Этот взгляд продержался до середины 60-х гг., тогда предполагалось, что в ближайшие десятилетия библиотеки по-прежнему будут работать преимущественно с произведениями печати и в их деятельности не произойдет радикальных изменений (см., напр.: 341, 359, 366, 401, 404]. Консерватизм и недалёковидность этого прогноза в условиях, когда во всем мире стали появляться нетрадиционные виды документов, дорого обошлись библиотековедению и библиотечному делу, так как привели к попытке (к счастью, не удавшейся) дискредитировать библиотеку как общественный институт [388, 409 и др.], заменив ее информационным органом.

Правильное решение этого вопроса вытекает из сказанного выше. Доля произведений печати в библиотечном фонде будет неуклонно уменьшаться, но вместе с тем в течение ближайшего обозримого будущего останется основной, а в абсолютном выражении не только не уменьшится, но — в большинстве библиотек — возрастет. В библиотеках-депозитариях произведения печати вообще, естественно, предназначены для вечного хранения.

Предпринятая нами классификация библиотечного фонда по формальному признаку — виду источника информации — включает в себя практически все существующие в мире и могущие возникнуть виды, подвиды и разновидности документов [36, с. 21—27]. Из других терминов, аналогичных по смыслу, предлагают еще «источник информации» и «произведение». Первый из них

достаточно полно описывает терминируемое понятие, однако от него трудно образовывать производные термины. Термин «произведение», предложенный было для проекта ГОСТ «Библиотечное дело. Основные термины и определения», неудачен. Он не менее полисемичен, чем «документ», причем имеет смысл, весьма далекий от фиксирования информации (произведение природы; число, получаемое в результате умножения). Существуют произведения (продукты творчества), не закрепленные на материальном носителе (например, устные, музыкальные; многие из которых существуют только в момент их исполнения); библиотечный фонд такими произведениями не комплектуется.

Будучи родовым в системе «библиотека», элемент *Д* теснейшим образом связан с другими неотъемлемыми элементами этой системы. Органическая связь между *Д* и *А* рассмотрена выше. Добавим, что составом, структурой, величиной, назначением библиотечного фонда определяются основные характеристики читательского контингента библиотеки. Изменение профиля фонда незамедлительно сказывается на составе абонентов и характере их запросов. Большой, но по содержанию не отвечающий в должной мере их интересам, фонд не найдет большого числа желающих его освоить. Фонд, соответствующий составу и интересам читателей, но недостаточного большого, также не привлечет всего возможного в данных условиях контингента, так как не сможет обеспечить оперативного удовлетворения запросов. С другой стороны, полными по составу и большими по величине фондами крупнейших библиотек СССР читатели приезжают пользоваться буквально со всех концов страны. Так, доля командированных среди читателей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина составляет 50% и имеет тенденцию к дальнейшему повышению [44, с. 136].

В библиотечной практике связь *Д*—*А* предстает в виде девиза «Каждой книге — своего читателя», что означает, по словам Н. К. Крупской, найти наиболее нужную книгу тому, кому она наиболее нужна. Высший социальный смысл этой связи в условиях развитого социалистического общества состоит в воспитании высоко-нравственной, широко эрудированной, гармонически развитой личности, с марксистско-ленинским мировоззрением, к которой были бы приложимы слова широко из-

вестного горьковского афоризма: «Всем хорошим во мне я обязан книгам».

Документ не обязательно должен присутствовать в стенах библиотеки в явном виде. Часть документов, находящихся в пользовании у абонентов, постоянно отсутствует в фонде, хотя и продолжает принадлежать ему. Поскольку фонд каждой библиотеки представляет собой часть единого общепубличного фонда страны, можно утверждать, что большая часть фонда отдельно взятой библиотеки лишь потенциально присутствует в ней. При современных средствах телекоммуникаций абонент и документ территориально могут находиться сколь угодно далеко друг от друга, тем не менее абонент не лишается возможности пользоваться этим документом, причем подчас даже в лучших условиях, чем если бы связь *Д—А* реализовалась в помещении библиотеки. Неучет этого обстоятельства и привел некоторых специалистов к ошибочному утверждению о возможности существования библиотек без книг.

Не менее важна связь *Д—Б*. Величина фонда долгое время определяла число библиотечных работников и размер их заработной платы. Да и сейчас этот фактор не потерял своего значения, хотя и отошел (заслуженно) на второй план. Именно книгой, а точнее необходимостью осуществления различных технологических операций над нею, объясняется наличие десятков библиотечных специальностей. Любовь к книге, по всеобщему признанию, является обязательным профессиональным качеством библиотекаря.

Поскольку каждый библиотекарь вместе с тем и абонент своей библиотеки, притом — в силу природной или воспитанной любви к книге — наиболее активный, на него полностью распространяется сказанное о связи *Д—А*. Более того, для повышения его эрудиции, профессионального мастерства эта связь имеет особенно большое значение.

Элемент *Д* тесно связан и с элементом *МТБ*. Величина и дифференциация фонда по различным признакам оказывают непосредственное влияние на кубатуру и особенности расположения помещений библиотеки. Фактор величины фондов во всем мире был и до последнего времени остается наиболее важным критерием архитектурно-планировочного решения библиотечного здания любого типа. Учетную единицу фонда принято класть в

основу всех расчетов, связанных с проектированием библиотечных зданий и помещений, даже если речь идет о помещениях для абонентов и сотрудников. Величиной, содержанием, структурой фонда задается (главным образом) объем, планировка, интерьер и внешний облик библиотечного здания, его отнесение к классу небольших, средних, крупных или крупнейших. Принципы проектирования и строительства библиотек во многом зависят от той или иной политики формирования фондов: основывается ли она на концепции неконтролируемого роста, или исходит из тенденции их замедленного увеличения. Предоставление той или иной библиотеке обязательного экземпляра или отказ от него могут радикально изменить архитектурно-планировочное решение готовящегося проекта здания этой библиотеки. Не менее значительно влияет на *МТБ* внедрение депозитарной системы хранения фондов, особенно для библиотек-фондохранилищ. Хорошо известно, как отразилось на планировке библиотечных помещений повсеместное введение в конце 50-х гг. открытого доступа к фондам.

Большой раздел библиотековедения — организация библиотечного фонда — практически целиком занимается изучением оптимальных условий учета, размещения, хранения и сохранности, доставки абонентам и возвращения на место содержащихся в фонде документов. Документы требуют резко отличных от других элементов системы «библиотека» температурно-влажностного режима, средств технической, физико-химической, биологической защиты от повреждения и исчезновения. Недоучет тенденций развития фонда при проектировании библиотечных зданий приводит к тесноте их фондохранилищ, не рассчитанных не только на отдаленную, но даже на ближайшую перспективу.

Номенклатура и мощность основного оборудования библиотеки прямо зависят от видов и количества поступающих источников информации. Наиболее наглядный пример — аудиовизуальные материалы, требующие для своего хранения, доставки, использования принципиально иных технических решений, чем документы на бумажном носителе.

Кардинальная переориентация вузовского образования на подготовку библиотекарей-библиографов по комплексам литературы исходит из неявного признания того, что именно содержание формируемых библиотекой

фондов определяет собой характер библиотечных кадров. От того, насколько правильно решаются проблемы формирования библиотечных фондов, зависит участь всех остальных компонентов библиотеки как социального института. Вот почему, например, дискуссия о т. н. «сбалансированном комплектовании» имела не узкофондовое, а общебиблиотечное значение.

В действующей библиотеке имеют место не только бинарные связи элемента *Д*, но и более сложные. К примеру, в мероприятиях по защите фонда от неблагоприятных воздействий внешней и внутренней среды нетрудно усмотреть связь *Д—Б—МТБ*, в проводимой библиотекарем среди абонентов разъяснительной работе по вопросу о бережном отношении к библиотечному фонду — связь *Д—Б—А* и т. д. В свете сказанного становится отчетливо видна одинаковая важность связей *Д* с остальными атрибутивными элементами библиотеки.

Библиотечный фонд как совокупность документов. Исходная функция библиотечного фонда

Выше отмечалось, что библиотека имеет дело не с отдельным документом, а непременно с их совокупностью, называемой библиотечным фондом. А. Н. Ванеев и А. Л. Гольдберг справедливо заметили, что библиотековедению нет необходимости изучать книгу так, как изучает ее книговедение. Необходимые знания собственно о ней «библиотечная теория и практика получают из книговедения и библиографии... Библиотековедение изучает не книгу, а ту особым образом организованную систему книг, которая называется библиотечным фондом» (52, с. 76).

Чтобы отличить библиотечный фонд от собраний документов иного вида (назначения), требуется определить понятие «библиотечный фонд». Парадоксально, но терминологически и дефинитивно это важнейшее базовое понятие библиотековедения сформировалось, по-видимому, не ранее первых десятилетий XX в.

Первоначально, в 1918 г., понятие «книжный фонд» имело иное, чем сейчас, содержание³. Как только оно

³ «Книжный фонд — аппарат распространения книги: фонды старых книг, собиравшихся после революции в разных республиках и местностях и шедших частью на комплектование библиотек, частью

получило современное звучание, В. И. Ленин оперативно ввел его в свой лексический оборот, о чем свидетельствует хотя бы его письмо А. В. Луначарскому и поручение В. А. Смольянинову от 17 мая 1922 г. [т. 54, с. 262—263]. До этого, как и у других, «библиотека» была у него, в частности, синонимом «собраний книг». Это общепринятое толкование соответствовало терминологическим нормам того времени. Примером может служить высказывание В. И. Ленина о Цюрихской библиотеке: «Здесь библиотека лучше, особенно по новой экономической литературе» [т. 49, с. 207—208]. В. А. Карпинского он просил прислать каталог не фонда, но библиотеки [т. 49, с. 102]. М. И. Ульяновой сообщал, что «Надя имеет здесь еще педагогическую библиотеку» [т. 55, с. 357]. Слово «библиотека» употреблялось В. И. Лениным также в значении «учреждение».

В современной трактовке словосочетания «книжный фонд», «библиотечный фонд» встречаются в трудах Н. К. Крупской [т. 8, с. 28, 62, 323, 522, 594, 627, 662, 663].

Оно становится все более устойчивым и к концу 30-х гг. почти вытесняет термин «библиотека» в значении «библиотечный фонд». Показательна в этом отношении эволюция названия одной из книг О. С. Чубарьяна. В 1937 г. им было выпущено пособие «Комплектование технической библиотеки предприятия и научно-исследовательской библиотеки». Второе издание называлось уже «Комплектование фонда технической библиотеки» (1939 г.). Почти так же называлось пособие В. Н. Денисьева: «Комплектование библиотечного фонда» (1939 г.). Однако рецидивы употребления понятий «библиотека» и «библиотечный фонд» как синонимов все реже, но еще встречаются в печати.

В 30-е гг. собирательное понятие «библиотечный фонд» вытесняется менее точным «библиотечные фонды». Книга В. Н. Денисьева, изданная в 1936 г., называлась «Комплектование книжных фондов массовых библиотек». Множественное число проникло в 1940 г. в наименование курса по комплектованию и укрепилось в соответствующих программах. Попытка автора данных

на бумажные фабрики; в системе советской библиотечной работы значительное место заняли „книжные фонды“, обслуживающие передвижные библиотеки» [181, стб. 411].

строк вернуть этому разделу библиотековедения его точное терминологическое выражение относится к началу 80-х гг. и наталкивается на возражения, обусловленные 40-летней привычкой неправильного терминопотребления.

Если рассматривать фонд как самостоятельную систему, то определить его с удовлетворительной точностью можно через выявление его свойств. Поскольку эта задача подробно решена нами в специальных публикациях [287, 289 и др.], здесь мы лишь перечислим наиболее важные из этих свойств: целостность, открытость, множественность, динамичность, устойчивость, управляемость, ценностность, информативность, стохастичность, гетерогенность, надежность. Лишь наличие всех их одновременно отличает библиотечный фонд от случайного скопления книг, от ассортимента книжного магазина, коллектора, архива, книжного склада и т. п. Знание этих свойств позволяет научно обоснованно формировать библиотечный фонд и управлять им.

Библиотечный фонд — это обусловленная интересами определенного класса (в СССР — общества в целом) систематизированная совокупность документов, подобранных в соответствии с задачами, типом и профилем данной библиотеки, предназначенных для использования их абонентами данной (главным образом) и других библиотек, а также хранения в течение всего времени, пока они представляют реальную или потенциальную ценность.

Это определение, как нам представляется, более строго, чем распространенные в зарубежной практике дефиниции типа «библиотечный фонд — это общий материал всякого рода, собранный в библиотеке для клиентов» [376, р. 382], «совокупность того, что хранится в библиотеке» [412, S. 309]. Что имеется в виду под словом «общий» и «всякого рода» — остается неясным. Не многим лучше определение фонда как совокупности литературных документов, имеющих в библиотеке или библиотечной сети, которые приобретаются, предоставляются для использования в широких или ограниченных масштабах и раскрываются в соответствии с задачей комплектования, информации и образования, стоящей перед данной библиотекой [386, S. 153].

Позволим себе не раскрывать теоретические аспекты, связанные с формированием библиотечного фонда. Для

данного исследования такое раскрытие носит частный характер. Нам важнее показать, в чем состоит сущностная роль, основное социальное назначение библиотечного фонда в системе «библиотека».

Как отмечалось выше, появление библиотеки было социально обусловлено появлением письменности, которая, в свою очередь, была вызвана к жизни необходимостью фиксирования в пространстве и во времени более или менее значимых сведений. По отношению к речи письмо носит вторичный характер. Оно призвано преодолеть ее существенные недостатки: ненадежность передачи и закрепления информации, искажение смысла сообщений интонацией; забывчивость лиц — носителей информации; субъективизм в отборе, запоминании и передаче сведений; зависимость самого существования информации от наличия ее физического носителя — человека и др. Главное назначение письма — зафиксировать, закрепить, материализовать данные человеческого опыта. Однако это относилось (и относится сейчас) далеко не ко всему опыту, а лишь к наиболее важной его части. Все, что не нуждалось в долговременном хранении, письменно, как правило, не фиксировалось. Фиксации подвергались, главным образом, сведения, которые могли представить интерес, во-первых, не для одного человека, а для группы лиц; во-вторых, не только в данный момент и (или) не только в данном месте. Так письмо по самой своей природе приобрело социальный характер.

По мере развития общества потребовалось не только фиксировать знания в документах, но и собирать в одном месте сами эти документы и обеспечивать их хранение в течение всего времени, пока они представляют общественный интерес. Так появились совокупности документов, в частности, библиотечные фонды.

Таким образом, функция «памяти человечества» (Б. Шоу) изначально, генетически присуща библиотечному фонду. Само слово «память» заслуживает того, чтобы и в библиотечном ведении оно рассматривалось не как удачная метафора, а как научный термин, подобно тому, как это делается в нейрофизиологии и психологии. Кстати, И. М. Сеченов специально подчеркивал сходство устройства человеческой памяти и организации библиотечного фонда [257, с. 436—438]. Понятие памяти рассматривается и как социальная категория. «Общество,—

писал, например, Н. Винер, — обладает своей собственной памятью, гораздо более емкой и разносторонней, чем память любого, входящего в него члена» [57, с. 313].

При всех различиях в понимании и применении термина «память» сущность его неизменна: «закрепление, сохранение и последующее воспроизведение человеком данных своего опыта» [315, с. 202]. Форма такого закрепления может быть различной, вплоть до машинной памяти. С этой точки зрения документ, совокупность документов — библиотечный фонд — еще одна форма памяти.

Термины «память» и «библиотека» не случайно объединяются идеей хранения, хранилища. Высказывания о библиотеках как о коллективной памяти человечества можно признать не только эмоциональными, поэтическими афоризмами, но и правильными с научной точки зрения, хотя и интуитивными определениями, раскрывающими самую сущность библиотечной деятельности. Исходная, родовая функция библиотечного фонда — функция памяти человечества, выступающей в виде знания и материализованной в документах. В соответствии с этой функцией библиотека призвана выявлять, собирать, сохранять и передавать во времени и пространстве материализованное знание абонентам. В литературе для ее названия применяются термины «кумулятивная функция», «функция аккумуляции» [203, с. 54].

В обществе, разделенном на классы, эта функция всегда классовая, поскольку формирование фонда всегда ведется в интересах класса, содержащего библиотеку. В библиотеках СССР и социалистических стран она имеет коммунистически-партийную направленность.

Подчеркнем, что речь идет об аккумуляции именно знаний, а не информации, научных данных или чего-либо еще. В связи с этим возникает необходимость коснуться вопроса о разграничении этих понятий, особенно понятий «знание» и «информация», ясность в отношении которых еще не достигнута. Одни авторы называют научные знания особой, высшей категорией научной информации [82, с. 23]. Другие замечают, что «категория „знание“ имеет довольно расплывчатый характер, в то время как категория „информация“ претендует на некоторую четкость количественной и качественной характеристики знания» [354, с. 3]. Но против этого тезиса можно возразить, что и слово «информация» в

различных языках мира (если судить по Словарю русского языка, Оксфордскому толковому словарю, Brockhaus ABC der Wissenschaft и др.) имеет десятки синонимов: звук речи, знак, число, физическое количество, сведения, сообщение, ознакомление, осведомленность и др., включая, кстати, и такое значение, как «знание». На наш взгляд, прав Дж. Шира, полагающий, что знание, в отличие от информации, есть вся сумма того, что известно, вся масса истин, фактов, принципов, убеждений или других объектов познания, приобретенных человечеством, безотносительно к тому, кто этими знаниями пользуется [353, с. 30—31].

Информация же, со своей стороны, «является скорее делом процесса, чем хранения» [56, с. 128], т. е. это только знание, «которое потребно и у которого есть потребитель. Взаимодействуя с потребителем, знание приобретает характер сообщения, сведения, т. е. становится информацией. Информацию составляет та часть знания, которая используется для ориентировки, для активного действия, для управления, т. е. в целях сохранения качественной специфики, совершенствования и развития системы. Это знания, находящиеся в постоянном обороте, движении; те, что собираются, хранятся, перерабатываются, передаются и используются (или могут быть использованы системой)» [16, с. 33—34]. При таком понимании информации можно полагать, что библиотека выполняет информативную функцию, главным образом, активной, действующей частью своего фонда, или, по терминологии системного подхода, информативная функция библиотеки задается связью Д—А.

Библиотеки, цель которых не только организация «сиюминутного» использования фонда, но и хранение печатной продукции страны (безотносительно к ее использованию), выполняют помимо информативной еще мемориальную, или историко-культурную функцию. Их кумулятивная функция складывается из информативной и мемориальной.

Правильное понимание этих нюансов имеет большое методологическое и практическое значение. К примеру, нельзя оценивать деятельность библиотеки, выполняющей мемориальную функцию, по показателям использования фондов (информативной функции). Так, за десятилетие прирост фондов Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) составляет около 50%,

а прирост книговыдачи — только 18%. Вследствие не-одинакового темпа роста этих показателей происходит неуклонное снижение обращаемости фонда ГБЛ. Однако к библиотекам типа ГБЛ показатель обращаемости вообще не применим, поскольку образующие его показатели величины фонда и книговыдачи, в сущности, сопоставимы: прирост фонда характеризует национальную библиотеку, вбирающую в себя полный комплект отечественных и часть зарубежных изданий (мемориальная функция), а книговыдача показывает использование ее фонда как универсальной научной библиотеки (информативная функция).

Аналогичная ситуация складывается, когда деятельность массовых библиотек (выполняющих преимущественно информативную функцию) оценивают по величине их фонда (мемориальная функция). Прошедшая в конце 60-х — начале 70-х гг. дискуссия о пределе роста библиотечных фондов убедила библиотечную общественность в необходимости пересмотреть соответствующий критерий, что и нашло отражение в постановлении ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.). В нем в основу оплаты труда библиотечных работников предложено положить «объем работы по обслуживанию читателей» [5, с. 18].

Установление разницы в понятиях «знание» и «информация» позволяет провести грань между библиотеками, имеющими дело со всеми видами искусственно закрепленного знания, и органами информации, которые занимаются только научной информацией. В свое время еще К. И. Рубинский отмечал, что «библиотека сохраняет не только книги, посвященные научным вопросам», что в библиотеке ищут не только научных знаний, «но и отдыха, наслаждения» и т. д. [241, с. 24; 242, с. 2].

Вместе с тем нельзя согласиться с Дж. Широй в том, что знание не может существовать без лица, обладающего им. Этот тезис правилен лишь по отношению к усному знанию, или, точнее, к знанию как акту мыслительной деятельности индивида. Зафиксированное же знание имеет две диалектические стороны — объективную и субъективную. Будучи материализовано и закреплено на том или ином носителе, оно отделяется от своего первоисточника и существует независимо от него. Знание может быть и «вещью в себе», если абонент не

может перевести его на свой язык. Таковы нерасшифрованные письма народов Майя, острова Пасхи и вообще вся литература, написанная на языке, незнакомом читателю, или (говоря шире) зафиксированная таким способом, который делает невозможным использование его абонентом. При этом, как правило, чем совершеннее способы закрепления знания, тем больше зависимость индивида от них. Так, он не сумеет потребить знание, зафиксированное на магнитной ленте, если отсутствует соответствующая звуковоспроизводящая аппаратура.

Разграничение понятий «знание» и «информация» позволяет также предположить, что библиотековедение тесно связано с эпистемологией, понимаемой как «изучение знаний о самих знаниях» [353, с. 27]. В марксистской литературе эпистемологией называют особый подраздел теории познания, в котором «сосредоточены проблемы собственно научного познания, анализа его наиболее общих закономерностей» [234, с. 24].

Заметим также, что при использовании понятия «информация» акцент обычно делается на способе, каналах передачи знаний. В этом случае говорить об информативности неправомерно, ибо под таковой понимается способность одной системы быть источником информации для другой. Здесь правильнее вести речь об информационной функции, порождаемой необходимостью довести до абонента собранные библиотекой знания, опосредованные в документах. Возможно, точнее называть ее сигнальной, т. е. обеспечивающей оповещение о выходе в свет новых изданий или о наличии информационных ресурсов по данному вопросу. Эта функция относится к разряду не сущностных, а содержательных.

Отличие библиотечного фонда от других документальных фондов

Раскрытие природы библиотечного фонда как подсистемы библиотеки позволяет установить его соотношение со справочно-информационным фондом (СИФ), с фондами домашних библиотек.

Поскольку первоначально (в 50—60-е гг.) информатика развивалась в отрыве от библиотековедения и в ней превалировало стремление доказать свою прогрессивность в противовес «архаичности» традиционного библиотековедения, ее терминологический аппарат фор-

мировался в ряде случаев по неведению, в ряде случаев нарочито вразрез с библиотечной терминологической системой, с явным желанием доказать большую по сравнению с библиотечным широту понятий и «новаторство». Это не могло не привести к терминологической путанице, результаты которой не замедлили сказаться на практике. Организация СИФ, в том числе даже в массовых библиотеках, изгнание понятия «библиотечный фонд» из типовых схем структуры СИФ и методических указаний об организации работы научно-технических библиотек, предложения (уже активно реализуемые) возвести термин «СИФ» в ранг государственного стандарта [228, с. 4, 8] и другие мероприятия входят в грубое противоречие с требованиями ЦК КПСС повысить роль библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе, улучшить идеологическую, политико-воспитательную работу среди населения. Вследствие этого, острота вопроса о соотношении библиотечного и справочно-информационного фондов из года в год усиливается. В этой связи утверждения, будто «высказывания отдельных информатиков об устранении библиотек, относящиеся к 50-м и началу 60-х гг., сегодня упоминаются лишь как исторические курьезы» [349, с. 33], мягко говоря, неточны и недальновидны.

В частности, с введением понятия «СИФ» стал весьма неопределенным статус научно-технических библиотек. Они начали рассматриваться как составная часть органов научно-технической информации, но сохранили свое название. При этом понятие «библиотечный фонд» в связи с более широким, на первый взгляд, понятием «СИФ» стало как бы излишним, и в начале 60-х гг. фонды научно-технических библиотек начинают переименовывать в СИФ. Этот термин переключивается в официальные издания [201].

Получилось, что СИФ — это составная часть НТБ, всего лишь видоизмененный вариант прежнего библиотечного фонда. С этим еще можно было бы как-то мириться (погрешив, правда, против всей совокупности выполняемых фондом функций), если бы не продолжал по-прежнему существовать термин «СИФ» с иными значениями — то ли как конгломерат самых различных документальных фондов, имеющих на предприятии (НИИ, КБ), то ли как фонд справочных изданий, то ли

как синоним понятия «информационный орган предприятия». В последнем значении этот термин начинает употребляться все чаще. Специфика его вследствие этого исчезла, но одновременно оказалось, что библиотеки как бы лишились своего родового элемента, что равносильно прекращению их существования в прежнем качестве.

Казалось бы, размежевать понятия «библиотечный фонд» и «справочно-информационный фонд» можно, сопоставив их научные определения. Поскольку сущность понятия «библиотечный фонд» уже выявлена, остановимся на дефинициях СИФ.

Наиболее распространено определение, согласно которому СИФ — это «организованное собрание документов и справочно-поисковый аппарат, которые являются базой и средством разыскания и выдачи нужных документов и сведений по формальным и (или) содержательным признакам» [351, с. 5]. Формальные отличия видят в том, что в информационных фондах обычно шире, чем в библиотеках, представлены неопубликованные документы типа информационных карт, научных отчетов о проведенных исследованиях, машинописных переводов. Показательно, что информатики сумели убедить в этом и некоторых библиотечников. «СИФ шире, полнее, чем фонд библиотеки и справочно-поисковый аппарат (СПА) к нему. В СИФ включены не только первичные и вторичные документы библиотеки, но и материалы органов НТИ: техархива, патентной службы, службы НТД и других учреждений, в том числе — фактографического и фактологического плана», — считает, например, Т. Ф. Каратыгина [124, с. 43]. Однако выше было показано, что все эти виды и разновидности источников информации безболезненно могут быть включены и в библиотечный фонд. Более того, и до появления органов информации при формировании библиотечного фонда ограничения накладывались отнюдь не на форму документа, а только на его содержание. Утвердившееся в советском библиотечном ведении (благодаря О. С. Чубарьяну) понятие «общественно-полезный фонд» как раз и отражает эту сторону дела.

Что касается СПА, то функционирование библиотечного фонда также не мыслится без него. Он подразумевается в самом определении понятия «организация библиотечного фонда» как ряда последовательных процессов и операций, с помощью которых фонд приводится в

готовность к использованию абонентами и постоянно содержится в рабочем состоянии. Без создания СПА такое требование выполнить нельзя. Ни одна из составных частей этого аппарата (за исключением разве фактографических картотек) не нова для библиотечной практики. Так, функции главной справочной картотеки с успехом выполняют фонд справочно-библиографических пособий, сводные каталоги. Кроме того, сама необходимость ведения главных справочных картотек теоретически не доказана и является скорее плодом дилетантского представления о характере и структуре СПА советских ОНТИ. В мировой практике, во всяком случае, эта форма распространения не получила.

Библиотечковедческий взгляд на соотношение фонда и СПА гораздо логичнее принятого в информатике, где собрание энциклопедий, словарей, библиографических пособий относится одновременно к обеим частям т. н. СИФ. О том, насколько неразрывной представляется библиотечковедом связь между теорией формирования фонда и теорией каталогизации и классификации, свидетельствует более чем двадцатилетнее существование вузовского курса «Библиотечные фонды и каталоги» (правда, на практике интересы удобства преподавания требуют самостоятельного чтения каждого раздела этого курса). Будучи (теоретически) одной из составных частей понятия «библиотечный фонд», СПА и по этой, в частности, причине не имеет оснований претендовать на роль автономного родообразующего элемента системы «библиотека».

Включение СПА в определение СИФ значительно, но без нужды, осложняет это понятие, ибо на практике ряд документов (например, библиографические пособия) одновременно должны рассматриваться и как первичные (единицы хранения), и как вторичные (справочно-информационные пособия). В принципе это относится ко всем каталогам и картотекам⁴. Но ни к чему, кроме путаницы в дефиниции и статистическом учете, это привести не может. Считается, например, что на 1 янв.

⁴ Но это обстоятельство не учитывается составителями соответствующих инструктивно-методических материалов, чьи практические рекомендации расходятся с их же теоретическими построениями. Так, в пособии ГПНТБ СССР [225, с. 5—12] предусмотрены единицы учета как фонда, так и СПА, но вопрос о необходимости итогового суммирования данных опущен.

1977 г. «собрания первичных и вторичных документов, в совокупности составляющие государственный справочно-информационный фонд, имеют объем свыше 2 млрд. ед. хранения» [Науч. и техн. б-ки СССР, 1977, № 6, с. 39], т. е. более половины совокупного библиотечного фонда страны. Но приведенная цифра дает сильно искаженную картину действительного соотношения величины библиотечного и справочно-информационного фондов, так как в статистические данные наряду со сведениями о каждой книге, комплекте журналов и т. д. попадают сведения о каждой каталожной карточке, отражающей содержание этой же самой книги, журнала и т. п. К тому же многие карточки неоднократно дублируются. В библиотечной же статистике количество карточек в каталогах и картотеках не учитывается и не приплюсовывается к фонду. Поэтому библиотечные и справочно-информационные фонды вообще нельзя сравнивать по величине. О неточности учета свидетельствует тот факт, что эта же цифра — около двух миллиардов печатных единиц — называется и по отношению к величине фонда научно-технических библиотек [191]. Весьма примечательно при этом, что в передовой «Правды» «Научно-технические библиотеки» [191] и других материалах, посвященных библиотекам, слово «СИФ» не употребляется вовсе.

Имеются и другие неясности в отношении содержания и формы понятий «библиотечный фонд» и «СИФ».

Как явствует из самого названия, СИФ выполняет главным образом справочную и информационную функции, тогда как круг функций библиотечного фонда значительно шире. Но если библиотечный фонд представляет собой часть СИФ, теми же функциями, по-видимому, должен обладать и СИФ, но тогда оказывается, что наименование этого понятия уже его содержания. Наконец, формирование т. н. справочно-информационных фондов подчиняется тем же теоретическим положениям и закономерностям, что и формирование библиотечных фондов.

Не выдерживает критики и мнение, будто СИФ представляет собой совокупность всех документальных фондов, формирующихся на предприятии (в него не включают обычно фонд библиотеки партийного кабинета, профсоюзной, библиотеки втуза на предприятии). Ведь в этом случае СИФ — не более чем условное понятие: у него отсутствуют свойства целостности, устойчивости

и управляемости, поскольку он не имеет единого организационного центра, не учитывается статистически как единое целое и ряд других. Неизвестно даже, представляет ли он собой самостоятельную структуру или служит подсистемой некоего более общего образования, наподобие того, как библиотечный фонд является подсистемой библиотеки. В Молдавской ССР, например, признаками самостоятельности СИФ считается наличие: фонда объемом более 10 тыс. ед. хранения, освобожденного работника, достаточного помещения [140, с. 87]. Но ведь наличие кадров, помещения противоречит определению понятия «фонд».

Мы сопоставили библиотечный фонд как элемент системы «библиотека» с т. н. справочно-информационным фондом не ради того, чтобы уточнить последнее понятие (как явствует из проведенного анализа, оно вообще не имеет права на существование, так как создано с нарушением норм терминообразования). Нам достаточно ограничиться выводом, что, принципиально говоря, фонд документов, т. е. любых видов материалов, содержащих научно-техническую информацию, по существу является библиотечным (и это признают отдельные информатики).

И все же было бы, по крайней мере, преждевременно утверждать, что между т. н. СИФ и библиотечным фондом нет совсем никакой разницы, что один из этих фондов является разновидностью другого. Нельзя не считаться с тем фактом, что создание, самостоятельное (в большинстве случаев) функционирование и развитие т. н. СИФ является объективной реальностью. Вместе с тем поскольку между ними больше сходства, чем различия, на практике наблюдается тенденция к слиянию этих фондов в единое целое. Возможно (исходя из свойства гетерогенности) качественное отличие библиотечного фонда от фондов другого вида состоит во включении в библиотечный фонд документов с высокой степенью обобщения информации и широким целевым и читательским назначением (к такому выводу склоняется Л. Н. Герасимова [77, 78]). Ведь в библиотеках концентрируются главным образом тиражируемые издания, т. е. представляющие интерес для большого числа абонентов. В отличие от них, в фондах архивов, в справочно-информационных фондах органов информации собираются в основном документы, предназначенные для от-

носителем малочисленных групп потребителей или даже отдельных исследователей. Выяснение закономерностей, лежащих в основе гетерогенности, позволит, возможно, определить качественные отличия библиотечного фонда от справочно-информационного, фонда архива и т. п. и тем самым поднимет на новую ступень обобщения не только библиотековедение, но и пограничные с ним науки — архивоведение, информатику и др.

Столь же неправомерно отождествление библиотечного фонда с иной по своей сущности системой — информационно-поисковой (ИПС). В последние годы эта неверная тенденция определилась довольно четко в трудах отдельных советских информатиков и библиотековедов. Сведение назначения фонда только к поиску документов не просто ограничивает представление о возможностях фонда, но уводит от понимания главного — что фонд является основой буквально всех направлений работы библиотеки, а не только поиска информации.

Еще одна важная задача — установить соотношение между фондами общественных и личных библиотек⁵ с целью определения возможности их интеграции. До последнего времени библиотековедение не занималось исследованием природы и закономерностей формирования фондов современных личных библиотек. О. С. Чубарьян прямо писал: «В прошлом к этому понятию [библиотека. — Ю. С.] подходили формально и определяли библиотеку лишь как книгохранилище. При таком подходе стираются существенные различия между библиотеками, выполняющими общественные функции, и коллекциями книг (в том числе частными собраниями), не имеющими широкого обращения... Однако само по себе собрание книг, хотя и составляет основу библиотеки, еще не определяет ее общественной роли и культурного значения» [342, с. 5; 343, с. 4; 344, с. 42]. Анализируя подобные взгляды, Д. Ю. Теплов справедливо замечал, что определение библиотечного процесса как процесса общественного пользования книгами фактически суживает горизонт библиотековедения, исключая из него проблемы личных библиотек.

⁵ Существуют также термины «домашняя библиотека», «семейная библиотека» [299, с. 73—75]. В такой классификации, по-видимому, смысл имеется, но для наших целей достаточно ограничиться понятием «личная библиотека» как собирательным для всех библиотек этого типа.

Богатый материал для изучения проблемы личных библиотек, их специфики, их роли и места в системе общественного пользования книгами, путей и способов вовлечения частных книжных коллекций в общественный книгооборот дал ряд масштабных централизованных социологических и библиотечковедческих исследований, проводившихся в 60—70-е гг. под руководством О. С. Чубарьяна — «Советский читатель» (1965—1967 гг.), «Книга и чтение в жизни небольших городов» (1969—1971 гг.), «Книга и чтение в жизни советского села» (1973—1975 гг.). Затрагивались эти вопросы и в ходе исследования «Библиотека и научная информация», в дискуссиях в журнале «В мире книг» (1976—1977 гг.) и др. Разделы о личных библиотеках имеются и в учебнике «История библиотечного дела в СССР» (М., 1980) — «Личные библиотеки в Киевском государстве», «Личные библиотеки на Руси в XIV—XVII веках». Появляется и методическая литература. «Вовлечение в общественное пользование фондов личных библиотек как путем сбора книг у населения, так и составления в библиотеках каталогов на личные собрания» рассматривается как «задача государственной важности» [101, с. 7]. Понятно, что без понимания различий между этими двумя видами фондов трудно наметить линии сопряжения их функций.

Несмотря на кажущуюся легкость определения понятия «фонд личной библиотеки», сделать это совсем не просто, ибо «...само понятие „домашняя библиотека“ может быть предметом острых споров. В самом деле, что такое домашняя библиотека? Тысяча книг? Сто? Образуют ли 30—40 книг домашнюю библиотеку? Можно ли назвать большое, но случайное собрание книг библиотекой? Есть над чем призадуматься и книголюбам, и тем, кто исследует домашние библиотеки» [336, с. 7]. (Кстати, в приведенной фразе еще дает себя знать рецидив отождествления фондов с библиотекой.) Кроме того, далеко не всякая личная библиотека была достоянием только ее владельца — многие из них предоставлялись в общественное пользование еще при его жизни, а впоследствии становились (и становятся сейчас) первоосновой или во всяком случае ценнейшей частью фонда общественных библиотек. Иными словами, определение свойств фонда личной библиотеки так же необходимо, как и общественной. Не задаваясь целью ре-

шить эту задачу полностью, сделаем лишь несколько замечаний, без учета которых установить взаимоотношения двух рассматриваемых видов фонда было бы, на наш взгляд, чрезвычайно затруднительно.

Попытаемся определить, вследствие каких соображений возникло стремление вовлечь фонды личных библиотек в общественный книгооборот, насколько научно обоснованы сами эти соображения.

Фонды личных библиотек в общесуммарном выражении, без всякого преувеличения, огромны по величине и неизмеримо богаче общественных по репертуару. В личном пользовании населения находится, по приблизительным подсчетам, в десять раз больше литературы, чем в государственных массовых библиотеках. В этом убеждает следующий несложный расчет: в фонды массовых библиотек попадает всего около 10% названий и немногим более 5% тиража ежегодно издаваемых книг. Основную часть книжной продукции поглощает розничная продажа. Кроме того, фонды личных библиотек освобождаются от ненужной литературы (кроме периодических изданий) в несколько раз медленнее, чем государственных массовых: в последних фонд практически полностью обновляется в течение всего лишь 10—15 лет. Использование же фондов личных библиотек, с государственной точки зрения, ничтожно: ни один владелец не пользуется всеми имеющимися у него книгами одновременно, подавляющее их большинство вообще стоит непрочитанное или используется всего несколько раз. Естественно, идея вовлечь столь богатейший массив в общественный оборот весьма заманлива.

Однако попытки реализации этой идеи до сего времени не увенчались сколько-нибудь заметным результатом, хотя они предпринимаются, по крайней мере, с начала 1960-х гг. В тот период украинский общественник Ф. И. Сахно предложил централизовать в государственных библиотечных учреждениях сведения о составе личных книжных фондов, находящихся в микрорайонах обслуживания государственных библиотек. По замыслу автора, все желающие могли бы в случае необходимости направляться к владельцам книжных собраний и пользоваться принадлежащей тем литературой. Это начинание не получило массового характера (сейчас его пытаются возродить Общество любителей книги).

Другое предложение (оно исходило от И. М. Фрумина) состояло в том, чтобы передавать в ближайшую массовую библиотеку для коллективного пользования периодические издания, выписываемые семьями. Но и оно не было широко принято. Ненамного более эффективным оказалось движение за создание библиотек на общественных началах. В чем же причина низкой эффективности предпринимаемых попыток?

Как нам представляется, методологический недочет в решении данного вопроса состоит в подходе к фондам личных библиотек с тех же позиций, что и к фондам библиотек государственных. Однако природа книгособирательства, а тем более библиофильства коренным образом отличается от природы формирования фондов общественных библиотек. Главный стимул создания личной коллекции — возможность всегда иметь под рукой приобретенные книги. На первый план (даже если сбросить со счета немаловажный психологический момент — чувство безраздельного обладания дорогой сердцу книгой) здесь выступает фактор оперативности, безотказности получения нужной литературы, а также возможности обращаться с текстом по своему усмотрению — подчеркивать, оставлять закладки и т. д. К. Маркс, по свидетельству П. Лафарга, говорил о книгах: «Они мои рабы и должны служить мне, как я хочу» [262, с. 273]. Ради этого любитель идет на весьма значительные финансовые расходы, сознательно стесняет себя (весьма удачно в этом отношении заглавие одной из статей о домашних библиотеках: «Гонимый из дому томами»). Это весьма показательный фактор, особенно если учесть, что книголюб отлично осведомлен о полной общедоступности наших государственных библиотек, а также о том, что каждая такая библиотека, не говоря о централизованной библиотечной системе, в общем случае неизмеримо богаче по подбору литературы, чем его книжная коллекция⁶. Довольно красноречив, в связи со сказанным, положительный ответ 85% работников общественных наук и специалистов-строителей на вопрос: «Комплектовали ли бы вы

⁶ По-видимому, критерий нижней граничной величины фонда личной библиотеки может быть в несколько и даже десятки раз ниже, чем тот же критерий фонда библиотеки общественной, — ведь и число абонентов в такой библиотеке на несколько порядков меньше, а величина фонда, по формуле, зависит от числа абонентов.

личную библиотеку производственной литературой, если бы (государственная) библиотека (полностью) удовлетворяла вашу профессиональную потребность в книге?» [290, с. 35].

Сказанное означает, что владельцы домашних библиотек расстанутся со своими книгами без жалости (даже временно) только тогда, когда они потеряют в их глазах свою ценность. Но обычно такие книги не представляют интереса и для других абонентов. Следовательно, возможность вовлечения фондов домашних библиотек в общественный книгооборот принципиально весьма ограничена, и с этим нельзя не считаться при решении данной задачи. Кроме того, следует принять во внимание, что, в отличие от формирования фондов государственных библиотек, при отборе документов для личных библиотек критерии идейно-политического и педагогического характера зачастую выражены менее отчетливо. В ряде случаев книголюб, не владеющий (естественно) библиотечной теорией и терминологией, затрудняется определить причину приобретения той или иной книги, группы книг. Вообще, формирование фонда личной библиотеки, как правило, дело любительское, и к нему трудно применить профессиональный подход (принципы партийности, профилирования и систематичности). В свете сказанного, едва ли разумно (с партийной и государственной точки зрения) передоверять руководство чтением случайным в библиотечном деле лицам, официально за такое руководство не отвечающим.

Вот почему, отнюдь не умаляя значимости поставленной задачи, мы полагаем, что на пути ее решения нельзя ожидать быстрых успехов. Работа по вовлечению фондов личных библиотек в общественное книгоиспользование не может быть кратковременной шумной кампанией. Как никакая другая, она требует исключительно вдумчивого, неспешного подхода и форм, психологически приемлемых для владельцев домашних собраний книг. В частности, в деле покупки книг у населения было бы рационально предоставить библиотекам больше льгот, чем букинистическим (антикварным) магазинам.

Главное же в решении проблемы, на наш взгляд, должно состоять не столько в том, чтобы изыскивать все новые способы вовлечения личных фондов в общественный книгооборот, сколько в том, чтобы всемерно

содействовать повышению роли и значения общественных библиотечных фондов. Мы признаем вполне резонным вопрос известного эколога В. М. Пескова: Не пришла ли пора бороться с домашними библиотеками? «Сегодня тираж только одной книги,—справедливо замечает В. М. Песков,—это гектары сведенного леса. Не окажемся ли мы с книгой в руках, но сидящими на пеньке?» Председатель Госкомиздата СССР Б. И. Стукалин в ответ на это признает, что «сегодняшний „массовый собиратель“ буквально опустошает книжный рынок. Полностью удовлетворить этот огромный спрос — задача непосильная» [143]. Правильный путь предоставления информационных ресурсов общества каждому его члену хорошо известен: «Следовало бы восстановить принцип преимущественного и первоочередного снабжения библиотек нужной им литературой» [256, с. 32].

В любом случае решение этой проблемы не должно, во-первых, расходиться с природой и стимулами создания личных библиотек, и, во-вторых, ни в малейшей мере умалять ответственность государственных библиотек как опорных пунктов партийных организаций в деле коммунистического воспитания трудящихся и содействия научно-техническому прогрессу.

Выводы

Обладая сформированным и используемым фондом, библиотека с момента ее возникновения оказывает обратное воздействие на породившую ее общественную среду. Здесь имеет место тот диалектический процесс, о котором К. Маркс писал, что «производство производит... не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета» [т. 12, с. 718]. Так, предмет искусства, замечал Маркс создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. В нашем случае количество и содержание документов в библиотечном фонде прямо влияют на число и состав абонентов библиотеки, штат сотрудников, планировку помещений и номенклатуру технических средств. Поэтому без упорядоченного, постоянно обновляемого собрания документов (библиотечного фонда) библиотека существовать не может. Более того, содержание и форма сосредоточенных в фонде документов в значительной

мере влияют на типологию библиотек. В зависимости от содержания, назначения, вида, языка документов и других признаков фонда выделяют универсальные, многоотраслевые, детские, юношеские, патентные, иностранной литературы и т. п. библиотеки.

Вместе с тем отождествление библиотеки с ее частью — фондом — неправомерно. Существовавшее продолжительное время эмпирическое представление о библиотеке как совокупности документов, главное назначение которой — хранение этих документов (книг), оказало длительное и исключительно важное воздействие на ход развития библиотековедческой мысли. Оно имело как положительные, так и (в силу своей неполноты и неточности) отрицательные последствия теоретического и практического свойства.

Положительным результатом явилась разносторонняя разработка вопросов, связанных с подбором и особенно сохранностью фондов. Несомненная польза состояла и в развитии архитектурно-планировочной мысли в области строительства библиотечных зданий. В значительной мере благодаря представлениям о том, что призвание библиотеки — бережно хранить все попадающие в нее книги, наши современники стали обладателями культурного наследия прошлого; разумеется, в той мере, в какой это зависело от библиотекарей минувших эпох. Теорию исчерпывающей полноты комплектования мы также склонны прямо связывать с общим представлением того времени об общественной функции библиотеки. Библиотекари наших дней с успехом пользуются практическими приемами учета, размещения и сохранности фондов, выработанными их предшественниками.

Анализируя далее понятие «библиотека как собрание книг», теперь с критической точки зрения, заметим, что построение библиотеки, как замкнутой, нерасчлененной системы с одним родообразующим элементом, было хотя необходимым, но явно недостаточным. Переоценка значения документа в отечественном дореволюционном и современном буржуазном библиотековедении привела к трактовке этой науки как формально-технической дисциплины, что может быть признано правильным лишь отчасти. При таком подходе игнорируется важнейшая общественная функция библиотеки как социального института.

Видение смысла библиотечной деятельности в собирании книг породило во всем мире сначала так называемый книгохранилищный уклон, а затем — книгохранилищный кризис в библиотечном деле. Суть этого уклона можно определить как забвение главной цели библиотечной деятельности — обслуживания читателей, ради которого приобретаются и хранятся книги. Превращение хранения в самоцель, в самодовлеющую функцию библиотеки приводило в ряде случаев к уродливым явлениям в библиотечном обслуживании. Например, к созданию библиотек-лабиринтов, устройству потайных ходов в хранилище и т. д.

Приравнивание сущности библиотеки к ее фонду привело к тому, что вузовский курс «Организация и управление библиотечным делом» ориентирован преимущественно на технологию работы библиотеки с литературой. В нём имеется, например, понятие «путь книги», но отсутствует не менее важное «путь абонента». Соответственно не раскрывается комплекс вопросов, связанных с этим путем (по нашей терминологии, потоком), — его свойствами, влиянием на архитектурно-планировочное решение библиотечного здания и т. п. На организационно-технологическом уровне не раскрываются и связи между различными элементами, что значительно обедняет содержание библиотековедения.

При ограниченном представлении о книге, как единственном образующем систему «библиотека» элементе, упускается из виду, что библиотековедение рассматривает ряд вопросов, не относящихся к компетенции книговедения как такового. Среди них организация библиотечного дела и управление им, принципы построения библиотечной сети, типизация библиотек, критерии эффективности их деятельности, взаимосвязь библиотековедения с пограничными науками (кроме книговедения), проблемы обслуживания населения библиотечной книгой, руководства чтением; архитектуры, планировки, оборудования библиотек и многие другие. Даже в том разделе библиотековедения, который ближе всего примыкает к книговедению, — теории формирования библиотечного фонда — имеется ряд лишь ему присущих проблем: свойства библиотечного фонда как системы, цель и критерий формирования фонда, тенденции его развития, принципы первичного и вторичного отбора и т. д., вплоть до сохранности фонда. Даже Н. А. Рубакин,

считавший библиотекведение «частью книжного дела», вынужден был развести понятия «книжное ядро» и «библиотечное ядро» и сконцентрировать внимание на комплектовании именно последнего (под книжным он подразумевал перечень лучших книг, существующих в природе, но не обязательно в библиотеке).

Еще меньше оснований относить библиотекведение к другим наукам, так или иначе связанным с созданием, распространением или оценкой книг.

Однако в целом библиотекведение более страдает другой крайностью, возникшей, возможно, как реакция на неверную трактовку библиотекведения как науки,— некоторой недооценкой в теоретическом отношении роли элемента *Д*. В библиотеческих исследованиях почти не уделяется внимания вопросам сохранности библиотечного фонда (исключение составляет разработка частных вопросов реставрации и консервации уникальной части фондов), особенно социологическому фактору сохранности. Наглядное свидетельство последнего — полное отсутствие соответствующих диссертаций и крайне немногочисленное количество не очень к тому же глубоких по содержанию публикаций по этому вопросу. И это в то время, когда ежегодно расхищается около 10 млн. экз. самой лучшей литературы [163].

Глава III

АБОНЕНТ (А) КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ «БИБЛИОТЕКА»

Эволюция взглядов на роль элемента А

Со взглядом на то, что библиотеку образует только элемент *Д*, в библиотекведении велась поначалу очень робкая, а затем все более активная борьба, достигшая апогея в 70-х гг. XX в.

В основе ее лежала прогрессивная мысль о том, что главная цель библиотечной работы — не накопление фондов, а организация их активного использования. Центр внимания, таким образом, перемещался с элемента *Д* на элемент *А*, ибо библиотечный фонд может быть использован именно и только абонентом. Истоки этого нового взгляда восходят еще к XVIII—XIX вв. Его защитники подчас сами не осознавали революцион-

ного, а не просто реформаторского характера своих воззрений. По мере того как изолированным друг от друга библиотекам становилось все труднее следовать за ускоряющимся ростом печатной продукции, расширяющимся кругом читателей и спектром их интересов, данная точка зрения отстаивается все решительнее. Стремление ликвидировать назревающий кризис во взаимоотношениях между читателем и библиотечным фондом экстенсивным путем — приобретая в одну отдельно взятую библиотеку все произведения из всех стран на всех языках (А. Паницы) — стало вызывать все более резкие возражения перспективно думающих специалистов. Это не означает, что экстенсивный путь вовсе не пригоден. Просто он недостаточен.

В России к идее выдвижения читателя в центр библиотечной работы одними из первых пришли революционные демократы А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, требовавшие открыть двери библиотек для широких масс трудящихся. Из библиотековедов конца XIX — начала XX в. активными сторонниками этой идеи были К. Н. Дерунов [100], А. А. Покровский и др. «Главное, что нужно широкой публике от библиотеки — это выдача книг...», — таково было, например, убеждение А. А. Покровского [220, с. 38]. Как отмечалось выше, это правильное утверждение было вместе с тем причиной внутренней противоречивости его позиции: интуитивно понимая исключительную значимость элемента «читатель» для системы «библиотека», он (как и некоторые другие библиотековеды тех лет) вместе с тем еще не смог отрешиться от двух традиционных взглядов: что библиотеку образует непременно один элемент и что этим элементом является книга. Тем более не был он готов к тому, чтобы объединить оба элемента в сложную единую систему.

Л. Б. Хавкина подчеркивала, что в ходе истории библиотеки пережили различные фазы развития. Из книгохранилищ, главной целью которых было «накопление книжных богатств», они путем длительной эволюции превратились в публичные библиотеки, обретая новую задачу — «предоставление книг всем желающим». Н. А. Рубакин выдвинул девиз: «Все для читателя, все в читателе, все через читателя» [238].

Советское библиотековедение восприняло передовые идеи дореволюционной науки, обогатив их социалистическим содержанием.

С поистине гениальным проникновением в самую суть библиотечного дела еще в статье «Что можно сделать для народного образования» (1913 г.), а затем и в других своих трудах В. И. Ленин указывал на широкое обслуживание народа книгой, соответствующей его классовым интересам, как на основную цель библиотечной работы. Решительно отстаивала эту идею и Н. К. Крупская, активно борющаяся с бессмысленным накопительством книг, приводящим к библиотифии, т. е. «массовому угробливанию книг» [т. 8, с. 450].

Благодаря усилиям ведущих представителей библиотечной мысли, активной поддержке выдающихся деятелей партии и правительства уже в середине 20-х гг., когда не прошло еще и десяти лет после победы Великой Октябрьской социалистической революции, В. А. Невский мог с полным основанием констатировать: «Библиотека — склад, заботящаяся больше всего о сохранности своих книг, библиотекарь-машина, ограничивающий свою работу выдачей книг по требованию читателя, — в СССР совершенно отошли в область предания» [195, с. 6]. Это было, однако, слишком оптимистичное заявление. Тогда же Я. В. Ривлин, критиковавший библиофильскую точку зрения, сводившуюся к формулировке «библиотеки — это книги, а не читатели», резонно замечал, что такие взгляды все еще не утратили приверженцев, особенно среди работников научных библиотек. Заметим, что они имеют сторонников и по сей день. Я. В. Ривлин тоже подметил рождение новой концепции, в соответствии с которой центром библиотечной работы становится читатель. Ее основателями он назвал Э. Цоллера, П. Ладевига, Л. Б. Хавкину, а продолжателями, углубившими ее содержание, А. А. Покровского, Б. О. Боровича, Д. А. Балику, В. А. Невского, Е. Н. Медынского, М. А. Смушкову, Я. Е. Кипермана, Е. И. Хлебцевича, И. М. Цареградского, В. Гофмана. Он полагал, что «всеми ими выдвинут читатель на первый план; для всех них и книга и знание — не самоцель, а лишь средство для воспитания трудовых масс» [236, с. 36]. Однако столь однозначное отнесение перечисленных авторов к сторонникам данной концепции было чересчур прямолинейным, поскольку

ку многие из них еще не определили окончательно свои взгляды.

В начале 30-х гг. активным пропагандистом идеи, будто единственным предметом библиотковедения является «проблема читательства», а все остальные его разделы подчинены ей, был Ю. А. Меженко. Но и его взгляды не были устойчивыми. Противореча самому себе, он тут же объявил объектом библиотковедения комплекс «книга-читатель» [180, с. 6].

Рассматриваемая идея постепенно распространяется и за рубежом. Она прямо вытекала из пятого закона библиотечной науки Ш. Ранганатана: «Библиотека — растущий организм». В соответствии с этим законом Ш. Ранганатан разделил библиотеки на две группы — хранящие и обслуживающие. «Если накопление и хранение всей печатной продукции страны являются необходимыми функциями национальной библиотеки, — писал, например, К. Хэнсон, — то остальные библиотеки должны быть постоянно действующими каналами связи, отвечающими современным требованиям информации. Им незачем хранить обширные коллекции, создавать фонды с расчетом на „нужды будущего“» [374, р. 66]. На международном уровне это положение легло в основу создания библиотек-депозитариев. Идею о том, что использование фондов не менее важно, чем их хранение, отражает Манифест ЮНЕСКО о публичных библиотеках начала 70-х гг. [175].

Выдвижение использования фондов на передний план означало, что первое место среди элементов, образующих библиотеку, переместилось в сторону понятия читатель. О том, как происходят подобного рода качественные изменения, хорошо писал в свое время В. А. Зененко. Если ограничить понятие «библиотека как собрание книг», — отмечал он, — «прибавлением какого-нибудь качественного признака, например „общественная“, то увидим, что здесь на первый план придется выдвинуть уже не порядок размещения книг на полках и не систему их классификации, а отношение к читателю, его интеллекту. Разница между приведенными определениями весьма существенна: первое предусматривает внешние признаки, технику, остальные — взаимодействие между читателем и библиотекой» [115, с. 1—2]. Оставим без критики явное противопоставление читателя и библиотеки, памятуя, что в начале XX в.

библиотекой называли и фонд; с этой поправкой мысль автора становится вполне отчетливой.

Среди современных специалистов наиболее глубокая теоретическая разработка проблем чтения принадлежит О. С. Чубарьяну. В своих работах он разносторонне охарактеризовал библиотековедение как общественную науку, изучающую различные проявления общественного пользования книгами. Основным и ведущим в библиотеке он считал читателя, будучи убежден, что «по сути дела, весь библиотечный процесс представляет собой обслуживание читателей» [343, с. 10].

Об организации общественного пользования книгой как главной задаче библиотек, о библиотеке как о коллективной форме пользования книгой не раз писала в своих работах Н. К. Крупская. Однако она не выводила библиотеку только из одного этого элемента. Трактовка О. С. Чубарьяном библиотековедения как общественной науки также выводится из взглядов В. И. Ленина и Н. К. Крупской. В. И. Ленин отмечал, что для работников просвещения, каковыми он считал и библиотекарей, «должно быть основной задачей — помочь воспитанию и образованию трудящихся масс...» [т. 41, с. 400]. Воспитание и образование — педагогическая задача, а Н. К. Крупская подчеркивала, что «педагогика — наука общественная» [т. 10, с. 726].

Обслуживание читателей относил к самому существенному в библиотечной работе и М. М. Герман [79]. В. И. Терешин предлагал «рассматривать актив библиотеки как сущность ее работы» [302, с. 45]. На общественном пользовании произведениями печати как признаке, определяющем понятие библиотека, заострил внимание Б. П. Каневский в соответствующей статье третьего издания Большой Советской Энциклопедии [123, с. 300]. Аналогичный подход к библиотеке отражен в Словаре библиотечных терминов [261, с. 19—20] в ряде определений.

Фактически (хотя прямо на это не указывается, возможно, просто в силу недостаточной осознанности этого самим автором) читатель возводится в ранг главного и единственного элемента, образующего библиотеку, и А. Н. Ванеевым. В его публикациях теория руководства чтением рассматривается как центральный раздел всего библиотековедения. Отсюда, естественно, следует, что читатель — центральный элемент в системе

«библиотека». Он пишет: «...советское библиотековедение — это наука о руководстве чтением в целях коммунистического воспитания». [51, с. 8].

В этом свете более справедливой представляется позиция, например, Н. М. Сомова, высказанная еще в 1933 г. Предметом библиотековедения автор считал библиотеку в целом. Читателя же («библиотечное читательство», по его выражению) изучает лишь один из разделов библиотековедения — библиотечная педагогика [271, с. 58].

В социалистических странах мнение о том, что «читатель стоит в центре библиологических забот» наиболее активно отстаивает М. Томеску (Румыния) [372, S. 179].

В современном буржуазном библиотековедении, в соответствии с его объективистской методологией, читателю не уделяется должного места в системе «библиотека». В лучшем случае он считается частью технологической системы; например, когда библиотека изображается в виде коммутационной системы, задача которой состоит в механическом соединении книги и читателя. Исходя из принципа псевдообъективности, декларируется (на деле проводится совсем иная политика), что «библиотекарь не должен оказывать давления на читателя» в выборе книг, руководить его чтением. В теоретическом отношении к абоненту кроется коренное расхождение между советским и буржуазным библиотековедением.

Рассмотрим роль абонента в системе «библиотека».

Понятие «абонент». Необходимость элемента А в системе

Определению понятия «абонент» должно предшествовать установление точного содержания понятия «читатель». Задача эта не менее трудна, чем дефиниция «документа». В литературе почти не прекращаются дискуссии на тему «Кого считать читателем?» [см., напр.: 108, 147, 399]. Организаторы библиотечного дела и методисты в своих пособиях вынуждены тщательно оговаривать данный вопрос [см., напр.: 225, с. 12—14]. Отмечается, например, что «не всякий читающий может быть определен как читатель» [17, с. 40]. Понятие «читатель» ограничивают видом читаемого издания

(«читатели книг»), частотой обращения («постоянный читатель»), целью чтения и т. д.

Многие специалисты все еще упрощенно трактуют термин «читатель», понимая под ним «лицо, регулярно посещающее библиотеку с целью получения литературы для чтения» [261, с. 188]. При таком определении действительно не подпадают под понятие «читатель» многие из тех, кто пользуется библиотечным фондом непосредственно или опосредованно. Акцент здесь сделан как раз на несущественных деталях — факте посещения, его регулярности, факте получения литературы и т. п. Выражение «читатель библиотеки» явно грешит против норм русского языка: читать можно газету, журнал, книгу, а не библиотеку.

В последние десятилетия в связи с появлением таких видов документов, которые не требуется читать в буквальном смысле слова, это понятие еще более сузилось. Вообще, сам факт чтения чего бы то ни было представляет собой хотя и важный, но все же промежуточный момент в процессе восприятия информации. Самое главное — получение, осмысление и использование необходимых сведений. Чтение — всего лишь один из наиболее распространенных в условиях библиотеки путей достижения этой цели.

Привычный, казалось бы, термин «читатель» на самом деле вошел в библиотечный обиход относительно недавно и его еще рано относить к числу устоявшихся. В библиотеках Древней Руси, по-видимому, не было слова для обозначения тех, кто пользовался библиотечным фондом. Поскольку таких пользователей было крайне мало, каждый из них именовался персонально. И хотя само слово «читатель» появилось в русском языке в XVII в. [150], еще в XVIII в. В. Н. Татищев употребляет более общий словооборот «чтения желающие». В XIX в. в библиотековедении наиболее употребимы термины «читающая публика», «подписчик библиотеки», «посетитель» и др. В немецком библиотековедении появляется термин «читающие». Все эти термины нельзя назвать вполне удачными.

Понятие «посетитель» не может быть принято в настоящее время в качестве обобщающего по причине того, что не каждый пользующийся библиотекой посещает ее. В понятии «подписчик» акцент сделан на факте платы за пользование библиотечной книгой —

моменте немаловажном, но здесь столь же второстепенном, как и восприятие текста органами зрения.

В XIX же в. в библиотековедении появилось слово «читатель». После Великой Октябрьской социалистической революции бесплатность пользования библиотеками, как одно из проявлений культурной революции в СССР, мгновенно сделала архаичным понятие «подписчик», безболезненно вытесненное понятием «читатель». Это последнее устраивало теорию и практику всего несколько десятилетий. С появлением органов информации потребовался термин, более точно обозначающий лицо, для которого предназначен и кем используется документ.

На рубеже 50—60-х гг. появляется словосочетание «потребитель информации», которое, несмотря на некоторую громоздкость, выгодно отличается от понятия «читатель» большей широтой содержания. Но для библиотековедения оно чрезмерно широко, ибо библиотека оперирует не всеми видами информации, а только частью. В условиях библиотеки правильным был бы термин «потребитель информации, предоставляемой библиотекой». Однако этот словооборот не вполне согласуется с нормами терминообразования и неудобен для употребления. Кроме того, сочетания «потребитель информации», «потребитель информации, предоставляемой библиотекой» особенно нежелательны там, где одновременно функционируют библиотеки и органы информации, — ибо в этом случае не ясно, об объекте какого социального института идет речь.

Понятие «читатель» не стало всеобъемлющим и в библиотечном деле. Наряду с ним в большинстве крупных и крупнейших библиотек употребляется слово «абонент», под которым подразумевается лицо (или группа лиц), получающее литературу по межбиблиотечному, внутрисистемному, заочному, международному абонементам и т. п. По мере развития централизованных библиотечных систем и библиотечного дела вообще количество читателей-заочников неуклонно возрастает, и понятие «абонент» распространяется все шире. Из-за отсутствия обобщающего термина одна и та же фигура в библиотеке имеет двойное наименование. Как отмечается в профессиональной печати, «до настоящего времени в отечественной и зарубежной литературе не достигнуто терминологического единства в определении

лий, отдельных организаций (предприятий), использующих в своей производственной и научной деятельности справочно-информационные фонды и современные системы библиотечного и информационного обслуживания» [225, с. 12—13].

Более того, трактовка «абонента» только как лица, пользующегося библиотекой заочно, противоречит определению, согласно которому абонент — пользователь абонементов — одного из структурных подразделений библиотеки, в котором литература выдается на дом [261, с. 10]. В такой же редакции эти дефиниции предлагались для стандарта на библиотечные термины и определения.

Какой же термин может претендовать на роль обобщающего, адекватно отражающего содержание понятия и согласующегося с библиотечной терминологической традицией? В библиотековедении ГДР «*der Leser*» постепенно заменяется понятием «*der Nutzer*». Как поясняет Х. Кунце, второе понятие (его можно перевести как «лицо, пользующееся библиотекой») по значению шире первого, ибо посетители не только читают книги, но получают также письменные и устные справки, просматривают списки литературы, заказывают копии статей и различных материалов [385, S. 80]. Аналогичный процесс имеет место в англоязычных странах, где широко распространенное понятие «*reader*» (читатель) со множеством значений (корректор, лектор и др.) и производных терминов все более уступает словам «*subscriber*», «*patron*», «*client*» в первом значении — абонент, подписчик, заказчик, клиент библиотеки.

В нашей стране в 1974 г. на роль такого термина был официально предложен «абонент» [225, с. 25]. Данное предложение представляется удачным. Ведь абонент (первое употребление этого слова зафиксировано в Академическом словаре 1847 г.) — это лицо или группа лиц, имеющих право пользования чем-нибудь в течение определенного срока. В нем нет акцента на определенном способе восприятия информации, т. е. он допускает любой из таких способов, имеющих место в библиотеке. Слово «абонент» не только более точно отражает существо соответствующего понятия, но и обеспечивает преемственность в развитии библиотечной лексики, что также является его достоинством. Ведь его дословный перевод с французского соответствует

уже известному в библиотечном деле термину «подписчик». Только в русском языке слово абонент получило еще один своеобразный оттенок.

Нам представляется, что термин «абонент библиотеки» (в обиходе просто «абонент») в качестве обобщающего способен заменить термин «читатель»¹. Последний употреблялся бы в точном его значении, т. е. применительно к тому объекту, который действительно можно читать (читатель произведения печати). Детализировать предлагаемый термин можно по признаку формы общения абонента с библиотекой — «очный абонент», «заочный абонент». Такой подход в, частности, позволил бы устранить словообороты типа «обслуживание читателей и абонентов», не затрагивая при этом других устоявшихся понятий, например, «руководство чтением (абонентов)». Возможно, понадобится лишь уточнить название абонеента как структурного подразделения библиотеки. В любом толковом словаре — русского ли языка, иностранных ли слов — термину «абонемент» придается четкий и однозначный смысл: документ (а не подразделение какого бы то ни было учреждения), предоставляющий право на обслуживание, пользование чем-нибудь. Как и со словом «читатель», с этим словом в свое время произошла элементарная языковая ошибка, когда профессиональный библиотечный арготизм был возведен в ранг термина. Отрадно отметить, что в окончательной редакции Государственного стандарта по библиотечным терминам и определениям принята предлагаемая здесь трактовка термина «абонент».

Абонент как элемент системы «библиотека» играет в ней исключительно важную роль: все остальные элементы предназначены для него, в служении ему — цель и смысл их существования. В самом деле, ни наличие соответствующим образом оборудованного здания с собранием необходимых документов, ни функционирование библиотечных кадров еще не определяют собой рождение библиотеки. Библиотека становится таковой в момент, когда начинает обслуживать своего абонента. Лишившись его, она тем самым лишается цели своего существования и перестает функционировать как учреждение.

¹ Правда, поскольку данный термин еще не устоялся, мы в ряде случаев употребляем как его синоним распространенный термин «читатель». При этом понимается он, конечно, расширительно.

Однако в библиотековедческой литературе еще отсутствует полная ясность в вопросе о роли элемента А. Подчас, визуально не обнаруживая абонента в стенах библиотеки (например, московской областной), одни готовы отказать этому учреждению в праве называться библиотекой; другие на том же основании говорят о возможности существования библиотеки без читателей. Возражая им, Н. Вершинин (Н. М. Верещагин) резонно замечал, что фондами этих библиотек пользуются десятки тысяч читателей, только не непосредственно, а по межбиблиотечному абонементу [54, с. 55]. То же распространяется на т. н. «библиотеки для библиотек», существовавшие в ряде западных стран.

Физическое отсутствие читателя в здании библиотеки возможно не только при использовании им МБА и ЗА, но частично и в других случаях. Во-первых, при обслуживании на абонементе — одном из главных структурных подразделений библиотеки. Эта форма как раз и предполагает территориальное разобщение абонента и библиотеки в процессе восприятия документа. Но более существен сам факт связи библиотечной книги (Д) с ее читателем (А). Во-вторых, нередки случаи, когда абонент берет книги (иные документы) не только для себя, но и для другого записанного в библиотеку читателя. В-третьих, библиотечную книгу зачастую прочитывают лица, официально не являющиеся читателями данной библиотеки или за которыми она не записана (временно взята у другого абонента). По данным ряда обследований, количество таких незарегистрированных абонентов в библиотеках отдельных видов [145, с. 159] достигает 12—14%. Однако отсутствие регистрации, естественно, не препятствует таким лицам быть фактическими, только не оформленными юридически, абонентами библиотеки. В-четвертых, при библиотечном обслуживании путем подворных обходов абонент также может довольно продолжительное время не посещать библиотеку. Это делает за него библиотекарь, посещающий читателя по месту работы или жительства.

Иными словами, для понимания природы абонента как элемента системы «библиотека» принципиального значения не имеет ни акт официального оформления того или иного лица как абонента библиотеки, ни периодичность или даже самый факт посещения библиотеки, ни место, в котором происходит процесс определения и

отбора нужного читателю документа, а также его восприятия и переработки. Это принципиальное положение особенно важно в свете перспектив развития библиотечного дела.

По мере широкого внедрения технических средств в работу библиотек возможность пользоваться заключенной в библиотечных фондах информацией, не присутствуя физически в здании библиотеки, все более расширяется. Интегральные автоматизированные библиотечные системы типа МЕДЛАРС (США) доставляют информацию, рассредоточенную по ряду фондов, в любой пункт земного шара, имеющий канал связи с системой. В частности, фондами медицинской литературы пользуются не только на американском континенте, но и в странах Европы и даже Австралии.

То обстоятельство, что в подобных случаях библиотечарь может за все время своей работы ни разу не увидеть абонента, не снимает с библиотечаря обязанности изучать потребности возможных абонентов, знать, сколько их, где они находятся и т. д. Разница лишь в том, что все эти задачи с появлением электронно-вычислительной техники намного усложняются. Но ведь вследствие этого автоматизированная библиотека или библиотечная система становятся, если можно так выразиться, более библиотечными по существу, чем были до этого времени!

Не выдержал проверки временем и другой вариант идеи «библиотеки без читателя», а именно «библиотеки для библиотек». Имеются в виду Национальная центральная библиотека и Национальная библиотека-абонемент по науке и технике (Великобритания), CRL (Центр для научных библиотек США) и т. п., выполнявшие до 1940-х гг. функции «складов мертвой литературы», из которых каждая внесшая свои книги библиотека имела право забрать их обратно. Во-первых, цель библиотечной деятельности — обслуживание абонентов — не менялась и в этом случае, только для ее реализации в систему вводилось промежуточное звено. Во-вторых, от создания библиотек-складов, как известно, постепенно отказались, придя к идее национальных библиотек-абонементов с функциями депозитарного хранения. Иными словами, абоненту вновь было возвращено его прежнее место в системе «библиотека».

Связь А—Д. Исходная функция элемента А

Нерасторжимая связь элементов Д и А рассматривалась выше. Процесс их взаимовлияния двусторонний: качество и величина библиотечного фонда влияют на состав, характер и интенсивность спроса абонентов библиотеки, а число и потребности абонентов, в свою очередь, влияют на состав и величину фонда². Причем на практике, при создании библиотеки обычно реже руководствуются формой и содержанием документа, а, как правило, исходят сначала из потребностей абонентов.

Социально-демографическими характеристиками контингента абонентов определяются типы, виды, возраст и другие признаки документов, из которых состоит библиотечный фонд. Однородность интересов задает экзemplярность того или иного документа, содержащегося в фонде.

Разработка практически всех «фондовых» проблем базируется на показателях, связанных с контингентом абонентов и их чтением: читаемостью, посещаемостью, обращаемостью, числом абонентов, книговыдачей, полнотой удовлетворения запросов и т. п. При решении различных проблем комплектования, организации и использования фонда используются многие аспекты теории работы с читателем. Это, например, концепция различия понятий «потребность», «интерес», «запрос»; сложная структура интереса (общее, особенное и единичное в нем); методика учета различных аспектов читательских интересов для полноценного отбора литературы; концепция различия между понятиями «отказ» и «неудовлетворенный запрос» и многие другие. Исследуя центральные проблемы теории формирования фонда — его цель, критерий, полноту отбора, стратегию управления фондом и иные, — библиотековеды-фондовики также исходят из положений, добытых в ходе изучения абонента как подсистемы библиотеки, а в случае отсутствия таковых — формулируют их сами. Так, методологической и теоретической основой современной советской теории формирования библиотечного фонда служит т. н. «закон соответствия»: состав и величина

² На диалектический характер взаимоотношения этих элементов обращал внимание Н. С. Карташов [132, с. 47].

фонда должны соответствовать, с одной стороны, задачам, решаемым библиотекой в обществе на данном этапе его развития, а с другой — прогрессивным (отвечающим интересам построения коммунизма в СССР) читательским потребностям.

Вопрос о соотношении задач библиотеки и интересов читателей вызвал длительную и временами острую дискуссию, в ходе которой высказывались крайние, одно-сторонние мнения по этому вопросу. Так, в дореволюционное время ряд библиотекведов — К. Н. Дерунов, А. А. Покровский, Н. А. Рубакин, Л. Б. Хавкина и др. — не признавали за библиотекой функции содействия классовому самообразованию трудящихся. Понимая интересы трудящихся узко — лишь в культурническом плане, — многие из них призывали библиотекарей следовать за этими интересами, даже если это был интерес к низкопробной литературе. Профессор Харьковского университета Д. И. Багалея даже теоретически обосновывал реакционную политику комплектования фондов. Он считал, что существует три концентрических круга литературы — классическая, творения писателей средней руки и сочинения третьесортных авторов. Им соответствуют три сорта читателей: высший, средний и низший. К третьему сорту якобы принадлежат читатели из народа [249]. Столь грубое искажение действительных интересов читателей-трудящихся объективно играло на руку официальной политике царизма, который также стремился доказать, что нет разницы между уровнем развития ребенка и простолюдина. Поэтому и издавались серии книг «для детского и народного чтения», состоящие из примитивных сказок, книжек монархического, клерикального или шовинистического направления.

Правда, подобные взгляды разделяли не все буржуазно-демократически настроенные библиотекведы. К. Н. Дерунов, например, считал, что «пресловутой литературы низшего сорта» надо избегать «решительно и по принципу» [98, с. 308].

Подлинно научное решение вопроса о соотношении задач библиотек и интересов читателей вытекает из марксистско-ленинского положения о том, что одного только знания коммунистами подлинных интересов трудящихся еще недостаточно, чтобы привлечь их на свою сторону и вести за собой. Необходимо, по словам

Г. В. Плеханова, «уметь перейти к общественной психологии» народа, которая в силу своей изменчивости не всегда согласуется с научными теориями [213, с. 247]. В. И. Ленин констатировал, что психология протеста готова впитать в себя то или иное сознание — будь то буржуазная идеология или подлинная наука пролетарского социализма. Стихийное развитие рабочего движения ведет к подчинению его буржуазной идеологии [т. 6, с. 38].

Исходя из этого, один из первых советских библиотекovedов В. А. Невский, еще до Октябрьской революции стоявший на ленинских позициях, писал: «Для бедной культурой страны в высшей степени важно, чтобы книга не только строго соответствовала запросам читателя, отвечая на возникшие вопросы, но чтобы, кроме того, она ставила ему ряд новых проблем, развивала новые запросы, оставляя о себе ясно очерченное индивидуализированное воспоминание» [192, с. 10]. В. И. Ленин рассматривал возрастание и развитие общественных потребностей как объективный исторический процесс и называл его «законом возвышения потребностей» [т. 1, с. 101].

После победы Октябрьской революции в библиотекovedении постепенно стал вырабатываться правильный взгляд на соотношение задач библиотек и интересов читателей, а сами эти понятия были осмыслены по-новому, наполнились социалистическим содержанием.

В громадной мере этому способствовала деятельность большевистской партии, непосредственно В. И. Ленина, направленная на развитие культуры, народного образования в стране. Сохранился ряд конкретных директив и указаний В. И. Ленина о том, как надо понимать задачи формирования библиотечных фондов в условиях социалистического строительства. Пропагандистам коммунистической идеологии (а библиотекари входят в их число) он предлагал «...жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек... уметь завоевать себе безграничное доверие массы...» [т. 44, с. 348]. Приобретение литературы, не отвечающей задачам научных библиотек и интересам большинства читателей, он характеризовал как «неслыханное безобразие и преступление». Комитет, занимающийся покупкой иностранной литературы, был по предложению В. И. Ленина распушен, так как им приобреталась «масса совершен-

но не представляющего чего-либо важного или замечательного» [т. 53, с. 229].

Н. К. Крупская всемерно пропагандировала лозунг: дать вовремя наиболее нужную книгу тому, кому она наиболее нужна. Потребности читателей рассматривались ею с классовых позиций. В ряде работ (особенно в статьях «Какая книга нужна деревне?» и «Имеют ли право крестьяне читать марксистскую литературу?») она подчеркивала, что книги, предоставляемые советским трудящимся, по содержанию должны быть важными с нашей, коммунистической точки зрения, а по форме (языку, стилю изложения, характеру сравнений и т. д.) соответствовать уровню подготовки читателей. В 1936 г. Н. К. Крупская прямо указывала, что по своему содержанию фонды библиотеки должны соответствовать современным запросам читателя, задачам социалистического строительства [т. 11, с. 594].

Однако в 20-е — 30-е гг. часть библиотекосоведов продолжала ориентироваться только на читательские интересы, исходя из примитивного, в сущности, представления, что коль скоро библиотека существует для читателя, характер и цели ее деятельности определяются только их запросами, а не задачами библиотеки [215, с. 35; 231, с. 12; 330, с. 117].

Другие, правильно понимая, что библиотеки являются идеологическим оружием классов, которые используют их «для обработки, воспитания читателей в направлении, определяемом классовой борьбой», в то же время противопоставляли задачи библиотек интересам советских читателей — активных участников этой борьбы [157; 206, с. 12]. Положение о необходимости изучать и удовлетворять читательские интересы объявлялось этими библиотекосоведами ложным, вредным, буржуазным по своей сути. Посетитель библиотеки якобы должен читать *«не то, что диктуется его „интересами“, а то, что диктует ему библиотека»* [192, с. 80]. Представителей реакционных классов и прослоек, оставшихся в Советской России, эти библиотекосоведы предлагали попросту лишать библиотечного обслуживания, вместо того, чтобы углубленно работать с ними [193, с. 122], формируя новое мировоззрение.

Эта позиция резко расходилась со взглядами В. И. Ленина, который подчеркивал, что «никоим образом нельзя понимать», будто неподготовленным читате-

лям мы должны нести «сразу чисто и узкокоммунистические идеи» [т. 45, с. 367]. В. И. Ленин предлагал поднимать уровень их развития «с очень осторожной постепенностью» [т. 42, с. 15], подходить к ним «так и эдак, для того, чтобы их заинтересовать... встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.» [т. 45, с. 26].

Н. К. Крупская по этому поводу писала: «У нас есть еще желание опекать читателя больше, чем нужно. Предполагают, что читатель круглый дурак, а понимает книгу один только библиотекарь... Вот эта опека доводит до белого каления, она отучает от книги» [т. 8, с. 394—395]. Она выступала против «травли Хавкиной за то, что она предлагает ориентироваться на интересы читателей... Руководить можно, лишь хорошо зная интересы читателей» [т. 10, с. 715]. Боролась Н. К. Крупская и против отчуждения от библиотеки отдельных слоев читателей. «С удивлением узнала я, — писала она, — что целый ряд библиотек вычеркнул из числа подписчиков лишенцев, попов и их детей, лишил их возможности знакомиться с книгами материалистического и антирелигиозного содержания, следить за тем, как могуче растет наш Союз... Разве в этом „борьба“, разве это защита классовой точки зрения?» [т. 2, с. 381].

На многих библиотековедов такая критика оказала положительное воздействие. В их числе был, в частности, А. А. Покровский, который до 1924 г. призывал ориентироваться только на задачи библиотек [214, 217], а во второй половине 20-х годов уже считал необходимым учитывать как задачи библиотек, так и интересы читателей [219, с. 8]. Уклониться от запросов, — правильно отмечал он, — значит искусственно сузить круг влияния библиотеки. Слепо подчиняться запросам — значит снизить качество влияния библиотеки, поставить ее в хвосте культурной революции, тогда как задача библиотеки — формировать из читателей преданных борцов за социализм. А. А. Покровский разработал правильную в своей основе теорию постепенной подготовки абонентов к чтению все более сложной литературы (т. н. теорию мостов), которая встретила как сторонников [95, с. 26], так и решительных противников из числа «левых». Отзвуки негативного отношения к этой теории, несмотря на убедительную аргументацию

ее плодотворности [см., напр.: 89, с. 59; 50, с. 35], все еще имеют место [344, с. 27].

Определенная ограниченность взглядов части библиотечников оказала отрицательное влияние на дальнейшую разработку проблемы соответствия. В конце 30-х гг. читательские интересы рассматривались А. Н. Барабановым, В. Н. Денисьевым и другими ведущими библиотечниками тех лет в лучшем случае как второстепенный фактор в числе многих определяющих состав библиотечного фонда. В последующие годы недооценка читательских интересов проявлялась в отрицании их основополагающего значения для всей библиотечной работы, а не только руководства чтением [см., напр.: 79, с. 2; 169].

Активное изучение проблемы соотношения интересов читателей и задач библиотеки началось в 1967 г. [131, 279, 282, 276 и др.]. В литературе проводилась мысль, что социальная обусловленность интересов не всегда тождественна задачам библиотеки. Обобщив взгляды на эту проблему, проф. Ю. В. Григорьев сформулировал на их основе изложенный выше закон (или принцип) соответствия, который явился крупным шагом вперед в методологии и теории библиотечного строительства.

Интересы трудящихся в Советской стране находятся в диалектическом единстве с интересами государства и потому между задачами библиотек и интересами их абонентов нет и не может быть антагонизма. Вместе с тем между ними существует взаимообусловленность: задачи каждой конкретной библиотеки могут быть успешно решены только на основе учета специфики интересов каждой данной группы абонентов.

Этот вывод полностью согласуется со статьей 15 Конституции СССР, которая рассматривает наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей трудящихся как высшую цель общественного производства. Требование чуткого отношения к запросам масс постоянно звучит в партийных решениях. На необходимость удовлетворять «в должной мере научные и культурные запросы трудящихся» обращает внимание библиотекарей постановление ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» [1974 г.].

В капиталистических странах несоответствие между интересами государства, господствующих эксплуататорских классов, с одной стороны, и основной массы читателей, с другой, проявляется как закономерность, ликвидация которой в рамках буржуазного общества невозможна. Вместе с тем буржуазное библиотековедение также стремится изучать читательские интересы и активно влиять на них, но при этом различными методами внушает широким читательским массам, что фонды подобраны якобы в соответствии с их потребностями.

Только в Советском Союзе и других социалистических странах впервые в истории, благодаря последовательному проведению принципа коммунистической партийности достигнуто полное соответствие между составом книжных фондов библиотек всех типов и видов и интересами и запросами всех слоев населения. Однако закон соответствия не проявляется автоматически. Для его реализации надо хорошо знать задачи, которые решает обслуживаемый библиотекой коллектив, состав абонентов, их нужды, запросы, тенденции, изменения интересов.

Этот закон, являющийся одним из основных в советском библиотековедении, в настоящее время углубленно исследуется в теоретическом и методическом плане [см., напр.: 132, 133, 134, 148]. В библиотековедении социалистических стран предприняты попытки его формализации. Однако не со всеми из них можно согласиться. Например, тезис «коэффициент соответствия библиотечного фонда читательскому спросу, определяемый отношением удельного веса выданных изданий из данного отраслевого (тематического) раздела к удельному весу этого раздела в библиотечном фонде» [126, с. 330, см. также: 270, с. 236], может быть принят только с рядом оговорок. Во-первых, при таком подходе подразумевается, что полное соответствие достигается при результате равном единице, что еще требуется предварительно доказать. Во-вторых, способность системы выдавать соответствующие документы правильнее сравнивать с содержанием и числом запросов, а не с величиной библиотечного фонда. В-третьих, не всегда правомерно отождествлять читательский запрос и подлинную читательскую потребность.

В несколько иной, но по существу аналогичной формулировке используется этот закон и в практике инфор-

мационных центров. Здесь он звучит как положение о пертинентности (соответствии потребностям) и релевантности (соответствии запросам потребителей информации) документов, имеющихсся в фонде.

Вместе с тем работам отдельных информатиков свойственна прежняя методологическая ошибка — преувеличение роли запросов. Отказываясь от руководства чтением, эти специалисты видят смысл деятельности библиотеки и органа информации в элементарном удовлетворении спроса абонентов [160, с. 16; 179], т. е. рассматривают проблему в отрыве не только от задач, решаемых библиотекой (органом информации), но даже от абонентских потребностей и интересов. Но есть в их работах и положительная сторона — тенденция к формализованному определению пертинентности или релевантности. В этом аспекте они представляют бесспорный интерес, значительно обогащая теорию, методику и практику библиотечной деятельности, так как обычно библиотековеды предлагают малоэффективные эвристические методы фиксирования потребностей и интересов, да и их разработка не доводится, как правило, до уровня практических рекомендаций.

Специалистам по формированию фондов важно знать особенности зрительного восприятия фонда абонентами, для того чтобы принять правильное решение по его размещению. Разработкой социологических факторов сохранности фонда — воспитанием культуры чтения, чувства ответственности за сокровища культуры, бережного к ним отношения, — расчетом оптимальной величины читаемости, удельного веса литературы, получаемой по МБА, числа отказов и т. д. тоже должны бы, строго говоря, заниматься специалисты не по формированию фонда, а по работе с абонентом. Фондовикам достаточно было бы брать готовые результаты такого рода, а не разрабатывать их самостоятельно, как это делается в настоящее время.

На естественной и неразрывной связи элементов *А* и *Д* можно было бы не останавливаться столь подробно, если бы органичность ее понималась всегда и всеми. Однако такое понимание укрепляется в библиотековедении лишь в самые последние годы и все еще носит несколько односторонний характер. Если, например, в вузовском курсе «Библиотечные фонды» достижения теории работы с читателем используются довольно

широко, то курс «Теория и методика работы с читателями» еще очень слабо соотносится с учением о библиотечном фонде.

Приведем пример возможного взаимообогащения двух рассматриваемых областей библиотековедения. В теории формирования фонда в течение нескольких лет ведется изучение свойств фонда как системы, но аналогичная работа в отношении элемента *A* отсутствует. Между тем свойства фонда проявляются лишь в отношении к читательской деятельности абонента, равно как и эта деятельность осуществляется только посредством использования документа. К. Маркс по подобному поводу писал: «Продукт получает свое последнее завершение только в потреблении. Железная дорога, по которой не ездят... которая не потребляется, есть железная дорога только в возможности...» [т. 12, с. 717]. Свойства элементов *A* и *D* должны изучаться одновременно.

Если связь *D* — *A* порождает одну исходную — кумулятивную — функцию библиотеки, то из связи *A* — *D* вырастает другая исходная функция — использования (утилитарная) сосредоточенных в библиотеке документов. Технологически кумулятивная функция реализуется в отборе и хранении необходимых абонентам документов, причем срок хранения зависит от времени, в течение которого эти документы представляют реальную или потенциальную ценность. Утилитарная функция воплощается в обслуживании абонентов требующимися им документами. И та, и другая — всеобщие сущностные функции библиотеки, порождающие, в свою очередь, все многообразие остальных функций, в которых реализуется содержательная сторона библиотечной деятельности.

Содержательные функции, в свою очередь, могут быть разделены по ряду различных оснований. Так, с социально-технологической точки зрения могут быть выделены функции комплектования, обработки, размещения, хранения, коммутации (выдачи литературы) — со своей спецификой и своими условиями реализации. С точки зрения своей общественной роли библиотека может выполнять социальные функции хранилища источников информации, пропагандиста собираемых ею документов; быть информационно-библиографическим, научно-методическим, научно-исследовательским цент-

ром, каналом профорientации, центром или составной частью библиотек района, региона, страны в целом и т. д.

Не вызывает сомнения, что из всего богатства функциональных связей, циркулирующих в библиотеке, первоочередного рассмотрения заслуживают собственно социальные как наиболее важные, определяющие. В этом свете представляется неправомерным отрыв собственно социальных от иных функций, как это делает, например, И. М. Фрумин. Он противопоставляет социальные функции технологическим на том основании, что первые направлены на «удовлетворение требований общества, ради которых сформирована система», тогда как вторые, якобы, всего лишь «обеспечивают нормальное функционирование системы» [320, с. 65]. При этом из содержания таких, якобы, чисто технологических функций, особенно из руководства чтением, по И. М. Фрумину, выпадает социальная направленность.

Библиотеки СССР выполняют социальные функции, выражающие в своей совокупности заказ всего советского общества и прежде всего Коммунистической партии — его руководящей и направляющей силы. Как правильно заметил Л. А. Шилов, они ориентируются «на все сферы жизнедеятельности человека (работа, учеба, досуг, быт и т. п.)» [352, с. 20]. Иными словами, число библиотечных функций столь же многообразно, сколь многосторонни сферы общественной жизнедеятельности. Помимо наиболее часто называемых идейно-воспитательной, производственной, информационной, можно еще указать на политическую, прагматическую, просветительную, педагогическую, коммуникативную, гедоническую, рекреационную и еще неограниченно большой ряд функций.

За годы Советской власти все эти функции получили широкое развитие. В своей совокупности они определяют «лицо» библиотеки, ее назначение, роль и место среди других общественных институтов. Все функции связаны между собой, составляют единое целое и постоянно реализуются в практической работе библиотеки. Преувеличение какой-либо одной за счет ослабления внимания к другим ведет к искажению роли библиотеки в обществе, сужению ее влияния на массы, поэтому необходимо гармоничное развитие каждой из них. Во всяком классовом обществе процесс отбора и

пропаганды источников знания всегда имеет социальную, классовую направленность. Поэтому политическая функция в библиотеке любого общества пронизывает собой содержание остальных и с этой точки зрения (но только с этой! Другие функции — с других точек зрения) может рассматриваться как наиболее значимая содержательная функция, выполняемая библиотекой. На практике она реализуется как непосредственно, так и через посредство остальных функций. Сказанное относится и к каждой из них. В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» [1979 г.] отмечено, что недостатки информационной, идейно-воспитательной работы состоят не только в неполном учете динамичности собственно социально-экономических процессов и духовной жизни современного советского общества, но также в недостаточном освещении таких вопросов, как ускорение научно-технического прогресса, внедрение достижений науки и техники в народное хозяйство, повышение производительности труда, эффективности и качества работы, лучшие достижения, передовой опыт отдельных тружеников, целых трудовых коллективов и т. д. [4, с. 4]. В условиях библиотеки реализация перечисленных аспектов составляет, как известно, содержание функции помощи производству (точнее было бы назвать ее более широко — прагматической). Таким образом, политическая, идейно-воспитательная и прагматическая функции выступают в неразрывном единстве, также как и другие содержательные функции, выполняемые библиотеками.

Другой пример неразделимого единства функций дают результаты дискуссии конца 60-х — начала 70-х гг. о социальной роли массовых библиотек. Как известно, одни ее участники отдавали предпочтение общеобразовательной функции в ущерб прагматической (способствование средствами библиотеки научно-техническому прогрессу), другие стояли на противоположных позициях. Правильное решение этого вопроса определил ЦК КПСС в постановлении 1974 г., само заглавие которого ориентирует на повышение роли библиотеки как в коммунистическом воспитании трудящихся, так и в научно-техническом прогрессе. Противопоставление социальных функций друг другу может осуществляться лишь условно в целях научного исследования.

Вместе с тем в конкретно-исторических условиях и в разных типах библиотек одни из функций преобладают над другими; именно этим, собственно, и определяется, во-первых, своеобразие библиотечной деятельности в различные исторические периоды и, во-вторых, сама типология библиотек. Данная закономерность была замечена еще Л. Б. Хавкиной, искусственно ограничившей ее, правда, только рамками образовательной функции. «История свидетельствует,— писала она,— что во всех странах и во все времена развитие библиотек тесно связано с ходом народного образования. Пока образование носит религиозный характер, преобладают библиотеки духовные; с расцветом наук возвышаются библиотеки ученые; с распространением учебных заведений связаны библиотеки школьные; с популяризацией науки и со стремлением к самообразованию — библиотеки публичные; с демократизацией знания — библиотеки народные» [326, с. 79—80].

Подробное рассмотрение названных и не названных здесь содержательных функций должно составить, в силу особой их важности, предмет самостоятельного анализа. Нам было важно раскрыть суть и роль исходных функций; содержательные же привлекались главным образом для того, чтобы лучше оттенить значение генетических первичных, родовых функций. Предостережем попутно от того, чтобы наряду с выявлением и раскрытием действительно существующих общественных функций не изобретались бы искусственные.

Знание возможностей библиотек в реализации каждой из присущих им социальных функций будет способствовать более точному определению направленности библиотечной работы, ориентировать библиотеки на участие в решении экономических, политических и культурных задач, стоящих перед нашим обществом на современном этапе и в перспективе. Оно даст также возможность пересмотреть и расширить арсенал методов, используемых в современной библиотечной работе, вооружить библиотекарей новыми эффективными приемами деятельности. В то же время в ряде случаев оно позволит освободить библиотеки от несвойственных им функций, отграничить их деятельность от работы органов научно-технической информации и других родственных учреждений, что в итоге послужит повышению качества работы каждого из них.

Нерасторжима не только связь А—Д, но и связь А—Б: теоретически, элемент А в ряду других факторов должен определять число, уровень квалификации библиотечарей и вспомогательного персонала, ряд их профессиональных обязанностей. На доказательстве этого тезиса приходится останавливаться специально по нескольким причинам. Главная из них та, что наличие такой связи фактически отрицают многочисленные сторонники понимания руководства чтением (т. е. обратной направленной связи Б—А) как основного содержания библиотечной работы.

В. И. Горовиц, В. Г. Киров, А. В. Усов и другие, по свидетельству согласного с ними А. Н. Ванеева, признавали непосредственное руководство чтением, осуществляемое библиотечарем, и косвенное — через весь аппарат библиотеки (комплектование, каталоги, выставки и т. д.) [50, с. 84—85].

Но при таком подходе вся библиотечная деятельность сводится, в конечном счете, к руководству чтением, а его теория провозглашается на этом основании обобщающим или основным библиотечковедческим законом [48, с. 39; 47; 113 и др.], отражением «сущности библиотечного процесса» [51, с. 14]. Остальные теории (скажем, формирования библиотечного фонда) рассматриваются в лучшем случае как частные. Это распространяется даже на такие близкие к руководству чтением понятия, как «работа с читателем», «обслуживание читателей». Отнюдь не пытаясь хоть в малой степени умалить значение руководства чтением (в следующей главе мы приводим даже дополнительные аргументы в его защиту), проанализируем тем не менее сущность и одностороннюю направленность тезиса: библиотечарь руководит — читатель исполняет.

Прежде всего заметим, что критиковать данную точку зрения исключительно трудно, по меньшей мере, по двум причинам. Первая заключается в том, что в определенных пределах она совершенно верна и плодотворна, и с этой позиции те, кто недооценивал значение руководства чтением (М. И. Слуховский, Г. А. Брылов, И. И. Осьмаков, Р. С. Кибрик, Е. Е. Троицкая, А. Н. Федотов, В. И. Терешин и некоторые другие), подвергались критике несомненно заслуженно [51,

с. 12—14]. Спору нет: связь *Б—А* свойственна всем без исключения библиотекам, и, следовательно, прав Ю. В. Григорьев, подчеркивавший, что «руководство чтением обязательно для библиотек всех типов и для читателей всех категорий, но понимание и осуществление его в библиотеках разного типа может и должно быть различно» [90, с. 64]. Правильно также, что руководство чтением осуществляется всей библиотечной деятельностью — как непосредственными формами (индивидуальная и массовая работа библиотекаря), так и опосредованными (комплектование, организация фондов, система каталогов и картотек). Не может быть возражений и против принципа активности руководства чтением, который обеспечивает пропаганду лучших по содержанию и форме документов, высокий идейный уровень всей библиотечной работы.

Вторая причина заключается в том, что любые замечания в адрес данной концепции воспринимаются ее сторонниками как посягательство на идейно-воспитательную и политическую роль библиотеки в обществе, умаление этой роли. О. С. Чубарьян, например, категорически утверждал, будто «всякая попытка оспорить или ограничить сферу использования руководства чтением... ограничивает общественную роль библиотеки» [340, с. 20]. И в большинстве случаев такая реакция опять-таки правомерна.

Тем не менее, если принять логику рассуждений защитников теории руководства чтением как «сущности библиотечного процесса», то с тем же успехом можно доказать, что такой сущностью является любой другой элемент системы «библиотека». Так, в библиотековедении долгое время господствовала (и еще не изжила себя) точка зрения, что самое главное в библиотеке — это работа с фондом, т. е. его формирование, раскрытие в системе каталогов, организация использования. Всякую попытку оспорить или ограничить эту идею при желании тоже можно квалифицировать как умаление общественной роли библиотеки.

Логическая погрешность сторонников непомерного возвеличения связи *Б—А* легко обнаруживается при ее проверке положениями системного подхода. В этом случае оказывается, что из всего многообразия внутренних связей элементов библиотеки как системы здесь выпячивается только одна: *Б—А*. Поскольку эта связь объ-

ективно существует, критика ее с позиции отрицания действительно заведомо несостоятельна. И только одновременный учет всех других связей позволяет установить точное место и истинную роль связи $B-A$ среди прочих.

Понятие «руководство чтением» при всей его важности далеко не исчерпывает всей сложности библиотечной деятельности. В частности, существует не только связь $B-A$ (реализующаяся главным образом в руководстве чтением), но и противоположная по направленности — $A-B$ (воздействие абонента на библиотекаря). Возможно, она менее важна в практическом отношении (этот вопрос нуждается в специальном изучении), но с точки зрения системного подхода она занимает равноправное со связью $B-A$ положение.

Поясним эту мысль предельно острым конкретным примером взаимоотношений В. И. Ленина как абонента и Ш. М. Манучарьянц как библиотекаря. Можно ли считать, что в этом случае библиотекарь руководил чтением своего абонента? Думается, что верно противоположное утверждение — абонент руководил библиотекарем, указывая ему, какие книги и к какому сроку себе доставить.

Эта сторона отношений $A-B$, существующая практически в любой библиотеке, до настоящего времени не нашла теоретического объяснения в работах специалистов по руководству чтением.

В отдельных случаях лишь из контекста можно сделать вывод, что «простое удовлетворение запросов читателей» [51, с. 15], «наибольшая полнота выполнения тематических запросов» [65, с. 89] и т. п. входят в понятие «руководство чтением».

О. С. Чубарьян дал четкую дефиницию этого понятия, предлагая понимать под ним «целенаправленное воздействие на содержание и характер чтения, на выбор книг и их усвоение... активную рекомендацию на основе изучения интересов и запросов читателей нужных им книг» [340, с. 20].

И действительно, если рассмотреть обе стороны взаимоотношений A и B , то окажется, что дилеммы «кто кем руководит» попросту не существует. На практике имеют место обоюдные связи двух равноправных элементов единой системы, каждый из которых выполняет свою специфическую функцию. По верному замечанию

Д. Д. Иванова, библиотекаря только кажется, что он полный хозяин библиотеки: в действительности таким же хозяином является и читатель [119, с. 503].

Следовательно, понятие «руководство чтением» недостаточно полно выражает суть взаимоотношений элементов *А* и *Б*. Признание одностороннего влияния библиотекаря на абонента свидетельствует не только об узости, но и о недиалектичности концепции руководства чтением в ее общепринятом понимании. Ведь в неразсторжимой двусторонней связи *А—Б* одна сторона неизбежно предполагает другую: руководство чтением невозможно без знания потребностей абонента, но результатом руководства является возвышение этих потребностей, которые вновь становятся предметом изучения, и т. д.

При изучении социально-демографических особенностей читательского контингента, а также потребностей, интересов, запросов, вкусов, мотивов, стимулов чтения, работы в режиме «запрос-ответ» скорее можно говорить о непосредственном и опосредованном руководстве абонентом действиями библиотекаря, чем наоборот. Весьма непросто выделить момент собственно руководства чтением в процессе информирования абонента о литературе. С одной стороны, сам выбор литературы, идейная направленность, качество информирования есть, несомненно, косвенное руководство чтением. Но, с другой стороны, информирование, как таковое, не есть синоним руководства (чем бы то ни было). Информирование (его результаты) представляют собой всего лишь материал для принятия решений, причем именно объектом — абонентом, а никак не субъектом «руководства» — библиотекарем. Мы ставим в кавычки слово «руководство» в данном случае потому, что после принятия решения уже абонент руководит библиотекарем, а не наоборот.

Если же учесть, что в системе «библиотека» имеется еще 58 одних только внутренних связей между элементами, неполнота и метафизичность концепции, признающей фактически только одну связь *Б—А*, становится особенно отчетливой. Здесь налицо забвение одного из фундаментальных положений системного подхода, в соответствии с которым «всякая связь является взаимосвязью... если объект *а* связан с *в* ($a \rightarrow v$) и они составляют одну систему, то и объект *в* связан с *а* ($v \rightarrow a$), и

это может быть уже другой системой [309, с. 21]. В нашем случае бесспорна связь *Б—А*. Но, следовательно, существует и связь *А—Б*.

В заключение данного раздела коснемся некоторых терминологических вопросов.

Большой недостаток термина «руководство чтением» состоит в ограниченности содержания слова «чтение». Библиотека, строго говоря, призвана своими средствами руководить не только и даже не столько чтением, сколько формированием мировоззрения, идейного, научного, культурного кругозора своего абонента. Чтение при этом — не более чем средство, инструмент достижения конечной цели. Но вряд ли следует доказывать, сколь несостоятельны термины «руководство средством», «руководство инструментом».

Не лучше термин «работа с читателем», который уже достаточно критиковался в печати [125]. Добавим, что термин этот индифферентен по содержанию: неясно, какая, что за работа, в чем она состоит. «Не звучит» он и в терминологическом отношении, правомерно ли образовывать от него производные понятия, например, «теория работы...»?

Взаимоотношения библиотекаря и абонента правильнее характеризовать как двустороннее сотрудничество и называть их процессом обслуживания абонентов.

Термин «обслуживание» представляется уместным со всех точек зрения. По смыслу слово «обслуживание» означает работу по удовлетворению чьих-нибудь нужд [199, с. 398] — в данном случае духовных потребностей абонентов библиотеки. Это термин широко применяется в сфере быта и, возможно, по этой причине, психологически не воспринимается как профессионально библиотеческий. Положение усугубляется тем, что ряд буржуазных библиотеческих утверждений, будто деятельность библиотеки ничем не отличается от сферы бытового обслуживания, торговых предприятий [245, с. 64]. Читатели якобы те же клиенты, и библиотекарь должен дать им только то, что они запрашивают. В нашем понимании «библиотечное обслуживание» означает прежде всего осуществление идейно-воспитательных, агитационно-пропагандистских функций библиотеки.

Примем также к сведению, что с появлением теории массового обслуживания (а процессы взаимоотношений элементов *А—Б*, *Б—А*, *Д—А—Б*, *Б—Д—А*, а также

Д—Б—А, *А—Б—Д* удовлетворительно описываются этой теорией), термин «обслуживание» вполне может стать профессиональным библиотечным термином. Никакого умаления активной роли библиотекаря в отношениях *А—Б* этот термин сам по себе не несет. Будет ли иметь место такое умаление на практике, зависит не от термина, а от того, как поставит себя в этом отношении библиотекарь. Нет в нем и снижения целевой направленности обслуживания; она может быть дана в определениях к этому понятию.

Видимо, не случайно оборот «библиотечное обслуживание» активно применяла Н. К. Крупская [см., напр.] т. 8, с. 465, 522]. Характерно, что в то время как это понятие рядом теоретиков ставится под сомнение или вовсе отвергается, на практике соответствующие отделы библиотек повсеместно называются именно отделами обслуживания, причем этот термин однозначно понимается всеми библиотекарями.

Изложенная трактовка понятия «библиотечное обслуживание» устраняет ряд недоразумений, вызванных не совсем удачным термином «руководство чтением». Так, с одной стороны, права Г. К. Олзоева, назвавшая библиотекаря лишь одним из звеньев процесса руководства чтением [200]. Но, с другой стороны, прав и не согласившийся с ней В. И. Терешин, заметивший, что библиотекарь «держит в руках все звенья руководства чтением, управляет всеми процессами в библиотеке» [300, с. 6].

Понятие «обслуживание» охватывает не только связь *А—Б*, но также все разновидности связей *А*, *Б* и *Д*, поскольку обслуживание осуществляется посредством документа. Учитывая, что процесс обслуживания протекает в материальной среде, в него включается также и ряд связей элемента *МТБ*. Таким образом, теория библиотечного обслуживания приобретает ранг общелиброведческой. Так, общезначимо для всех разделов библиотековедения (теории формирования библиотечного фонда, каталогизации, руководства чтением, управления библиотекой) изучение потребностей, интересов и запросов абонентов; их контингента, социально-демографического лица; мотивов, стимулов чтения, ценностных ориентаций, информационной активности абонентов, критериев библиотечного обслуживания.

Выделение этих методологических и теоретических положений в общелибRARYковедческий комплекс позволило бы искоренить ненужное дублирование в разработке одних и тех же вопросов частными разделами библиотековедения. Сегодня часть вопросов такого характера изучается в рамках теории работы с читателем, часть — других библиотековедческих и даже библиографических разделов, а часть не изучается вовсе.

Связь А—МТБ

Связь абонента и материально-технической базы библиотеки как элементов единой системы еще менее изучена, чем связь А—Б. Между тем влияние элемента А на элемент МТБ исключительно велико. В общем случае абонент рассматривает библиотеку с чисто прагматической точки зрения, главным образом, как:

- 1) удобное местонахождение нужных ему документов;
- 2) удобное место для работы с документами;
- 3) центр общения с людьми, имеющими родственные ему читательские интересы.

Если абонент нуждается только в первой функции библиотеки, он пользуется абонементом (в т. ч. МБА, ЗА, международным), в котором, таким образом, возникает объективная необходимость. Если для него важна вторая функция, то ему необходим читальный зал. Для использования библиотеки как центра коммуникации (третья функция) абонент, строго говоря, может всего лишь посещать соответствующие массовые мероприятия библиотеки. Библиотека, со своей стороны, должна предоставлять ему место для таких встреч.

Антропометрические характеристики абонента определяют собой габариты читательских мест и оборудования для чтения, стеллажей (при открытом доступе), ширину проходов. Его психофизиологические данные диктуют требования к высоте читальных залов, их конфигурации, ориентации по розе ветров, набору библиотечной мебели, оформлению интерьеров, наличию помещений не только для чтения, но также рекреационных, санитарно-гигиенических и др., причем их размер и месторасположение зависят от возраста, пола абонентов, характера пользования ими библиотечной книгой (документом) и ряда других факторов.

К примеру, в библиотечных помещениях, которые строятся только в расчете на хранение фонда, принимается оптимальная высота 2,15—2,40 м. Если же они используются как читальные залы, отсутствие системного подхода, игнорирование психофизиологических факторов сказывается немедленно. Ощущение «замурованности», того, что «потолки давят», не удастся снять никакими инженерными и эстетическими мерами, отмечает архитектор А. Паперно.

Библиотека, обслуживающая людей с физическими и психическими отклонениями от нормы, обязана учитывать, что для них требуются особая планировка помещений, особое инженерно-техническое оснащение, специфическое библиотечное оборудование (аппараты для чтения в помощь слепым, «говорящие книги»; теле-тайпная и видеотелефонная связь для глухих, позволяющая увидеть на экране мимику и жесты говорящего; приспособления для перевертывания страниц, необходимые лицам с нарушениями опорно-двигательного аппарата, и т. д.).

Место расположения библиотеки в городской или сельской застройке также определяется, в первую очередь, наличием или отсутствием в данном микрорайоне потенциальных абонентов, возможностями транспортных коммуникаций и другими условиями, влияющими на физическую доступность библиотеки. Социально-демографические особенности абонентского контингента определяют собой номенклатуру функциональных помещений (комната сказок в детской библиотеке, профессорский читальный зал в научной и т. д.). На *МТБ* библиотеки активно влияет частичное изменение или расширение функций всех библиотек нашей страны, представляющее собой закономерность периода развития социализма. Оно требует реконструкции или расширения здания (помещения), внедрения новых технических средств. При этом, чем крупнее библиотека, тем, как правило, теснее корреляция между развитием ее функций и необходимостью реорганизации *МТБ*. К примеру, придание в 1965 г. областным, краевым, республиканским (АССР) библиотекам, бывшим до того времени массовыми, статуса научных сразу же обнаружило непригодность ряда библиотечных зданий к выполнению новых функций. Потребовалась реконструкция старых и полный пересмотр проектов новых

зданий, в результате которого было признано целесообразным увеличение всех рабочих площадей в полтора-два раза.

Объединение в 70-х гг. массовых библиотек в централизованные системы привело к появлению специализированных филиалов, новых отделов и секторов. В целях более полной реализации коммуникативной функции библиотеки нуждаются в конференц-залах, аудиториях для читательских клубов, посетителей методических, библиографических отделов. Выполнение информационной функции требует помещений для ротационных участков, копировально-множительной техники, бумаги, красителей и т. д.

Особенно велико влияние элемента *A* на элемент *МТБ* в части планировки библиотечного здания. Технология процесса собственно обслуживания абонентов предполагает такую планировку здания, при которой движение потока абонентов соответствует последовательности операций, из которых складывается пользование библиотекой; и, кроме того, является по возможности коротким, прямоточным, горизонтальным, исключая пересечение с другими технологическими потоками (документов, библиотекарей, справочной, технологической документации), равномерным, среднеинтенсивным. Выполнить эти требования трудно даже в условиях небольшой библиотеки, тем более, что необходимо учитывать еще, например, необходимость разделения помещения на доконтрольную и законтрольную зоны, обеспечение противопожарной безопасности, допустимого шумового фона и т. д.

Чисто библиотечные проблемы существуют во всех аспектах связи *A—МТБ*. К примеру, в технологии доставки абонентских требований в фондохранилище, в процессе доставки и возвращения заказанной литературы имеются далеко не только инженерно-технические проблемы, но также и психологические, социальные, библиотечно-технологические. Если в теории формирования фонда связь *D—МТБ* еще находит освещение — при определении требований к размещению фонда, температуре, влажности, а следовательно, к отоплению, вентиляции, системам пожарного оповещения и огнетушения и т. д., то при разработке проблем обслуживания абонентов связь *A—МТБ* почти полностью выпущена библиотечниками из поля зрения (приятное исклю-

чение составляет участие специалистов по руководству чтением в разработке вопросов организации открытого доступа). Между тем комфортный микроклимат в читальном зале и на абонементе, кондиционирование воздуха и пр. не менее важны, чем надлежащие условия для хранения документов.

Специалисты по обслуживанию абонентов не считают своим делом разработку требований к планировке помещений для чтения, подготовку расчетных данных для определения числа мест в читальном зале, номенклатуре и размещению оборудования в интерьере и т. п. Между тем исследование аналогичных вопросов в теории формирования фонда считается делом само собой разумеющимся и никем не подвергается сомнению.

Объяснение этому явлению мы находим главным образом в психологических причинах: многовековое представление о библиотеке как собрании книг, книгохранилищный уклон породили представление, что все связанное с книгохранением — это «чисто» библиотечное дело. Из проблем же, связанных с обслуживанием абонента, советская действительность наиболее остро поставила вопрос о классовой направленности такого обслуживания, об идейно-политических основах руководства чтением. Эти вопросы по праву и разрабатываются в первую очередь, что, однако, вовсе не означает, будто проблемы обслуживания абонентов должны ограничиваться только ими. Теория формирования фонда в рассматриваемом отношении оказалась в лучшем положении: к тому времени, когда потребовалось решить вопрос об общественной ценности фонда, принципах его формирования и иных связанных с ним социальных аспектах, у нее уже имелся солидный багаж разработки связи *Д—МТБ*, который по инерции (или по хорошей традиции) продолжал и продолжает развиваться. У теории руководства чтением такой предшествующей базы, к сожалению, не было. Следовательно, дальнейшая разработка связи *А—МТБ* относится к числу проблем, нуждающихся в первоочередном разрешении.

Выводы

В итоге изучения структуры библиотеки как системы с позиций роли абонента в ней можно сделать

вывод, что мысль о том, что использование библиотечного фонда является главной целью библиотечной работы исключительно прогрессивна. С ее осознанием библиотековедение значительно продвинулось вперед, приблизилось к объективному представлению о социальном предназначении библиотеки.

Противопоставлять функции хранения и использования библиотечного фонда можно лишь ради того, чтобы сильнее оттенить главную и конечную цель работы библиотеки. Положительное значение этого противопоставления состоит в том, что идея использования предполагает сосредоточение внимания библиотекаря на главном объекте библиотечной деятельности — ее абоненте.

Но все же, строго говоря, такое противопоставление не должно иметь места. Соглашаясь с О. С. Чубарьяном, что действительно неправильно в качестве основного признака библиотеки выделять наличие организованного книжного фонда, мы вместе с тем хотим подчеркнуть (вслед за Д. А. Баликой [20]), что столь же неправильно и игнорировать этот признак. В противном случае легко впасть в ошибочное утверждение, будто комплектование, каталогизация, структура обслуживания читателей «при определении предмета библиотековедения как общественной науки не занимают доминирующего положения» [337, с. 13].

Можно отметить также, что излюбленное многими авторами приписывание раннему этапу развития библиотек только целей «накопления книжного имущества» не совсем правомерно. В конечном счете такое накопление никем (за исключением отдельных крайних случаев) и никогда не рассматривалось как самоцель. Оно попросту не имело бы смысла, а библиотеки прошлого не занимались бессмысленным делом. С другой стороны, использование фонда также невозможно без бережного к нему отношения, — в противном случае через весьма непродолжительный срок использовать будет нечего. Таким образом, противоречие между целями хранения и использования фонда носит диалектически противоречивый характер. Хранение и использование — противоположности, но такие, где одна обязательно предполагает другую.

Вместе с тем в библиотековедении имеет место преувеличение роли элемента А в системе «библиоте-

ка», которое на практике приводит к не всегда желательным последствиям, начинающимся с отношения к преподаванию этих предметов. В высшей школе концепция «читатель — единственный родовой элемент библиотеки» выразилась в чрезмерном увеличении числа часов, отводимых на изучение этого курса. Если взять за точку отсчета 1950 г., когда на курсы «Методика работы с читателем» и «Библиотечные фонды» отводилось примерно равное количество часов (соответственно 68 и 72), то окажется, что к настоящему времени курс «Работа с читателями» вырос до 160 часов, а курс «Библиотечные фонды» сократился до 58 часов. То же имеет место и на уровне среднего звена. В учебном пособии «Библиотекведение» для техникумов вопросам работы с читателями посвящен 61 %, тогда как всем остальным (!) вопросам библиотечного дела — всего 39 % текста.

Те библиотекведы, которые в дефинициях библиотеки делают акцент на общественном использовании документов, по сути дела, впадают в другую крайность. Незаслуженно отказавшись от одного из определяющих признаков, они заменяют (вместо того, чтобы дополнить) его иным, хотя и правильным, но также единственным, далеко не исчерпывающим всей полноты понятия.

«Не книга и не читатель, взятые в отдельности, являются предметом исследования в библиотекведении», — правильно замечал Ю. В. Григорьев [90, с. 59]. «Конечно, — писал он, — в библиотеке все делается для читателя; нет и не может быть библиотеки для библиотеки, но из этого еще не следует, что предметом советского библиотекведения является читатель и только читатель» [90, с. 57].

Одним из результатов ограниченного представления о читателе как предмете библиотекведения и родообразующем элементе системы «библиотека» явилось определение библиотекведения как педагогической дисциплины. При этом прежняя, имеющая более глубокие исторические корни концепция, в соответствии с которой библиотекведение есть дисциплина книговедческая, попросту замалчивается, не критикуется. Причина этого заключается, по-видимому, в том, что у сторонников как одной, так и другой точки зрения нет аргументов против иной концепции; каждая из них раз-

живается как бы в собственном измерении, без соприкосновения с противоположной.

Из проведенного анализа видно, что элемент *A* внутренне присущ всякой библиотеке, неотторжим от нее, присутствует в ней всегда — в явном или неявном виде, реально или потенциально. Связи этого элемента с другими исключительно важны для библиотеки. Достаточно указать, что одной только связью *A—Д* порождается все многообразие выполняемых библиотекой социальных функций, в каждой из которых практически реализуется закон соответствия.

Однако влияние абонента на остальные элементы не абсолютно, и это не позволяет ему быть центральным или единственным звеном в рассматриваемой системе. Абонент, в свою очередь, зависит от остальных трех элементов: он потребляет информацию, заключенную в документе, отобранном библиотекарем и хранимом в специальном помещении. Основные параметры читательского контингента в значительной мере зависят от библиотекаря — степени его квалификации, понимания потребностей абонента, полноты и оперативности их удовлетворения, от умения создать в библиотеке нормальную деловую и теплую психологическую атмосферу. На полноту, комфортность обслуживания абонента влияет материально-техническая база библиотеки — наличие или отсутствие в ней читального зала, абонементов, эффективность функционирующих в ней технических средств поиска, доставки и копирования необходимых материалов, приспособленности помещений для работы и т. д. Иными словами, абонент также не может существовать без трех других элементов, образующих библиотеку.

Учитывая, что понятие «библиотечное обслуживание» охватывает собой большинство отношений элементов в системе «библиотека» и имеет вследствие этого общебиблиотечное значение, изучение его следовало бы вывести из раздела «Работа с читателями», а сам этот частный раздел, равно как и соответствующий ему вузовский курс, было бы правильнее назвать «Абонент библиотеки». Этим будет достигнута необходимая широта учения об абоненте, а также унификация названия с другими частными разделами библиотечного дела — «Библиотечный фонд», «Библиотечный каталог» и др.

Глава IV

БИБЛИОТЕКАРЬ (Б) КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ «БИБЛИОТЕКА»

Эволюция взглядов на роль элемента Б

Необходимость библиотекаря¹ как атрибутивного элемента системы «библиотека» приходится доказывать отдельно: если по вопросу об обязательности в ней элементов «документ» и «абонент» мнения большинства специалистов сходятся, то в отношении элемента Б спектр взглядов чрезвычайно разнообразен и противоречив.

Важность роли библиотекаря в постановке библиотечной работы сознавалась достаточно отчетливо еще, по меньшей мере, в середине XVII в. Дж. Дёри, например, видел его обязанность в том, чтобы «хранить общественную опору учености, заключающуюся в книгах и рукописях, приращивать ее... быть фактором и посредником в помощи к приобретению знаний» (347, т. 1, с. 158). Впоследствии эта мысль повторялась многими библиотековедами — Г. Амейлоном [358], французскими просветителями и др. С позиций системного подхода можно сказать, что они признавали связи Б—Д и Б—А. Однако развитие этих взглядов привело к гипертрофированному утверждению: «В библиотеке самое главное библиотекарь: им она держится, благодаря ему и падает» (К. Нерренберг, 1895) [325, с. 255]. Из правильного положения о том, что приобретение множества произведений печати по определенному предмету еще не создает библиотеки, делался вывод, что вдохнуть жизнь в собрание книг и сделать их мощной, растущей, действенной силой призван библиотекарь, который на этом основании (на наш взгляд, необходимом, но недостаточном) объявлялся «первым и важнейшим элементом» библиотеки.

Этот взгляд разделяли многие русские библиотековеды. «Чтобы рационально подобранный книжный сос-

¹ Древний русский суффикс — арь (словарь, букварь, календарь) привносит оттенок «содержащий в себе, включающий в себя». В слове «библиотекарь» он имеет не русское, а латинское происхождение. Окончание усечено от — ариус через — арий до современного — арь; библиотекариус (ср.: архивариус), библиотекарий (ср.: викарый), библиотекарь.

тав библиотеки был использован возможно интенсивнее и продуктивнее,— писал, например, К. Н. Дерунов,— необходимо организовать систему руководства читателями, и в этой системе на первом плане должна стоять постоянная, умелая, любовная, живая помощь библиотекаря... каждая библиотека прежде всего библиотекарем держится, из-за него же и падает» [99, с. 161]. Л. Б. Хавкина образно назвала библиотекаря «душой библиотеки, той живой силой, которая приводит в движение все ее органически связанные части» [327, с. 144]. Эта мысль была поддержана Н. К. Крупской в ее широко известном выражении: «Библиотекарь — душа дела. От него зависит очень многое. Он должен быть энтузиастом своего дела, уметь работать с массой читателей, владеть методами библиотечной работы...» [т. 8, с. 417].

Л. Б. Хавкина выдвинула даже «лозунг библиотечного движения»: «К новой библиотеке — через библиотекаря» [327, с. 146]. Схожих взглядов придерживались и продолжают придерживаться многие советские специалисты [см., напр.: 267, с. 11; 355, с. 127; 45, с. 10; 81, с. 100; 106, с. 9].

Однако с начала XIX в. намечается и противоположная тенденция — умаление роли элемента *Б* в системе «библиотека». Так, В. С. Сопиков определял библиотекаря как лицо, коему «препоручено привести библиотеку [имелся в виду ее фонд.— Ю. С.] в надлежащий порядок и вместе вверено хранить оную» (272, с. VII). Иными словами, им признавалась только связь *Б—Д*. В буржуазном (прежде всего американском) библиотековедении появилось стремление свести роль библиотекаря всего лишь к механической раздаче книг [347, ч. II, с. 174]. Представление о чисто технологической миссии *Б* привело к тезису «Библиотекарь есть посредник между книгой и читателем» (только связь *Д—Б—А*), а затем, по мере развития технических средств библиотечной работы,— к мысли о возможности безболезненно переложить эту посредническую роль на машины. Доведенное до логического конца, это представление выразилось в идее «библиотеки без библиотекаря».

Возражают против элемента *Б* как родового и на том основании, что библиотекарь не может считаться профессионалом в строгом смысле слова, что во мно-

гих личных библиотеках библиотекарь как таковой отсутствует, следовательно, он обязателен не для всех без исключения видов библиотек. Основные доводы сторонников трактовки библиотечной деятельности как непрофессиональной или, в лучшем случае, полупрофессиональной² сводятся к следующему:

— библиотековедение не является самостоятельной научной дисциплиной; следовательно, в библиотечной профессии отсутствует обязательный минимум теоретических знаний, необходимых для любой самостоятельной профессии;

— люди, не имеющие специальной подготовки, могут за короткий срок овладеть практическими навыками библиотечной работы и успешно ее выполнять;

— в библиотечной деятельности невозможно выделить профессиональные и непрофессиональные аспекты [109];

— у библиотекаря отсутствует профессиональный кодекс, подобный имеющемуся у врачей, юристов, инженеров и др. [см.: 106, с. 12];

— роль библиотекаря исторически преходяща: библиотекарь-профессионал появился только на этапе довольно развитого библиотечного дела, следовательно, это не родовой элемент системы. Более того, на том же основании можно предположить, что на следующей стадии развития он исчезнет (будучи заменен, например, машиной или общественником).

В советской библиотековедческой литературе умаление роли библиотекаря в разное время мотивировалось «фиктивностью руководства чтением вследствие перерастания читателем библиотекаря» [43, с. 12]; тем, что по мере роста библиографической грамотности каждый читатель становится сам себе библиотекарем [300, с. 6]. Библиотекарю не остается места в концепциях «библиотека — это книжный фонд», «в центре библиотеки стоит читатель», а также в ряде концепций библиотеки как двух- и трехэлементной системы.

Между этими двумя позициями есть и третья, восходящая еще к определению В. Н. Татищева, наиболее, на наш взгляд, конструктивная, устанавливающая истинное место элемента *Б* в системе «библиотека».

² «Библиотечное дело является в лучшем случае, полупрофессией», — заявлял, например, декан школы библиотечных знаний университета Южной Каролины, США, Т. Шонесси [403, р. 167].

Прежде чем определить роль элемента *Б*, рассмотрим названные выше основные возражения против него, ибо теоретически они достаточно серьезны.

Необходимость элемента *Б* в системе

Во всем мире библиотечная деятельность выделилась в самостоятельную профессию относительно недавно (во второй половине XIX в.), что не означает, однако, что до этого она не существовала; просто данное явление из существующего де-факто превратилось в признаваемое де-юре. Можно даже полагать, что зачатки самостоятельности библиотечной профессии имели место в глубокой древности, когда наиболее состоятельные люди — представители эксплуататорских классов — выделяли для ведения своих библиотек специальных лиц, иногда рабов (либрии в Древнем Риме).

Обособление профессии библиотекаря произошло исторически и явилось качественным скачком в развитии библиотек, последовавшим за количественным ростом фондов и контингента абонентов, усложнением связей как между ними, так и внутри них самих. Н. К. Крупская замечала: «Когда читающих было несколько десятков тысяч, обслуживать их книгой было сравнительно легко. Когда читают десятки миллионов, правильная организация дела обслуживания книгой приобретает особое значение» [т. 8, с. 465]. Действительно: по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. в библиотеках и читальнях России служили всего 934 человека. В 1902—1904 гг. в каждой библиотеке было 400—500 книг и не более 200 читателей [244, с. 10]. А в 1975 г. только в массовых библиотеках СССР работали 206 009 человек, обслуживающих в среднем по 900 абонентов и формирующих почти 12-тысячный фонд [190, с. 330, 334].

Не выдерживает критики и отрицание существования библиотекведения как науки, поскольку оно располагает всеми характеризующими ее признаками: предметом, методом, теориями, гипотезами, научными фактами и т. д.

На аргумент, что библиотечная работа в значительной степени состоит из ряда однообразных технических операций, можно со всей определенностью возразить, что то же самое свойственно многим профессиям, чье

существование не подвергается сомнению, например, профессиям врача, связиста, учителя и т. д., вплоть до технолога электронно-вычислительных машин. Вообще, как отмечается в специальной литературе, «всякий труд, всякая работа, всякая деятельность складывается целиком из элементарных действий» (154, с. 34).

Самостоятельно, без соответствующей подготовки овладеть рядом практических навыков действительно возможно, но только для выполнения простейших библиотечных операций. Вместе с тем общеизвестно, что та или иная специальность, взятая в отдельности, еще не определяет собой профессии в целом. В библиотечном деле имеются десятки специальностей, требующих общих и специальных знаний, умений и навыков, которые приобретаются в процессе общего и специального образования и практической работы. А такое образование имеет глубокие корни в истории культуры и связано с именами ученых-библиотекарей, начиная с Лао-Цзы (VI — V вв. до н. э.) [82, с. 38].

В ходе исторического развития функции библиотекаря в обществе значительно расширились; из хранителя книжных сокровищ он превратился в распространителя знаний, культуры, просвещения, а в советском обществе — в активного участника социально-экономического, научно-технического прогресса. В настоящее время высшее, полувысшее, среднее библиотечное образование поставлено в десятках стран. Только в СССР действуют 130 средних и 26 высших учебных заведений, в том числе 6 университетов, 4 педагогических института и один институт искусств, готовящих профессиональных библиотекарей. На 39-й сессии ИФЛА ее президент Г. Либарс привел весьма впечатляющее свидетельство распространенности библиотечной профессии: сейчас в мире один библиотекарь приходится на 135 работающих.

В постановлении ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.) указывалось на необходимость еще большего усиления внимания к подбору и воспитанию кадров, укрепления библиотек квалифицированными работниками. «...Построить новые школы, клубы, библиотеки, спортивные сооружения, — говорил Л. И. Брежнев, — это только половина дела. Их роль и влияние, как опорных пунктов идео-

логической работы в деревне, зависят от содержания их деятельности. Поэтому очень важно, чтобы очаги культуры на селе возглавляли энергичные и образованные люди» [6, т. 1, с. 386]. Не в меньшей степени эти слова относятся и к городским библиотекарям.

Невозможность выделить профессиональный и непрофессиональный аспекты принципиально не может служить аргументом против самостоятельности профессии. Кроме того, такая невозможность относится к области не непознаваемого, а непознанного, и по мере развития библиотековедения это препятствие, без сомнения, будет преодолено.

Библиотекари имеют собственное морально-этическое кредо [см., напр.: 59, 103, 13], библиотековедение активно изучает психологические и профессиональные качества, требующиеся библиотекарю.

Далее, физическое отсутствие библиотекаря в большинстве личных библиотек — на самом деле только кажущееся. Даже в простейшей из таких библиотек — с минимумом книг и одним абонентом — последний одновременно является и библиотекарем. Оттого, что он чаще всего не осознает себя в этой роли, он, естественно, не перестает ее играть. И в личной библиотеке нельзя обойтись без выполнения самых существенных видов библиотечной работы — как творческой, так и технической. Хотя и на самом низшем, возможно, даже примитивном, уровне, но здесь, как и в общественной библиотеке любого ранга, необходимо выявлять, отбирать, приобретать и исключать литературу в соответствии с поставленными задачами, интересами и вкусами владельца; выделять место для фонда и для чтения, обеспечивать хранение и сохранность документов и т. п. Эта работа может осуществляться как индивидуально, так и коллективно — группой лиц (члены семьи), причем все они, как правило, одновременно являются и абонентами такой библиотеки. Впрочем, и в общественной библиотеке библиотекарь обычно представляет собой одного из активнейших ее абонентов. Вместе с тем в отличие от *А* и *Д* элемент *Б* действительно не является исходным, но мы и не приписываем ему эту роль.

Итак, соображение — что владелец собственного книжного собрания, не являясь профессионалом, занимается библиотечной работой нерегулярно и далеко

не всегда правильно с точки зрения библиотечной теории и методики — не меняет сути: главное, что книголюб все же занимается ею. Функционирование библиотекаря-профессионала не означает отрицания роли библиотекаря-общественника. Напротив, залогом успешной деятельности профессиональной (государственной, профсоюзной и т. п.) библиотеки является ее опора на широкую общественность. Столь же неправомерно отдавать предпочтение библиотекарю-общественнику. Между тем попытки принизить, а то и вовсе свести на нет роль библиотекаря-профессионала предпринимались неоднократно. И поскольку теоретически его роль в системе «библиотека» не обоснована, библиотекведение не гарантировано от их повторения. Остановимся поэтому на анализе наиболее известных концепций «библиотеки без библиотекаря», теперь с позиции элемента Б.

Идея замены библиотекаря-профессионала библиотекарем-общественником выводилась (в 20-е гг.) из слишком прямолинейно понятого указания В. И. Ленина о необходимости привлечения к библиотечной работе самого населения [т. 37, с. 474]. К примеру, Э. М. Шершевская предлагала «решительно предпочесть» профессиональным библиотекарям «работников из самих читательских групп» [350, с. 27].

Между тем позиция В. И. Ленина в этом вопросе, как это показал в своем исследовании Г. П. Фоотов, была иной. В. И. Ленин считал одинаково важными для социалистического строительства в области библиотечного дела два фактора — кадры библиотекарей-профессионалов и активное участие масс. Работа в библиотеках, по его мнению, «весьма интересна и в то же время ответственна». В. И. Ленин ценил «толкового, грамотного библиотекаря», интересовался тем, «кто идет в библиотекари» (317, с. 134). А Н. К. Крупская подчеркивала, что своеобразие советского библиотекаря состоит в том, что он — «активист, привыкший бороться за дорогое ему дело, активист, отдающий себя целиком делу библиотечного строительства» [т. 8, с. 434]. Об этом же писали и другие библиотекведы (см., напр.: 104, с. 76).

Последователи буржуазных концепций в библиотекведении, в свою очередь, ратовали за развитие т. н. «общественной инициативы» в библиотечном деле. Но

речь шла совсем не о той инициативе, к которой стремились В. И. Ленин, Коммунистическая партия и Советское правительство. Вразрез с принципом руководящей роли партии и государства в библиотечном деле, вопреки объективной действительности они утверждали, что Советская власть якобы отстранила население от участия в решении своих собственных дел, что классовое господство рабочих и беднейших крестьян противоречит самостоятельности населения [12],— словно рабочие и крестьяне не были подавляющей частью населения. Так сходились противоположности — общий вывод как из крайне левого, так и из крайне правого взглядов сводился к необходимости удаления из библиотеки библиотекаря-профессионала, поставленного партией и государством на службу народу; к противопоставлению библиотекарей и населения.

Библиотекovedы, отстаивавшие прогрессивную точку зрения, подчеркивали, что советская библиотека призвана «народу служить, народу принадлежать, народом управляться» [216, с. 8]. Они считали возможным привлекать общественность ко всем видам библиотечной деятельности, однако право решающего голоса отдавали библиотекарю-профессионалу. Эта линия соответствует духу демократического централизма с его коллегиальностью обсуждения и единоличностью ответственности за принимаемые решения. Залог успешной работы библиотеки они видели в опоре на широкие слои населения и правильно предсказывали, что общественность «имеет в будущем широчайшее поле деятельности» [161, с. 5]. Данная точка зрения соответствует генеральной установке партии на формирование новых общественных отношений.

Идея создания библиотек на общественных началах возродилась в 60-е гг. В ее реализации виделась возможность, с одной стороны, частично восполнить нехватку библиотечных кадров и литературы, а с другой, более важной, реального перехода к коммунистическим общественным отношениям в сфере библиотечного дела. Признавая, что «без библиотекаря-профессионала немислимо развитие библиотечного дела при коммунизме» [316, с. 7], сторонники замены библиотекарей активистами тем не менее полагали, что «во многих... библиотеках всю работу, в том числе и руководящую, организаторскую, будут вести только общественники,

выполняя все процессы библиотечного дела, непосредственно занимаясь пропагандой книги» [316, с. 7]. Решение проблемы библиотечных кадров заключалось, по их мнению, в преодолении «различия между библиотечарем-общественником и библиотечарем-профессионалом» [317, с. 5]. Н. Воробьев, например, считал, что библиотеки на общественных началах «...характеризуют не столько наше настоящее, сколько будущее, завтра нашей духовной жизни» [64, с. 46]. С. М. Бабинцев увидел в их создании «одно из проявлений всеобщего движения за рост и преобладание общественных начал в жизни Советского государства... всеобщее стремление к культуре, к повышению ее уровня» [19, с. 69].

На первый взгляд, правильность данной концепции подтверждается историческими параллелями. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции в библиотеках воскресных школ и читален трудились общественники. На общественных же началах функционировали, начиная с 70-х гг. (особенно в 80—90-е гг. XIX в.), нелегальные библиотеки рабочих, а затем марксистских кружков и организаций. Немало активистов участвовало в библиотечной работе и после Октябрьской революции. Так, обследование 1378 библиотек (1923 г.) показало, что для них характерно «наличие значительного кадра библиотечных работников, работающих бесплатно» [165]. Через 40 лет, в 1963 г., в стране насчитывалось 4783 библиотеки, работающие на общественных началах. Да и в середине 70-х гг. 26% библиотекарей научных и специальных библиотек выполняли свои обязанности на правах общественников. Кроме того, 18% библиотечных кадров составляли совместители [224, с. 65].

И все-таки данная концепция не выдерживает критики.

Библиотеки воскресных школ, нелегальные библиотеки социал-демократических и т. п. кружков служили средством борьбы прогрессивных слоев населения против царизма. Нелегальный или полуполюгальный характер деятельности этих библиотек, как правило, делал невозможной работу профессионалов в них. С победой социализма идеологическую направленность работы библиотек стали осуществлять профессиональные работники. В 20—30-е гг. библиотеки на общественных началах возникали, как правило, в местах с недоста-

точно развитой библиотечной сетью и представляли собой по преимуществу лишь зачаточные формы библиотечного обслуживания. То же явление имеет место и в настоящее время, особенно в научных и специальных библиотеках, хуже других ведомств обеспеченных профессиональными библиотечными кадрами. Дефицит кадров, по-видимому, будет ощущаться еще длительное время. Но вряд ли правомерно закреплять и теоретически обосновывать этот хронический дефицит вместо того, чтобы изыскивать пути его скорейшей ликвидации.

Многие из библиотек на общественных началах, как нам известно по собственному опыту работы в 60-е гг., были созданы в значительной мере искусственно. Исходный тезис о том, что эти библиотеки работают полностью самостоятельно — осуществляют самокомплектование, самоуправление, удовлетворяют интересы читателей по принципу самообслуживания, — очень быстро обнаружил свою несостоятельность. Их штат, как показал смотр библиотек 1964 г., составляли преимущественно пенсионеры и школьники, и хотя это движение довольно активно поддерживалось в печати [183, с. 23; 252, с. 25], говорить всерьез о таких «библиотекарях» не приходится.

Библиотеки эти оказались недолговечными. Если на 1 янв. 1962 г. их насчитывалось по стране 2607, в 1963 г. — 4783, то в 1970 г. — 2442, т. е. вдвое меньше [102, с. 45]. К 1980 г. их осталось немногим более тысячи, и они перестали учитываться государственной статистикой.

Однако все эти весьма убедительные свидетельства неспособности таких библиотек в их «чистом» виде не отвечают на вопрос о том, что представляют собой кадры библиотекарей-общественников. На проверку оказывается, что в большинстве своем это люди, обладающие библиотечными знаниями на... профессиональном уровне! Особенно (что и закономерно) это касается лучших из таких библиотек. К примеру, признанная в 1964 г. по итогам смотра общественных библиотек лучшей по РСФСР библиотека села Рыбкино Тамбовской области была создана по инициативе бывшей выпускницы Моршанского библиотечного техникума Л. П. Козловой, которая сменила специальность и работала в этом селе учителем истории. Лучшей общественной

библиотекой г. Моршанска руководили преподаватели и учащиеся библиотечного техникума. Директор народной библиотеки г. Владимира А. М. Аскадская до выхода на пенсию более 30 лет проработала на библиотечном поприще. Она сплотила вокруг себя большую группу активистов, в том числе лиц профессионально знакомых с библиотечной деятельностью: А. А. Нардову (до выхода на пенсию — директора библиоколлектора), М. Е. Масленникову (преподавателя культпросветшколы). То же явление имеет место и сегодня [см., напр.: 305], отражая, по-видимому, довольно устойчивую закономерность.

Другую группу передовиков-общественников составляют бывшие активисты государственных и профсоюзных библиотек. Весьма характерен в этом отношении пример Ольшанской библиотеки Тамбовской области. Возглавляющий ее свинарь совхоза «Победа» Г. В. Майоров, долгое время был передвижником зональной библиотеки. В этой связи весьма перспективна планомерная подготовка общественников. При факультете общественных профессий Полтавского сельскохозяйственного института, например, работает отделение по подготовке библиотечкарей. Занятия на нем организовала вузовская библиотека [313].

Итак, всячески приветствуя помощь библиотечкарю со стороны активистов, мы одновременно полагаем, что неправильно (и жизнь это подтверждает) рассматривать создание библиотек этого типа как стратегическую линию развития библиотечного дела в стране. По основным своим признакам они тяготеют к внестационарной библиотечной сети [67, с. 21]. Их нецелесообразно создавать для большого (свыше 500—750 человек) контингента абонентов (в 1970 г. на каждую из них приходилось в среднем 530 абонентов). Соглашаясь с тезисом, что «в коммунистическом обществе на каждого библиотечкаря-профессионала будут приходиться десятки библиотечкарей-общественников» [316, с. 7], мы вместе с тем не видим оснований возводить общественника в ранг профессионала. Профессионал при коммунизме будет общественником лишь постольку, поскольку не будет получать денежную компенсацию за свою работу. Это обстоятельство, однако, никак не влияет на необходимость иметь профессиональные знания, умения, навыки.

Сказанное в еще большей мере относится к быстро распространившимся в начале 60-х гг. «библиотекам без библиотекаря», действовавшим по принципу магазинов самообслуживания. Библиотекарь при этом все равно незримо присутствовал, создавая, организуя и раскрывая фонд перед абонентом. И не было особой необходимости лишать его непосредственного живого общения с абонентом. Не удивительно, что такие «библиотеки» не прижились.

Отрадно отметить, что данную точку зрения разделяют и другие исследователи, например, В. В. Серов в своей монографии «Совершенствование системы библиотек в развитом социалистическом обществе: Вопросы теории и практики» [254, с. 34].

Более правильным путем реализации программного требования Коммунистической партии о передаче в ведение общественных организаций руководства хозяйственным и культурным строительством, включая библиотечное дело, представляется всемерное стимулирование общественной инициативы самих библиотекарей-профессионалов, направленной на совершенствование их производственной деятельности, непрерывный рост деловой квалификации и дальнейшее привлечение общественности «со стороны». Добровольная деятельность библиотекарей, особенно коммунистов и комсомольцев, членов профессионального союза, уже сегодня весьма заметно влияет на качество и размах библиотечного обслуживания. Она вполне заслуживает специального теоретического рассмотрения как составная часть понятия «общественные начала в библиотечном деле». К сожалению, до настоящего времени этот вопрос практически полностью выпадал из поля зрения исследователей. Отдельные высказывания по нему встречаются лишь у А. О. Пинта [211] и Г. А. Семеновой [252]. Предметом специального изучения один из его аспектов стал в написанной под нашим руководством дипломной работе выпускницы МГИК Н. И. Веселовой «Возрастание роли партийных организаций библиотек в руководстве их производственной деятельностью в свете Конституции СССР (на примере партийной организации Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина)» [55].

Развитие общественных начал в библиотечном деле «изнутри» можно считать ведущим, ибо библиотекари,

и в первую очередь коммунисты, являются непосредственными исполнителями решений партии. Кроме того, будучи профессионалами в своей области, они хорошо знают специфику библиотечной работы и могут дать более глубокую ее оценку, чем общественники из числа читателей библиотеки.

Значимость рассматриваемой проблемы обусловлена также тем, что по мере продвижения нашего общества к коммунизму общественные начала получают все большее распространение. В библиотечном деле постепенное преобразование социалистической государственности в общественное коммунистическое самоуправление будет происходить, по-видимому, преимущественно путем передачи библиотечной общественности все новых и новых руководящих функций. Этот процесс фактически уже идет. Так, партийные организации библиотек имеют и активно реализуют право контроля за деятельностью администрации; значительная часть общественных партийных обязанностей коммунистов-библиотекарей направлена на совершенствование производственного процесса. Так же действуют комсомольские и профсоюзные организации. В частности, последние организуют повсеместно социалистическое соревнование библиотечных работников. В библиотеках, особенно крупных, общественные начала проявляются в деятельности народного контроля, добровольных пожарных дружин, советов молодых специалистов и т. п.

Из других возражений осталось рассмотреть возможность «перерастания читателем библиотекаря» и тезис «каждый читатель сам себе библиотекарь», которые в литературе пока не анализировались.

Было бы опрометчиво рассматривать возможность «перерастания читателем библиотекаря» как абсолютно нереальную. В самом деле: почему нельзя допустить, что отдельные абоненты библиотеки глубже сознают собственные потребности и имеют более высокую библиотечно-библиографическую культуру, чем иной библиотекарь? Статистика как будто подтверждает эту мысль: с того времени, как ведется учет читателей, выходящих книги по совету библиотекаря, статистические данные свидетельствуют о неуклонном их снижении. Так, в 1930 г. советом библиотекаря при выборе книги пользовались 57% рабочих Ленинграда [23, с. 16; 335, с. 16], в 1936 г. — 53%, а в 1964 г. — всего 27%.

В настоящее время этот показатель составляет [144, с. 161; 145, с. 98] на селе 15%, а в больших городах — 6%. Именно эти факты заставляют библиотекаря постоянно заботиться о повышении своей квалификации. Способность руководить чтением людей, многие из которых, возможно, интеллектуально более развиты, чем библиотекарь, не приходит автоматически вместе с вступлением в должность. Только постоянная работа над собой позволит библиотекарю оправдать высокое общественное предназначение своей профессии — быть сотрудником абонента, кем бы тот ни являлся — пионером или академиком.

Тем не менее сами по себе приведенные выше цифры не дают оснований для пессимистических выводов. Показательно, что непосредственным советом библиотекаря охотнее пользуются абоненты с невысоким интеллектуальным уровнем. С повышением культуры чтения абоненты начинают все активнее пользоваться справочно-библиографическим аппаратом библиотеки, советом других абонентов, — т. е. формами опосредствованного руководства чтением. А это, в частности, — тоже плоды длительного благотворного влияния библиотекаря на абонента. Это также свидетельство совершенствования средств массовой информации, не приравновать которое можно только с позиции узковедомственного подхода. Как показал В. М. Пилецкий, библиотекарь формирует интересы читателей «по своему образу и подобию» [210, с. 48], а «образ» этот зачастую еще далек от идеала. Иными словами, при непосредственном контакте *Б* — *А* наблюдается не только положительное, но и отрицательное влияние субъективного начала. При воздействии же, например, средств массовой информации оно сводится к минимуму. Сказанное, впрочем, не означает, будто мы стоим за снижение авторитета библиотекарей в среде абонентов. Важно подчеркнуть, что библиотекарь, в принципе, не потому имеет право руководить чтением, что он эрудированнее и культурнее абонента, а потому, в первую очередь, что он знает документальные потоки, способы извлечения из них нужной информации и т. д. так, как их не знает, да и не должен знать абонент, т. е. профессионально.

Однако в целом, с точки зрения системного подхода, нельзя отождествлять элементы *Б* и *А* — в какой бы

форме такое отождествление ни выступало — «каждый читатель сам себе библиотекарь», «перерастание читателем библиотекаря» или других. Каждый из этих элементов выполняет в системе собственные, весьма специфические функции. Библиотекарь призван владеть теми знаниями, умениями и навыками, которых нет или недостаточно у абонента; задача абонента принципиально иная. Это два взаимодополняющих друг друга элемента.

Итак, доводы, направленные против профессионального статуса библиотекаря, отрицающие важность его роли в системе «библиотека», не выдерживают критики. «Библиотека не может работать без библиотекаря», — подчеркивала Н. К. Крупская [т. 8, с. 417].

Связи *Б* с другими элементами.

Необходимость разработки элемента *Б*

О связях *Б* с другими элементами библиотеки надо писать или очень много или почти ничего. Дело в том, что одностороннее, обусловленное отсутствием системного подхода развитие библиотековедения привело к преимущественному исследованию именно этих связей. В самом деле: изучение связи *Б—А* обеспечивает теория работы с читателем (и при этом, как отмечалось выше, эта связь даже противопоставляется обратно направленной — *А—Б*). Изучение связи *Б—Д* составляет предмет теории формирования библиотечного фонда, теории каталогизации. Связи *Б—МТБ* и *Б—Д* изучают теория организации библиотечного дела и — частично — вышеназванные разделы библиотековедения. Подробное раскрытие этих связей означало бы, в сущности, изложение основ всех частных библиотековедческих дисциплин. Проще и правильнее было бы в такой ситуации не касаться их вовсе, если бы это не нарушало логики нашего изложения. Охарактеризуем поэтому связи *Б* вкратце.

Задачи библиотекаря в системе состоят в целом в том, чтобы: 1) определить и отобрать наиболее соответствующие потребностям абонентов документы (решается в процессе комплектования библиотечного фонда); 2) довести сведения о них до абонентов (решается путем создания справочно-поискового аппарата, информационной работы); 3) добиться их использования аби-

нентами (достигается применением различных форм пропаганды книг); 4) профессионально грамотно распланировать и оснастить помещение, постоянно поддерживать *МТБ* в действующем состоянии, обеспечить оптимальные условия для чтения, хранения, сохранности и использования документов, работы персонала (реализуется созданием необходимых условий труда, культурой обслуживания). Кроме того, если рядовой библиотекарь призван упорядочивать связи между документами (в пределах их множества), между абонентами (также в пределах их множества), то руководитель обязан еще оптимизировать отношения между самими библиотекарями, между библиотекарями и абонентами, особенно в конфликтных ситуациях. Решая, какие документы включить в фонд или исключить из него, библиотекарь тем самым предопределяет состав абонентов, возможные запросы и полноту их удовлетворения. Именно от него зависит и адекватность фонда читательским потребностям, его инициатива в значительной мере определяет материально-техническое оснащение библиотеки, те физические условия, в которых протекает процесс обслуживания.

Блестящий пример саморазвития системы и роли личности в управлении ею дан К. Марксом. Как известно, исследование политической экономии Маркс начал с выяснения отношений Т—Т, Т—Д, Т—Д—Т (товар-товар, товар-деньги, товар-деньги-товар) (глава 3 первой книги «Капитала»), что дало ему возможность определить всеобщую исходную сущность разных форм стоимости. Но «товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам» [т. 23, с. 94]. Так в системе появился новый элемент — личность, управляющая связями между Т и Д. По замечанию Ф. Энгельса, одно из важнейших достоинств «Капитала» состоит в том, что «самые замысловатые экономические проблемы выясняются просто и почти наглядно благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и в правильную связь» [т. 31, с. 275—276].

Применительно к рассматриваемому вопросу можно сказать, что в системе «библиотека» элемент *Б* выполняет функцию субъекта управления связями между всеми ее элементами.

Регулирование всех этих связей в каждой библиотеке осуществляется с классовых позиций. В частности, на советского библиотекаря возлагается, говоря словами Н. К. Крупской, роль активного участника социалистической стройки. При этом не умаляется важность владения им техническими знаниями, умениями, навыками. Роль библиотекаря как аккумулятора и ретранслятора информации постоянно подчеркивается в советской литературе.

Руководство чтением активно осуществляют и библиотеки буржуазного общества, хотя в теории широко декларируются лозунги «невмешательства библиотекаря в чтение», права абонента потребовать за свои деньги любую книгу. На самом деле в этих библиотеках широко применяются опосредованные формы руководства чтением, а многие из них ведут откровенно реакционную, антикоммунистическую и антисоветскую работу. Факты такого рода хорошо известны. Различие между библиотекарями социалистических и капиталистических стран состоит не в том, что первые руководят чтением, а вторые — нет, а в том, что одни руководят им в интересах коммунистического строительства, другие — в интересах исторически отжившего буржуазного строя.

В советской литературе достаточно убедительно показано, что руководство чтением может активно осуществляться и в условиях открытого доступа. Более того, возможности библиотекаря в этом отношении даже увеличиваются, поскольку упрощается техническая сторона процесса обслуживания. В отличие от буржуазных библиотекведов, мы не считаем, что внедрение телемеханических коммуникаций в библиотечную работу *возвращает* библиотекарю его прежние функции руководителя чтением (ибо он их и не терял). Мы исходим из того, что применение любых технических средств, в том числе и телекоммуникаций, *усиливает* роль библиотекаря как педагога.

Можно предположить, что по мере развития в библиотеках средств механизации и автоматизации роль библиотекаря как «души» библиотеки не только не уменьшится, но значительно возрастет. Ведь психологический климат в библиотеке в значительной степени зависит от коммуникабельности и интеллигентности библиотекаря. Однако исследование данной функции *Б*

еще не заняло должного места в трудах библиотековедов, а это может привести к тому, что библиотекарь и абонент окажутся неподготовленными к работе в изменившихся условиях.

Мы не останавливаемся подробнее на вопросах руководства чтением, так как, во-первых, это не входит в наши задачи и, во-вторых, они достаточно широко и обоснованно исследованы в общем и соответствующих частных разделах библиотековедения. Для наших целей достаточно констатировать, что связь $B-A$ органически присуща любой библиотеке, а процесс руководства чтением есть, по существу, не что иное, как реализация связей $B-A$, $B-D-A$, $B-A-D$. Суть этих связей предельно сжато выразил еще Н. А. Рубакин, предложивший разработать психологию и социологию «книжного влияния», которая отвечала бы на очень важный вопрос: «Какие типы книг на читателей каких типов как действуют в какое время и в какой обстановке». При этом библиотекарь может *«во многом увеличить влияние книги на читателя»*, рекомендуя ему для него книги подходящие, и, если можно так выразиться, стрелять ими наугад [238, с. 84].

Таким образом, неправомерно, как это часто делается в специальной литературе, квалифицировать библиотекаря всего лишь как посредника между D и A . Его роль, как элемента системы «библиотека» значительно важнее и заключается в осуществлении связи между всеми элементами библиотеки.

Определив социальный статус библиотекаря и роль, выполняемую им в системе «библиотека», нетрудно прийти к выводу, что учение³ о библиотечных кадрах является столь же равноправной частью библиотековедения, как, например, учение о библиотечном фонде или о читателе. Еще Л. Б. Хавкина считала изучение профессии библиотекаря специальным разделом библиотековедения, особо выделяя в нем аспект психологии библиотечного труда [328, с. 32]. И. М. Фрумин в одной из своих статей обращал внимание на то, что изучение читателей и их чтения не должно отодвигать в сторону исследование библиотечной профессии.

³ В трактовке термина «учение» (он предложен В. А. Штейном в 1927 г. [355, с. 130]) — мы разделяем точку зрения А. Н. Ванеева, что этот термин наиболее полно подчеркивает теоретический характер каждой из частей библиотековедения [см.: 49, с. 72].

Примечательно, что проблемы, связанные с личностью библиотекаря, в последние годы постоянно привлекают внимание библиотечной общественности. Характерна в этом отношении научная конференция «Библиотекарь советской научной библиотеки», проведенная ЦНБ АН УССР в январе 1978 г. Не ослабевает внимание к этим вопросам и со стороны профессиональной библиотечной периодики — журнала «Библиотекарь», сборников «Советское библиотековедение», «Научные и технические библиотеки СССР». Последний, в частности, полностью посвятил им один из своих номеров [1977, №1].

К сожалению, на общетеоретическом уровне учение о библиотечных кадрах разработано слабо [см., напр.: 167, с. 90; 345, с. 12—13], а соответствующие исследования носят эпизодический, беспланный характер. Не очерчен даже общий круг проблем, входящих в раздел «Библиотечные кадры»; его теория и методика не изучаются в высших учебных заведениях. Между тем в некоторых зарубежных странах, например в США, в учебные планы библиотечных школ входит дисциплина «Библиотечное дело как профессия». Имеется и отечественный опыт ее преподавания. В 1913 г. на первых в России библиотечных курсах при народном университете им. А. Л. Шанявского читался (Л. Д. Брюхатовым) полноценный — по объему учебного времени — курс «Библиотекарь, его задачи, обязанности и подготовка». Сейчас только в учебном пособии для библиотечных техникумов «Библиотековедение» [М., 1971] излагаются квалификационные требования к библиотекарю, дается понятие о штатном расписании библиотеки и нормировании труда. Эту практическую часть пособия хорошо дополняет подраздел «Роль библиотекаря» [ч. 1, с. 15—19], в котором не только дается представление о социальной роли и общественном престиже профессии, но и приводятся теплые слова знатных людей нашей страны о библиотекаре, говорится о лучших библиотечных работниках.

Применительно же к высшему образованию вопрос этот только обсуждается.

Многие исходят из того, что частные библиотечковедческие дисциплины дают студенту весь объем знаний и умений, который требуется ему как специалисту. С точки зрения системного подхода ошибка здесь сос-

тоит в том, что сущность самого элемента отождествляется с его связями. Другие признают необходимость такого курса, но не находят для него места в сетке часов учебного плана и предлагают включить очерк о библиотекаре в учебник «Работа в читателем». Третьи полагают, что читающийся с 1976 г. курс «Введение в специальность» полностью решает проблему. Четвертые считают, что необходимы еще специальные курсы, семинары.

В процессе изучения основных специальных дисциплин студент, действительно, знакомится с частными аспектами профессиональной библиотечной деятельности (как руководителя чтением — в «Работе с читателями», как комплектатора и фондохранителя — в «Библиотечных фондах» и т. д.), но не получает при этом цельного представления обо всей профессии. К тому же эти дисциплины имеют принципиально иную установку. Задача курса «Введение в специальность» состоит в том, чтобы помочь студенту адаптироваться в новой для него вузовской обстановке, ввести его в специфику вузовского обучения. Курсы по выбору также не могут решить данную задачу, из-за большого методологического и общетеоретического значения предполагаемой дисциплины, ее изучение должно быть обязательным для всех студентов.

В вузах необходим отдельный курс, посвященный библиотечным кадрам. Ориентировочно он должен включать следующие вопросы:

- роль библиотекаря в обществе;
- «библиотекарь» как элемент системы «библиотека», его внутренние и внешние связи;
- библиотечная профессия и специальности, профессиональные требования к библиотекарю;
- проблемы профессиональной этики;
- профессиональное чтение;
- права и обязанности библиотекаря, трудовое, хозяйственное, административное право.

Такой курс не только восполнил бы пробелы в библиотечном образовании, но и мог быть использован на практике: в процессе обучения — при определении профессиональной пригодности студентов, научно обоснованного распределения их по функциональным специализациям; в библиотеках — при расстановке кадров, повышении их квалификации.

Выводы

Таким образом, можно считать установленным, что библиотекарь является неотъемлемым элементом системы «библиотека» и неразрывно связан с остальными ее родовыми элементами. Связь эта всегда одинаково активна: и при содействии освоению знаний, и при сборе документов, их хранении и предоставлении в пользование абонентам по их запросам. Отрицание активности связей *Б—Д*, *Б—А* или иных ни в коей мере не может быть признано правомерным.

В советском библиотековедении сформировались определенные взгляды на роль библиотекаря в обществе и значение его личности в процессе библиотечного обслуживания, определены многие важнейшие пункты его профессиограммы, живо и плодотворно обсуждаются проблемы профессиональной подготовки.

Тем не менее цельное учение о библиотечных кадрах еще не создано. Многие вопросы, связанные с теорией библиотечной профессии, разрабатываются изолированно друг от друга, что обуславливает их неизбежную фрагментарность. Содержанию библиотечного труда, роли библиотекаря в системе «библиотека» уделяется гораздо меньше внимания, чем этого требует его статус.

Разработка понятия «библиотекарь» нуждается, как минимум, в основательной дефиниции этого понятия, с помощью которой можно было бы отличать библиотекаря от других сотрудников библиотеки. Необходима модель библиотекаря, то есть перечень предъявляемых к нему идейно-политических, квалификационных, психофизиологических требований. Важно определить обязательные и факультативные основы профессиональной подготовки.

Сейчас сложилась парадоксальная ситуация, при которой будущего библиотекаря обучают только профессиональным знаниям, умениям и навыкам, но не знакомят с психофизиологическими и иными профессиональными требованиями к той или иной библиотечной специальности. Не изучена должным образом потребность библиотек страны в кадрах библиотекарей разных специальностей и разного уровня квалификации. Недостаточно известны мотивы выбора молодежью профессии библиотекаря. Еще менее ясны причины не-

оправданной текучести и дальнейшая судьба выпускников. Общественное мнение в большинстве случаев неправильно ориентировано в содержании, преимуществах и отрицательных сторонах библиотечного труда. В стране практически отсутствуют целенаправленные профинформация, профвоспитание и профотбор. Профадаптация до введения в 1976 г. института наставничества осуществлялась стихийно.

Знание перечисленных вопросов исключительно важно для профориентации, профнабора, профадаптации библиотечных кадров, оценки эффективности и качества их работы, повышения общественного престижа библиотечной профессии, составления учебных планов и программ, расчета учебного времени и видов занятий по библиотековедческим дисциплинам и т. д.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что вся система среднего и высшего специального библиотечного образования, вся кадровая политика покоятся не на теоретическом, а на эмпирическом фундаменте. Мы целиком поддерживаем предложение «провести фундаментальное исследование темы „Библиотекари как социально-профессиональная группа“, предполагающее изучение динамики престижа библиотечной профессии, путей совершенствования профессиональной подготовки и оптимизации практической работы, профессиональных качеств библиотекаря, направления профессиональной ориентации» [87, с. 3]. В разработке данной проблемы есть и высший, выходящий за рамки собственно библиотековедения, общественный смысл, ибо «для большинства людей библиотека и библиотекарь сливаются в единый образ» [87, с. 7]. В конечном счете, именно от библиотекаря зависит успех всей деятельности библиотеки.

Важность исследования этой проблемы особенно возрастает в свете решений XXVI съезда КПСС, поставившего задачу «постоянно совершенствовать учебный процесс, активно формировать у подрастающего поколения чувство общественного долга, коммунистическое мировоззрение» [1, с. 106].

Видоизменяясь в условиях научно-технической революции по форме, профессия библиотекаря остается прежней по существу. В условиях автоматизации его роль в системе «библиотека» лишь приобретает новый характер, становится более отчетливой.

Глава V

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА (МТБ) КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ «БИБЛИОТЕКА»

Эволюция взглядов на роль элемента МТБ

Точка зрения, в соответствии с которой библиотеку порождает наличие помещения для хранения литературных документов,— наиболее древняя по времени. Она связана с возникновением самого термина «библиотека», этимологический смысл которого содержит вполне определенную гносеологическую идею, отражающую наиболее ранние представления о сути этого понятия. Рассмотрим этот термин, учитывая, конечно, что толкование термина еще не есть его научное определение.

Первоначальный источник слова «библиотека» не вызывает сомнения: оно восходит, как и ряд других терминов из области культуры, к греческому словосочетанию, производному от «книга» и «склад», «место, где что-нибудь находится»¹. До XV — начала XVI в. (по М. И. Слуховскому) [264] или до XVIII в. (по П. С. Кузнецову) [158] употребляется форма «вивлиофика», более соответствующая греческому оригиналу. Современная форма написания этого слова появляется на Руси, по крайней мере, с конца XV в. Она встречается в Геннадиевской библии 1499 г. [II книга Маккавейская, II, 43]. В основе ее лежит, по-видимому, польское или латинское написание, встречающееся уже у Цицерона и в христианской латыни. Известно, что ветхозаветные книги Маккавейские, входящие в Геннадиевскую библию, были переведены с латинского языка. Против слова «библиотека» на полях рукописи стоит славянский перевод «книжный дом».

В различных азбуковниках XVII в. слово библиотека толкуется аналогичным образом: библиотека — дом книжный, или книгохранилища, библиотека — двор печатных книг и т. д. [158, с. 4]. В более поздних русских церковнославянских памятниках применяются иные способы передачи греческого слова посредством славянских корней. В печатной библии Алексея Михайловича

¹ Встречающийся иногда перевод слова «библиотека» как «соборание книг» [см., напр.: 86, с. 17] неверен.

(1663 г.), печатной Елизаветинской библии, в современном церковнославянском каноническом тексте употребляется слово «книгоположница».

Иноязычный термин «библиотека» долго не прививался на Руси. Вплоть до XVII в. для обозначения места, где располагались книги, использовались термины клеть, книжная клеть, книжная палата (позднее — комната). Многокомнатные помещения назывались книгохранительные палатки, газофилякия (калька с греческого «казнохранилище»), книгохранительная служба, библиотечная контора. Еще в начале XVIII в. в ходу были исконно славянские термины — книжница, книгохранительница, книгохранилище, книгохранильница, книгохранилица, книгохранительня, книгохранилия, книжная хранильница, книгохранительная казна, книжная казна, крепостная казна, архива, казенка (в смысле — помещение для собраний книг) [263, с. 3—21, 134—138; 159, с. 177]. В отдельных случаях они сохранялись до XIX в., а «книгохранилище» в общелитературной лексике существует до сих пор.

Во многих европейских языках слово библиотека имеет корнем латинское *Libeg*, или *Libri* — книга и прямо восходит к латинскому *Libraria* — книгохранительница, а от него — к греческому — библиотека [166, с. 55]. Аналогично выглядит перевод этого слова с восточных языков (нами обследованы афганский, монгольский, персидский, турецкий, японский), что отражает, видимо, общую для различных народов закономерность терминообразования.

Таким образом, история термина «библиотека» убедительно свидетельствует, что при всех видоизменениях, каким подвергался он на протяжении веков в различных языках, в нем сохранялся один определяющий признак — помещение (здание), дом для книг. Первая составная часть термина «книга», выполняет целеполагающую функцию для его второй — определяющей — части: хранилище, специально предназначенное для книг, а не чего-либо иного. Обе части словосочетания книгохранилище (библиотека) понимались расширительно: уже на самых ранних этапах своего развития библиотека включала в свои фонды отнюдь не только книги, но все известные в то время виды документов. В понятие «помещение» входило также и понятие «оборудование», ибо первоначально емкостью, в которой по-

мещались книги, был тот или иной сосуд (кувшин, корзина, ларь, книжная коробка, сундук и т. п.), т. е. фактически элементы оборудования. Отдельное помещение для фонда потребовалось позднее, когда он сильно разросся. Номенклатура помещений библиотеки с XIX в. включала в себя помимо собственно фондохранилища еще две зоны — читательскую и служебную. Но и до этого времени, когда помещение (здание) так жестко не разделялось на зоны, в нем всегда отводилось место не только для фонда, но и для читателей и обслуживающего персонала.

Во всем мире представление о библиотеке как о здании оказалось очень стойким не только на практике, но и в теории, например, так понимается термин библиотека в работе Франческо-Мариа Грапальдо «О частях зданий» (конец XV в.).

Тот же смысл вкладывается в современные словосочетания «адрес библиотеки», «строительство библиотеки», «архитектура библиотеки». К примеру, книга «Библиотеки США», выпущенная ЦНИИЭП зрелищных зданий, посвящена именно и только архитектурно-планировочным решениям американских библиотечных зданий.

Как было показано выше, в отечественном библиотековедении эта точка зрения существовала (точнее сказать, сосуществовала с иными) вплоть до середины XX в. Одной из тех, кто утверждал, что «библиотека есть книгохранилище» была Е. В. Балобанова [22, с. 7].

В ряду других приводят это значение словари русского языка, начиная с В. И. Даля [96, с. 86; 199, с. 47 и др.], а также Е. И. Шамурин [348, с. 31].

В современном зарубежном библиотековедении аналогичное представление о библиотеке распространено довольно широко. Так, еще в 50-е гг. XX в. О. Джонсон (США) развивал концепцию библиотеки как автоматизированной телефонной станции: читатель делает запрос, а библиотека либо соединяет его с книгой, либо отвечает, что книги в библиотеке нет [319, с. 46—47]. Эта мысль повторяется и позднее. В этом подходе еще не было отождествления библиотеки с автоматическим устройством; автор хотел лишь подчеркнуть, что сущность библиотеки составляют собственно технические средства коммуникации. В зарубежной литературе обычно определение библиотеки как зала или здания,

предназначенного для хранения коллекций книг или других документов. Крайнее развитие этой идеи приводит к уже упоминавшейся библиотеке без книг, читателей и библиотекарей, состоящей лишь из электронно-вычислительных машин, в памяти которых сосредоточена вся необходимая информация.

Согласно еще одной трактовке библиотекой называют набор кабинетной мебели для книг, «состоящий из столов, позволяющих класть на них и систематизировать книги или другие документы» [402, р. 49], а также книжных шкафов, стеллажей и т. п.

Такое содержание рассматриваемого понятия выводит его из поля зрения библиотекovedов, делая предметом внимания архитекторов, строителей, мебельщиков. Архитектура и другие отрасли знания выступают в этом случае как смежные с библиотекovedением науки.

То, что вопросы *МТБ* библиотеки должны рассматриваться в лоне библиотекovedения, хорошо понимали многие библиотекovedы прежних лет. Этому способствовал объективный ход развития библиотеки как общественного учреждения. Первоначально, когда все собрание документов умещалось в одной относительно небольшой емкости, место его расположения не имело принципиального значения, так же, как и форма обслуживания, которое выбиралось из подходящей обиходной утвари. Однако уже на этой самой ранней стадии к *МТБ* предъявлялся ряд важных практических требований, не утративших значения и сегодня. Так, емкость всегда должна была находиться в защищенном от неблагоприятных воздействий внешней и внутренней среды месте. Фонд стремились располагать в непосредственной близости от потребителя — главным образом, владельца библиотеки.

Развитие фонда потребовало выделения для библиотек сначала отдельных помещений в зданиях иного назначения (обычно дворца, храма), а затем — и самостоятельных зданий. Известно, например, что Александрийская библиотека (I в. н. э.) с весьма значительным даже по современным масштабам фондом — 700 тыс. свитков — уже имела отдельное здание. В связи с выделением помещений и зданий возникли вопросы их правильной ориентации по сторонам света с целью создания лучших условий для хранения фонда,

определения места библиотечного помещения в здании и т. д.— т. е. вопросы архитектуры и планировки библиотек, а также специального библиотечного оборудования. Одним из первых его видов был ячеистый стеллаж для размещения папирусов. Впоследствии были изобретены специальные попитры для книг, постепенно превратившиеся в книжные шкафы, а затем — в стеллажи. Форма стеллажей постоянно совершенствуется, этот процесс продолжается и в настоящее время. Создание многополочных стеллажей привело к появлению сначала ярусного, а затем башенного фондохранилища, а использование альковов для увеличения емкости хранилищ — к т. н. кабинетной системе планировки библиотечного здания.

Непрерывно развивается и архитектурно-планировочная мысль, откликаясь на запросы библиотечной практики, а подчас опережая их. В начале XX в. закладываются первые теоретические основы планировки библиотечных зданий [326, с. 165—192]. Но с этого момента пути отечественного и зарубежного библиотеководения резко расходятся. Ч. Кеттер выдвинул тезис об архитекторе как естественном враге библиотекаря [цит. по ст.: 69, с. 227]. Без привлечения архитекторов разрабатывали вопросы *МТБ* такие известные библиотековеды как М. Дьюи, А. Боствик [360], Г. Друри [369] (США), А. Грээзель [373], Г. Лей [389, 390, 391] (Германия), Дж. Браун [361] (Великобритания). Современный западногерманский библиотековед Р. Клут в «Основах учения о библиотеке» рассматривает, в частности, материальное обеспечение библиотеки, планировку библиотечного здания [383], а в статье «Структура библиотеки и проектирование библиотечных зданий» характеризует теоретические и строительные проблемы, возникающие в связи с внедрением в библиотеки технических средств [381].

Отечественные библиотековеды долгое время — по 50-е гг. включительно — были единодушны в понимании необходимости сотрудничества библиотекарей со специалистами смежных наук — архитектуры, техники и др. Так, еще Е. В. Балобанова замечала, что «ни одна постройка библиотечного здания не обходится без полного соглашения архитектора с библиотекарем» [21, с. 9]. Л. Б. Хавкина видела задачи библиотекаря в том, чтобы охарактеризовать архитектору технические усло-

вия и особенности данной библиотеки (величину фонда, темпы роста, способы обслуживания читателей и др.) [326, с. 166]. Ту же мысль проводил Я. В. Борисов в разделе «О библиотечном здании. Архитектура библиотеки, внутреннее устройство, мебель» своей книги «Руководство по библиотечной технике. Основы практического библиотековедения» [40, с. 1]. А. А. Покровский считал, что в культурно-воспитательной работе не следует пренебрегать технической стороной дела. Это, по его словам, «две стороны одного предмета: техника библиотеки есть техника культурной работы, и от улучшения техники прежде всего зависит реальное улучшение культурной работы» [218, с. 21]. Вопросы, связанные с библиотечным помещением и оборудованием, неизменно рассматривались в практических пособиях 20-х—30-х гг. Важность специальной библиотековедческой разработки *МТБ* подчеркивала Н. К. Крупская. Критикуя проект примерной тематики диссертаций Московского библиотечного института, она отметила как недостаток, что в нем выпала «тема: техника современного библиотечного дела, требующая быстрой подачи, обширных помещений» [цит. по ст.: 8, с. 181]. Примеры такого рода можно продолжить.

Долгое время вопросы *МТБ* занимали видное место и в преподавании. Программа первых библиотечных курсов (при народном университете им. А. Л. Шанявского) включала дисциплину «Библиотечные помещения» (ее вел В. А. Зеленко) [111]. В первые годы Советской власти эти вопросы изучались на годичных библиотечных курсах Петроградского отдела научных библиотек [7, с. 211]. «Оборудование и планирование библиотечных зданий» преподавалось на Высших библиотечных курсах при ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в рамках «Общего библиотековедения» [37, с. 6] (10 часов из 74, т. е. 13,5%); «Библиотечное хозяйство» читалось на курсах при Московском пединституте (1930 г.) и по нему, в числе ряда других, принимался экзамен [222].

В Московском библиотечном институте в курсе «История и организация библиотечного дела» читался (М. Я. Гильманом) 44-часовой раздел «Строительство и организация библиотечных зданий и помещений и их оборудование» [227]. По объему он даже превосходил такие важные разделы, как «История библиотечной ра-

боты в СССР» (40 часов), «Массовые библиотеки» (30 часов) и др.

На Всероссийском совещании по теоретическим вопросам библиотековедения и рекомендательной библиографии (1936 г.) работали отдельные секции «Механизация работы в библиотеках» и «Строительство и оборудование библиотек».

Однако постепенно вопросы архитектуры, планировки и оборудования библиотек стали обособляться. В 30-е гг. параллельно с библиотековедами (Б. Р. Зельцле [116, 117], И. П. Жук, В. Ф. Сахаров [246]) ими стали заниматься архитекторы (М. Я. Гильман, Ф. Н. Пашенко и ряд других). В тот период в Московском библиотечном институте была даже защищена диссертация по архитектуре библиотек [80], и одним из официальных оппонентов был библиотековед (Л. В. Трофимов). Впоследствии такая практика не имела уже места.

В послевоенный период преподавание вопросов *МТБ* библиотек в течение нескольких лет предусматривалось программами всех трех библиотечных институтов (Московского, Ленинградского, Харьковского). Но в связи с отсутствием квалифицированных преподавателей и начавшей давать себя знать теоретической недооценкой библиотековедами проблемы материально-технического оснащения библиотек, чтение этих разделов программ постепенно сошло на нет. Лишь как эпизод в истории МГИК можно отметить чтение Ф. Н. Пашенко в 1957 г. 24-часового спецкурса «Планировка и оборудование библиотечных зданий». Сейчас в сильно урезанном виде эти проблемы входят составной частью в курс «Организация и управление библиотечным делом» только в ЛГИК.

В техникумах рассматриваемая дисциплина, правда, еще читалась некоторое время в курсе «Техника и организация работы библиотеки» [248].

В начале 60-х гг. прекращает существование отдел архитектуры, строительства и оборудования библиотек в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, и отдельные попытки его возрождения в других библиотеках (например, в ГРЮБ РСФСР им. 50-летия ВЛКСМ в конце 60-х гг.) успеха не имеют.

В настоящее время в социалистическом библиотековедении существуют две концепции относительно учения о *МТБ* как разделе библиотековедения. Одни спе-

циалисты утверждают, что исследование вопросов *МТБ* библиотек выпадает из сферы библиотечной науки [332, с. 66; 322, с. 64]. Соответственно — с их точки зрения — придание *МТБ* статуса равноправного с другими элементами системы «библиотека» невозможно. Другие продолжают развивать концепцию сотрудничества библиотечарей с представителями соответствующих смежных наук.

Архитекторы В. Пясецки (ПНР) и особенно Д. Гаврецкий (ЧССР) активно выступают за сотрудничество библиотечарей и архитекторов, называя последних, в противовес Ч. Кеттеру, «естественным союзником» библиотечарей. Д. Гаврецкий полагает, что «более логичным было бы возложить ответственность за постройку здания в первую очередь на библиотечаря, так как именно библиотечарь непосредственно на себе чувствует все достоинства и недостатки построенного здания. За библиотечарем должно быть последнее слово при разрешении спорных вопросов, которые связаны с основными требованиями библиотек» [69, с. 227—229]. На воплощение «основных принципов архитектуры», по его мнению, «всегда оказывает влияние понимание библиотечарства и библиографии с идеологической точки зрения...» [69, с. 226]. Сотрудничество библиотечарей и архитекторов, имевшее место в СССР в предвоенные годы, он назвал «примером, достойным подражания» [69, с. 229]. Позднее он подчеркивал, что «разработка библиотечной теорией и практикой концепции проектирования библиотек является важнейшим аспектом в проблематике современного строительства библиотек... Библиотечные работники являются непосредственными гарантами правильного, оптимального планирования и строительства библиотечных зданий» [68, с. 56—57]. Он призывал к комплексному подходу к решению библиотечно-архитектурных проблем.

Теоретическое и организационное отделение архитекторов от библиотечарей объективно свидетельствует о достаточной зрелости как библиотечарства, так и данного раздела архитектуры. Однако оно имеет и негативную сторону. Архитекторы стали все более отдаляться от библиотечарей, а библиотечары и библиотечари, в свою очередь, самоустраняться от разработки вопросов материально-технической базы библиотек. Архитекторы, предоставленные самим себе, не

получая нужных рекомендаций, разрабатывают их самостоятельно, причем — что вполне естественно — непрофессионально в библиотечном отношении. С другой стороны, библиотекари, вынужденные выступать в роли критиков архитектурных проектов, из-за отсутствия сколько-нибудь серьезной соответствующей подготовки, делают это на дилетантском уровне, что отнюдь не укрепляет их авторитет в среде архитекторов, а, напротив, углубляет разрыв между представителями этих двух профессий.

Однако было бы неверно утверждать, что в нашей стране библиотечной разработке вопросов *МТБ* совсем не уделяется внимания. Их по-прежнему продолжают освещать основные библиотечные журналы. Так, журнал «Библиотекарь» с 1964 г. ведет постоянную рубрику «Строительство. Механизация. Автоматизация и оборудование библиотек. Технические средства», а в состав редакционной коллегии сборника «Научные и технические библиотеки СССР» до самого последнего времени входил архитектор (Ф. Н. Пашенко).

В конце 60-х гг. в институтах культуры были созданы кафедры технических средств библиотечной работы, а в 1979 г. утверждена программа соответствующего курса. Ф. Н. Пашенко пытался возродить курс «Строительство, архитектура и оборудование библиотечных зданий», им в 1978 г. была разработана учебная программа по этому курсу как дисциплине функциональной специализации.

С 1976 г. вопрос о *МТБ* как элементе системы «библиотека» впервые начал серьезно разрабатываться на общетеоретическом уровне — в плане проводимой журналом «Библиотекарь» дискуссии об объекте и предмете библиотечного знания.

В библиотечно-библиографических классификациях вопросы материально-технического оснащения библиотек рассматриваются, как правило, в качестве составной части библиотечного знания, по крайней мере, с начала XX в. Имеются в виду схема С. Джеста [см.: 361, р. 315] (1907 г.), И. Форстиуса и Г. Райнке [407] (1935 г.), широко известная УДК, а также все последующие советские и зарубежные классификационные схемы, включая ББК [35, с. 192—193].

Как положительный факт можно отметить укрепление международного сотрудничества между библиоте-

карями и архитекторами. В рамках ИФЛА с 1960 г. действует Комиссия по строительству и оборудованию библиотек. В 1977 г. в структуре Федерации появился отдел управления и технического оборудования с секциями библиотечных зданий и оборудования, механизации. В 1964 г. странами — членами СЭВ создан Координационный центр европейских социалистических стран по вопросам архитектуры, строительства, оборудования, механизации и автоматизации библиотек. Наряду с архитекторами в его работе активное участие принимают библиотековеды, особенно из СССР, ГДР (Г. Шварц), НРБ (С. Драганов, З. Дафинов).

Все эти факты позволяют надеяться, что с течением времени интеграция библиотековедческих, архитектурных и технических исследований будет расширяться и углубляться.

Понятие *МТБ*. Необходимость элемента *МТБ* в системе

Термин, который охватывал бы все содержание рассматриваемого в данной главе понятия, в библиотековедении пока отсутствует (что служит еще одним, весьма ярким, свидетельством неразработанности данного вопроса). Нет полной ясности и в тех науках, где используется аналогичное понятие. Так, употребляемые отдельными авторами выражения «средства и предметы труда», «средства процесса труда», «технология и организация производства», «отраслевая структура размещения производительных сил», «общие условия, способствующие нормальному функционированию процесса производства» и т. п. громоздки и неточны. А современные термины «инфраструктура», «социальная инфраструктура», с одной стороны, неполно охватывают содержание требующегося в данном случае понятия, с другой, частично выходят за его пределы. Кроме того, эти термины еще недостаточно устоялись.

Примем, за неимением лучшего, предложенный В. М. Виноградовым термин «материально-техническая база» (*МТБ*) библиотеки, хотя и он не вполне удачен: в литературе нет единого его понимания, вследствие чего разные авторы употребляют его в разных значениях. В. М. Виноградов предлагает понимать под *МТБ* «комплекс материальных и технических средств, обеспе-

чивающих проведение библиотечной работы, связанной с обслуживанием читателей, приобретением, обработкой и хранением книжных фондов, производственно-служебной работой библиотеки в целом, включая деятельность ее подсобных лабораторий и мастерских» [58, с. 323—324]. В состав современной материально-технической базы включаются помещения, здания библиотек и их инженерное оборудование; библиотечное оборудование и мебель; внутрибиблиотечный транспорт; средства механизации и автоматизации библиотечных процессов; копировально-множительная техника; энергия, материалы, запчасти.

Иными словами, *МТБ* образуют три основные группы вещественных элементов, выполняющие различные целевые функции в системе и направленные на оптимизацию ее деятельности. Это, во-первых, здания, сооружения, помещения, в которых протекают библиотечные процессы; во-вторых, технические коммуникации, соединяющие различные виды библиотечной деятельности в единый процесс; в-третьих, техническая оснащенность (технические средства и оборудование) зданий (сооружений, помещений), коммуникаций и библиотечных процессов.

Правоммерно поставить вопрос о понятии *МТБ* даже шире. Подобно тому, как при изучении элемента *А* библиотекосведение интересуют все связи и опосредствования этого элемента, не только в стенах библиотеки, но и за ее пределами — в производственной и бытовой обстановке, — так и в данном случае допустимо иметь в виду всю ту материальную среду, в которой существуют остальные элементы библиотеки, включая производственный участок, жилище абонента, транспорт и т. д. При этом из бесчисленного множества свойств и отношений материальной среды библиотекосведов интересуют лишь те, которые каким-либо образом (положительно или отрицательно) влияют на эти элементы. Скажем, для библиотеки, расположенной на химическом предприятии, важно нейтрализовать или ослабить загазованность воздуха, вредно воздействующую на людей, фонд и оборудование.

На данном уровне анализа нет необходимости последовательно рассматривать каждый из элементов *МТБ*. Достаточно исследовать совокупность составляющих ее компонентов в целом, как один из элементов

библиотеки, лишь в необходимых случаях затрагивая отдельные компоненты. Такой подход тем более оправдан, что на практике разделить *МТБ* на отдельные составные части не всегда представляется возможным. Например, в библиотеках имеет место такой конструктивный прием, когда опорные стойки стеллажей (оборудование) одновременно являются несущими элементами стеновых ограждений (здание).

Сама по себе *МТБ* не создает каких-либо результатов функционирования библиотеки. Ее назначение иное — обеспечить рациональный ход библиотечных процессов. В силу этого она, являясь материально-вещественной подсистемой, имеет в то же время ярко выраженный социальный аспект, так как характеризует уровень обеспеченности людей необходимыми условиями для их общественно-политической, научно-вспомогательной, культурно-просветительной, трудовой и т. п. деятельности.

Методологическим основанием для выделения *МТБ* в самостоятельный элемент системы служит высказывание К. Маркса о первоначальном разделении сырья и орудий труда как единственном разделении овеществленного труда в его отношении к труду как деятельности [т. 46, ч. I, с. 251—252]. Кроме того, Маркс рассматривал как самостоятельные предмет труда, средства труда и процессы труда. «Кроме тех вещей, посредством которых труд воздействует на предмет труда... — пояснял он, — в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться... Примером этого... рода средств труда... могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т. д.» [т. 23, с. 191].

Понятие «все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться», указывает на сущностную, родовую функцию «вещей», «средств». Без них процесс «или совсем невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде» [т. 23, с. 191]. Это положение полностью относится и к *МТБ* библиотеки, доказывая ее необходимость в системе. Правомерность библиотечного решения вопросов *МТБ* библиотеки определяется тем, что при материально-техническом оснащении библиотек требо-

вания библиотечной технологии имеют приоритет перед архитектурой, градостроительством и т. п.

Рассмотрим, в свете сказанного, зафиксированные в литературе различные точки зрения на роль *МТБ*.

Вопрос о придании *МТБ* статуса четвертого обязательного элемента системы «библиотека» первым поставил А. Я. Черняк — в дискуссии об объекте библиотекведения. Несмотря на отрицательное решение им этого вопроса, он подвергся острой критике со стороны других участников дискуссии за одно только выдвижение такой гипотезы. Проанализируем аргументы А. Я. Черняка и его противников.

А. Я. Черняк отверг *МТБ* как самостоятельный элемент на том основании, что технические средства нельзя рассматривать в отрыве от человека и противопоставлять ему, поэтому, считает он, речь может идти лишь о библиотекаре, вооруженном всеми техническими средствами [332, с. 66]. Однако данное соображение не помешало автору оторвать фонд от читателей, библиотекаря противопоставить фонду и т. д. «Любая система обладает сложностью и уже в силу этого состоит из дискретных элементов. Расчлененность находится в противоречивом единстве с целостностью, в которой выражается момент непрерывности» [112, с. 57], т. е. без отрыва и противопоставления отдельных элементов система вообще не может быть познана.

Тем не менее тезис о библиотекаре, вооруженном всеми современными техническими средствами, теоретически весьма интересен. Утверждение и А. Я. Черняка, и двух его критиков логически противоречиво. Как и инициатор дискуссии, А. Н. Ванеев и А. Л. Гольдберг признали, что механизация и автоматизация в библиотечном деле направлены на освобождение библиотекаря «от тех процессов, которые могут быть переданы машине». Несмотря на это, они сочли неприемлемой даже саму постановку вопроса о принципиальной возможности замены библиотекаря техническими средствами — «машиной» [52, с. 75—76]. В рассуждениях А. Я. Черняка по этому поводу они услышали «отголоски дискуссии о библиотеке будущего как библиотеке без библиотекаря, как библиотеке-машине». Эту ошибочную концепцию, по их мнению, нет необходимости пересматривать, так как она будто бы уже достаточно раскритикована.

Однако вопрос не настолько прост, чтобы его можно было разрешить при столь общем подходе. Если окажется, что машине могут быть переданы все процессуальные обязанности сегодняшнего библиотекаря, то система перестанет нуждаться не в *МТБ*, а как раз наоборот, — в библиотекаре. Ведь с точки зрения системного подхода замена одного элемента качественно иным принципиально допустима — при условии, что новый элемент обладает одним или несколькими свойствами заменяемого элемента и выполняет те же функции. Структура системы при этом не нарушается, меняется лишь уровень ее качества² [9, с. 39]. Но тогда, так ли уж невероятно — по крайней мере, с теоретической точки зрения — появление библиотекаря-робота?

На современном этапе научно-технического прогресса механические и механизированные устройства дополняются автоматическими и автоматизированными, призванными дополнить или заменить интеллект человека, и в ряде отношений — быстродействию логических операций, например, — это уже достигнуто. ЭВМ последних поколений способны не только трансформировать заложенную в них информацию в иную форму, но и создавать новую на основе аналитико-синтетической переработки введенных в ЭВМ данных. В частности, на этом принципе основано действие самообучающихся машин [296]. Не удивительно, что с учетом этих возможностей деятельность традиционной библиотеки может показаться архаичной. Недооценка или отрицание данной функции электронно-вычислительных машин свидетельствует о непонимании самой их сущности и назначения.

Проанализируем с этих позиций процесс комплектования библиотечного фонда — области, относящейся к наиболее творческим в библиотечном деле, в которой уже накоплен весьма значительный опыт автоматизации.

² Автор приводит убедительный, на наш взгляд, пример: человек в структуре промышленного производства как элемент этой структуры все чаще заменяется автоматом. Это влечет за собой повышение производительности труда и качества продукции, но само по себе не меняет в сущности структуру производства и производственные отношения людей.

В настоящее время в ГПНТБ СССР применяется и с каждым годом все более совершенствуется АСУ комплектованием, на которую возложена задача переработки информации по 15 параметрам с целью выдачи советов по отбору необходимой литературы. Благодаря этому устраняется такой существеннейший недостаток традиционного комплектования, как субъективизм, весьма малая степень точности и обоснованности отбора³.

Но, возможно, здесь автомат помогает лишь потому, что из двух главных элементов — человек и документ — один — неодушевленный? Обратимся в таком случае к системе человек-человек (абонент-библиотекарь). Более специфической сугубо межличностной системы в библиотеке не существует. Качество библиотечного обслуживания, как известно, во многом зависит от квалификационных и психологических характеристик библиотекаря. Казалось бы, вмешательство автомата в эти отношения невозможно и, по крайней мере, оно не может быть так эффективно, как непосредственное живое общение людей. Но ведь библиотекарь может оказаться не очень хорошим работником. «Квалификация» ЭВМ в общем случае превосходит квалификацию усредненного библиотекаря, поскольку для составления ее программы привлекаются наиболее опытные специалисты. Широкое внедрение в библиотечно-информационную практику диалоговых систем убеждает, что прямой диалог человек (абонент) — машина (библиотекарь) вполне возможен и — более того — в ряде отношений (полноты, точности, оперативности обслуживания) более продуктивен.

Не следует думать, что ЭВМ всегда будет сильно уступать человеку в психологическом отношении. Отношение абонента к библиотекарю отличается высокой избирательностью: один и тот же библиотекарь может быть симпатичен одному и антипатичен другому. В последнем случае воспитательные усилия библиотекаря заведомо обречены на неудачу. Зато садясь за пульт дисплея, абонент заранее имеет положительную психо-

³ Этот метод, взятый сам по себе, как и всякий единственный прогностический метод, еще недостаточен, чтобы делать на его основе окончательные выводы. Кроме того, он базируется на запросах, а не на потребностях абонентов. Но в данном случае важно отметить не столько его недостатки, сколько преимущества.

логическую установку на контакт с ЭВМ. Если же такой установки нет, значит шансы ЭВМ всего лишь уравниваются (но отнюдь не уменьшаются) с шансами малосимпатичного абоненту библиотекаря.

Следует принять во внимание и тот проанализированный выше факт, что уже и сейчас в неавтоматизированных еще массовых библиотеках непосредственное воздействие библиотекаря на выбор абонентом литературы все более заменяется опосредованными формами. Такая тенденция при активном включении в библиотечную работу автоматизированных систем хорошо согласуется с ростом образовательного и культурного ценза абонентов советских библиотек.

Остается последнее возражение — машина якобы не осуществляет идейно-воспитательной работы с читателем. А. Н. Ванеев и А. Л. Гольдберг прямо пишут: «Очевидно, что только при игнорировании идеологических функций библиотеки можно всерьез говорить о замене библиотекаря машиной» [52, с. 76].

Не следует забывать о том, что довод, будто машина не может выполнять идеологические функции, служит представителям современного буржуазного библиотеководения для протаскивания и обоснования своей прежней идеи беспартийности — теперь уже в автоматизированной библиотеке «без книг, без читателя, без библиотекаря» в «постиндустриальном», «технотронном» обществе. Главное назначение таких библиотек они видят лишь в поиске и выдаче фактографической и фактологической информации. Но тут нарушается одно из фундаментальных положений системного подхода, когда свойство (индифферентность идейно-политической направленности), характерное для части системы (*МТБ* библиотеки), переносится на всю систему. Кроме того, явление, видимость (якобы имеющее место исчезновение у библиотеки традиционных родовых элементов — *Д, А, Б*) выдается за сущность, и следом за этим, как бы заодно, подверстываются утверждения, что с ликвидацией привычных атрибутов библиотека лишается и какой бы то ни было политической и идеологической ориентации. Утверждают, будто библиотека не педагог для нации, а также и «не лаборатория — она не занимается содержанием» [324, с. 30], будто ее работа не имеет политической окраски, будто функция библиотекаря чисто коммутационная — «служить посредником между

человеком и графическими записями» [353, с. 7] и т. д. Так одна методологическая ошибка нагромождается на другую, а в итоге создается превратное представление об истинной классовой роли автоматизированной библиотеки в обществе.

Машина выдает не более того, что в нее заложено, и не более того, что положено выдавать тому или иному пользователю. Применение технических средств не только не сужает, но, напротив, неизмеримо расширяет возможность реализации идеологической функции библиотеки. Об этом знали даже в глубокой древности. Так, испанский иезуит К. Клемент советовал ставить книжные полки с бюстами признаваемых им великих людей на кариатиды, изображающие ученых, «подавленных» этими «великими» людьми. Роль «пленных Теламонов» отводилась Лютеру, Кальвину, Парацельсу и др. [347, т. 1, с. 160—161]. Современные автоматизированные системы имеют такую же отчетливую идеологическую направленность. В частности, с их помощью «империалистическая пропаганда, с которой теперь открыто взаимодействует пропаганда пекинских шовинистов и агрессоров, непрерывно ведет яростное наступление на умы советских людей... с помощью самых изощренных методов и современных технических средств...» [4, с. 6].

В традиционной библиотеке идейно-политическая функция закладывается, как известно, уже на этапе комплектования, находит отражение в структуре справочно-поискового аппарата, отборе и последовательности предоставления материала, его оценке и т. п. С тем большим успехом все это осуществляется при использовании ЭВМ. Автомат легко воспроизводит также любые тексты — обзоры литературы, беседы о книгах и пр. Единственное, что ему пока недоступно, — обеспечить предельно избирательный подход к абоненту, найти такие выражения и такую тональность сообщения, которые соответствовали бы особенностям именно данного индивидуума. Но не исключено, что со временем и эта последняя преграда будет автоматом преодолена. Образу говоря, если сегодня он уже в состоянии выступать в качестве агитатора, то, возможно, завтра он выступит и в качестве пропагандиста.

Но, конечно, сама материальная основа информации (бумага, пленка и т. п.), средства поиска, доставки и размножения документов безразличны к идейно-полити-

ческой направленности библиотечной работы. В. И. Ленин прямо указывал на наличие объектов и явлений, равно обслуживающих все классы. Например, искусство книгопечатания, по его словам, приносит пользу «всем партиям без различия» [т. 7, с. 349]. С позиций марксизма-ленинизма важно, кто владеет этим орудием и в каких целях его использует.

Поэтому, изучая вопросы техники и технологии библиотечной работы, а также технических средств, используемых в ней, нельзя забывать слова Н. К. Крупской, что это «техника, глубоко связанная с идеологией» [т. 8, с. 663]. Отказавшись от ЭВМ — одного из мощнейших ускорителей интеллектуальной деятельности, — мы, что называется, без боя сдали бы свои позиции как перед лицом научно-технического прогресса, так и в борьбе с буржуазной идеологией.

Итак, замена библиотекаря машиной автоматически исключила бы необходимость в одном из элементов — Б. В библиотеке оказался бы не библиотекарь, вооруженный всеми техническими средствами, а технические средства, выполняющие функцию библиотекаря. Такой вариант, безусловно, не соответствует научной истине по ряду причин.

С одной стороны, не все технические средства служат продолжением библиотекаря. Часть из них суть продолжение абонента (читально-копировальный аппарат, например), документа (стеллаж). И поскольку эти средства присутствуют в каждом из остальных элементов системы, они могут быть «вынесены за скобки», то есть рассматриваться особо, как самостоятельный элемент. Это тем более необходимо, что отдельные компоненты МТБ (скажем, помещение библиотеки) служат всем остальным элементам одновременно, не принадлежа в частности и в отдельности ни одному из них. С другой стороны, все же имеются доводы, которые позволяют надеяться, что сущность профессии библиотекаря с внедрением ЭВМ все-таки не изменится.

Перестав быть непосредственным исполнителем, библиотекарь оставит за собой функцию, говоря словами К. Маркса, «контролера и регулировщика» [т. 46, ч. 2, с. 213], т. е. свою природную сущностную функцию. Техника же, как и прежде, будет лишь усиливать эту функцию; она не изменит цели библиотечной работы, но поможет ее достигнуть.

Не исключено, впрочем, что останется потребность в библиотекарях низшей и средней квалификации. Вряд ли библиотекарь будущего будет исключительно «творческой личностью», специалистом, освобожденным от технических операций [см.: 87, с. 6]. Ведь и пользуясь ЭВМ, по крайней мере в настоящее время, библиотекарь вначале готовит поисковое предписание и размещает его кодами предмашинной обработки информации, а затем, если поисковый образ в памяти ЭВМ не найден, составляет каталогизационное описание в виде документа в предмашинном формате. Новые виды библиотечных операций остаются и в диалоговом режиме работы библиотек, хотя использование дисплеев несколько изменяет технологию предмашинной обработки информации. Но ведь набивка перфолент или перфокарт требует такого же рутинного труда, как и простановка инвентарных номеров, наклейка книжных ярлыков и кармашков. Установлено, что соотношение между творческими, логическими и канцелярскими операциями (классификация В. М. Баранова) меняется несущественно, — главным образом, в пользу увеличения доли логических [24, с. 13].

Еще одно возражение против придания элементу *МТБ* статуса самостоятельности исходит от И. М. Фрумина. Признавая, что здание или помещение, а также специальное оборудование — существенные составные компоненты объекта «библиотека», он тем не менее целиком отдает их исследование другим наукам — архитектуре, медицине, технике. Библиотекарю достаточно лишь «ознакомиться с библиотечной архитектурой, реставрацией книги, уходом за ней. Но данные области являются предметом других наук» [320, с. 64]. Эта принципиальная теоретическая позиция верна лишь до известной степени, ведь, идя по предложенному И. М. Фрумину пути, придется признать, что в деятельности библиотеки вообще нет специфических участков работы, а, следовательно, у библиотековедения нет собственного предмета и оно как наука не существует. В самом деле: каждый библиотечный процесс, каждая библиотечная операция, взятые по отдельности, могут, принципиально говоря, выполняться специалистами неблиблотеchnой профессии. Так, библиографическое обслуживание абонентов никто не осуществит лучше библиографа-профессионала; техническую обработку посту-

пающих и выбывающих документов способен выполнять человек, вообще не имеющий специального образования, а научную — специалист по информационно-поисковым системам, тем более, если он к тому же специалист в данной области знаний. Комплектование фонда могут вести (как это и практикуется) специалисты соответствующих отраслей науки. Пропаганду литературы, воспитание абонентов можно поручить пропагандистам или «чистым» педагогам (к слову, немало их фактически и работает в библиотеках). Так специфика библиотечного дела и библиотековедения окажется полностью размытой.

Однако научная истина состоит в том, что из всего круга проблем развития *МТБ* собственно библиотековедческими являются лишь три, вытекающие из отношений *МТБ* с элементами *Д*, *А* и *Б* в рамках системы «библиотека». Исследование остальных отношений, действительно, задача «чистых» архитекторов, строителей, инженеров, мебельщиков, дизайнеров и т. п.

Библиотечными перечисленные выше процессы и операции делает их объединение в единое органическое образование, в целостную систему. Специфическое же свойство целостных систем, как уже отмечалось, состоит именно в том, что качественная определенность системы не сводится к сумме свойств ее частей. Следовательно, теоретический недостаток рассматриваемой позиции состоит в недооценке свойства целостности, в представлении о библиотеке как о суммативной системе, т. е. такой, свойства которой равны сумме свойств составляющих ее элементов.

В соответствии с той же особенностью свойства целостной системы не распространяются механически на составляющие ее подсистемы. В рассматриваемом аспекте это означает, что признание отдельных процессов специфически библиотечными отнюдь не равносильно вместе с тем включению всех соответствующих наук (педагогике, информатики, архитектуры и т. п.) в лоно библиотековедения на правах его частных разделов. По-видимому, концепция частичного взаимодействия (пересечения) всех упомянутых наук, включая библиотековедение, наиболее соответствует объективной реальности. Специфическая роль библиотековедения в названных и иных смежных и отдаленных отраслях состоит в разработке сугубо библиотековедческих тре-

бований к любым (каким угодно) процессам, имеющим место в системе «библиотека». Проиллюстрируем эту мысль несколькими примерами из различных областей библиотечной работы.

Такая область делопроизводства и хозяйственной деятельности учреждений, как учет инвентаря, входящих и исходящих бумаг превратилась в библиотековедении в суммарный и индивидуальный учет библиотечного фонда. Разработкой связанных с ним проблем по праву занимается даже не организационно-управленческий раздел библиотековедения, а еще более специфический — теория формирования библиотечного фонда, которую библиотекарь и библиотековед обязаны знать профессионально. Вместе с тем в библиотеке, как и в любом другом учреждении, имеет место «чистое» делопроизводство (которым занимаются канцелярия, хозяйственная часть). Оно не входит в объект библиотековедческой деятельности, и библиотекарю-профессионалу достаточно иметь о нем самое общее представление. Сказанное распространяется и на научную организацию труда библиотечных работников, где также выделяются специфический и неспецифические аспекты. Специфическим занимается специальная проблемная комиссия при Министерстве культуры СССР, исходя при его разработке из общих положений теории НОТ, формируемой, естественно, не библиотековедами.

Библиотековед (библиотекарь) не обязан профессионально знать устройство технических средств, имеющих место в современной библиотеке, но должен иметь представление об их эксплуатационных возможностях. Например, конструктивные особенности спринклеров и дренчеров (равно как и других систем электрической, термической, световой, дымовой, механической пожарной сигнализации и пожаротушения) он может и не знать, но основной принцип действия каждого из них — непременно. Лишь на этой основе он может давать профессиональные указания относительно того, почему, скажем, в читальном зале спринклеры устанавливать можно, а в фондохранилище они недопустимы. Для работников же Государственного пожарного надзора такого рода «нюансы» несущественны.

Думается, что именно и только на предлагаемой основе возможно содружество библиотекарей и специалистов других областей деятельности. Библиотекарь

должен задать архитектору условия технологии библиотечных процессов, чтобы тот, исходя из них, соответственно спланировал помещение. Именно библиотекарь должен указать архитектору и энергетика, что для хранения фонда предпочтительнее неосвещенное пространство, а те — соответственно, построить темное фондохранилище и поставить необходимую электроарматуру и аппаратуру; библиотекарь должен предоставить данные антропометрических измерений читателей и сотрудников, а соответствующие специалисты — разработать габариты мебели и оборудования, ширину проходов и т. д. В настоящее же время все (!) перечисленные и многие другие виды чисто библиотековедческих исследований вынуждены проводить специалисты других отраслей знания, что и дает основание считать некоторых из них одновременно и библиотековедами⁴. При этом специалисты-смежники стремятся «захватить» библиотековедение не всегда по собственной инициативе. Подчас они занимаются нашими проблемами вынуждено, из-за самоустранения библиотековедов, добровольной сдачи ими своих позиций. Архитектор Ф. Н. Пашенко справедливо замечал: «Нужно признать, что в низком качестве проектов повинны также и библиотекари. Они либо вообще самоустранились от участия в проектировании, предоставляя это дело целиком архитекторам, либо составляли необоснованные «программы», сообразуясь при этом лишь с местными традициями работы и базирясь на недостаточно проверенных данных» [208, с. 19]. С 1941 г., когда были написаны эти строки, положение не изменилось к лучшему (см., напр.: 142, с. 49; 32, с. 51]. Из-за отсутствия библиотечных знаний специалисты других областей неизбежно делают ошибки в разработке библиотековедческих проблем. Наиболее яркие свидетельства этого — выдвижение архитекторами идеи т. н. сбалансированного комплектования, информатиками — идеи конца книги, библиотеки без книг, читателей и библиотекаря.

Мы уже рассматривали эту идею в связи с понятием *Д*, посмотрим теперь на нее с точки зрения *МТБ*.

⁴ Например, все перечисленные работы выполнил, в силу отсутствия их в библиотековедении, Ф. Н. Пашенко, что и дало нам основание назвать статью о нем «И архитектор, и библиотековед» [284].

Связи *МТБ* с другими элементами

Помещение библиотеки вместе со всем оборудованием несет тройную нагрузку, оно является: местом хранения документов (связь *МТБ-Д*); пунктом, где осуществляется соединение или разъединение потока документов и потока абонентов (связь *МТБ-А*); средой деятельности библиотекаря (связь *МТБ-Б*). Иначе говоря, *МТБ* делает возможным пространственно-временное объединение остальных трех элементов библиотеки, т. е. выполняет в системе «библиотека» атрибутивную функцию.

В настоящее время материально-техническая база библиотек находится, по-видимому, на пороге качественно нового этапа своего развития, хотя и довольно запоздалого. Действительно, например, примитивные амбары и лабазы для хранения сыпучих тел давно превратились в полностью механизированные и автоматизированные элеваторы, а погреба-ледники — в холодильники-автоматы, тогда как фондохранилища остаются конструктивно теми же, что и сотни лет назад.

Приметой нового этапа стало бурное внедрение технических средств в библиотечные процессы, вплоть до создания автоматизированных библиотек и библиотечных систем. Превращение библиотеки в сложный инженерно-технический комплекс требует выработки библиотечных требований к *МТБ* и их учета при проектировании и эксплуатации библиотечных зданий и оборудования.

МТБ библиотеки должна в равной мере удовлетворять все составные элементы библиотеки; перевес в пользу любого из них обернется в конечном счете конструктивными недостатками, снижением эффективности библиотечной работы.

Основные параметры библиотечного оборудования определяются потребностями библиотечной технологии, антропометрическими данными библиотекаря и абонента. Иными словами, в своей основе они являются библиотечными. Поэтому анализ и синтез не только архитектурно-планировочных, но и технико-технологических аспектов библиотечной работы составляет организационную задачу библиотечного проектирования.

Чтобы книга, по образному выражению Н. К. Крупской, «сама лезла в руки» читателю [т. 8, с. 246],

требуется высокая территориальная плотность библиотек, хорошее материально-техническое оснащение их, четкая организация внутренних коммуникаций.

Для правильного определения номенклатуры, расположения, величины и конфигурации библиотечных помещений и оборудования необходимо прежде всего иметь представление о технологии библиотечных процессов и требованиях к их оптимизации. При этом под технологией понимается совокупность всех циклов, процессов, операций, осуществляемых в целях наилучшего (полного и оперативного, с максимумом удобств) обслуживания абонентов.

В библиотеках, и, что особенно важно отметить, в библиотеках всех типов и видов, можно выделить следующие основные технологические потоки: документов, абонентов, абонентских требований, библиотечной технологической документации, справочно-информационных материалов. Каждый из них характеризуют такие параметры, как длина, скорость, направление, плотность, дискретность (вариантами могут быть ритмичность или непрерывность). Величина этих параметров определяется многими объективными факторами — типом, видом, читательским назначением библиотеки, количеством поступающих, выбывающих и находящихся в процессе использования документов, числом абонентов и регулярностью посещения ими библиотеки, характером пользования фондами (закрытое или открытое фондохраниение) и т. д. В реальной библиотеке все потоки функционируют одновременно, образуя сложную взаимосвязанную систему, управление которой представляет значительную трудность.

С библиотечковедческой точки зрения главная задача при проектировании библиотечных зданий, определении номенклатуры оборудования состоит в том, чтобы оптимизировать основные параметры перечисленных потоков. Сложность ее решения обусловлена тем, что обычно потоки движутся с различной скоростью, иногда в разных направлениях, имеют тенденцию к взаимному пересечению, что отрицательно сказывается на библиотечной работе. К примеру, поток документов и поток абонентов движутся навстречу друг другу до момента использования документов, а затем направляются в разные стороны. Путь каждого из потоков сложен и извилист; нужно, чтобы они не пересекались ни между

собой, ни с другими потоками, а соединялись в пункте использования документов. Другая задача состоит в том, чтобы сделать длину потоков и количество промежуточных пунктов минимальными, а скорость движения — максимальной.

Поэтому, прежде чем приступить к проектированию здания, библиотекари, архитекторы, инженеры, дизайнеры и др. должны четко представлять состав, основные параметры технологических потоков в той или иной конкретной библиотеке, характер их взаимодействия и на этой основе искать оптимальные пути преодоления объективных противоречий между ними. Думается, что предшественником проекта мог бы быть сетевой график главных библиотечных циклов с указанием основных свойств каждого потока на конкретных отрезках его пути. Составить такой график — прямая задача библиотекаря-заказчика. Это дало бы возможность увидеть, какие участки пути нужно сократить, где ликвидировать пересечение с другими потоками и т. д.

Критериями уровня организации потоков являются полнота, оперативность удовлетворения запросов абонентов, необходимая степень комфортности, нормальные санитарно-гигиенические условия работы как абонентов, так и библиотекарей; сохранность библиотечных фондов, технологической и справочно-информационной документации. Легко заметить, что эти требования довольно противоречивы. Так, требования долговечности и активного использования фонда взаимно исключают друг друга. Между тем перед библиотекой стоит задача повышения как сохранности, так и использования информационных ресурсов.

Различные целевые установки (а следовательно, и требования к их реализации) делают невозможной разработку идеального проекта библиотечного здания и оборудования. В каждом отдельном случае речь может идти лишь об оптимальном варианте.

В свете сказанного представляется некорректной сама постановка вопроса, на протяжении длительного времени дискутирующегося в среде архитекторов: какое размещение фондов предпочтительнее — башенное (вертикальное) или стелящееся (горизонтальное). Объективная противоречивость основных критериев организации технологических потоков заведомо предопределяет невозможность идеального планировочного варианта,

но вместе с тем дает право на применение различных приемов, наиболее соответствующих условиям работы конкретной библиотеки.

Представляется бесперспективной также дискуссия о том, какая часть библиотечного помещения должна служить исходным центральным пунктом библиотечного интерьера — фондохранилище (Г. Лей, Германия, 1928 г.), место расположения справочно-информационного аппарата (Б. Миллик, ГДР, 1968 г.) [306; с. 78; 207, с. 70] или другая.

Идея библиотеки как четырехэлементной системы должна получить и соответствующее архитектурное воплощение. В объемно-пространственной композиции библиотечных зданий многих капиталистических стран, а также дореволюционной России наиболее выразительным художественным элементом было помещение фондохранилища. Эта традиция (она сохраняется и сейчас) идет от представления о библиотеке как хранилище книг. В проектах советских архитекторов значительное развитие получила группа читательских помещений [208, с. 24], что сильно изменило внешний облик библиотечных зданий. Новая традиция оказала влияние и на западную библиотечную архитектуру.

Не менее сложны библиотечные требования к оборудованию. Характерная черта развития современного библиотечного дела состоит в том, что номенклатура технических средств в библиотеках непрерывно расширяется и не всегда можно предвидеть с необходимой полнотой и точностью ее изменения. Одни технические средства заменяются более компактными; другие же, напротив, имеют тенденцию к увеличению своих габаритов. Каждое из них требует особого подхода к размещению, эксплуатации, а от этого зависят инженерные коммуникации и планировка библиотечного здания в целом.

Еще одна особенность состоит в том, что технические средства даже в условиях отдельной библиотеки постепенно перестают существовать изолированно, образуя единый комплекс или даже систему. Таков, например, в современной крупной библиотеке комплекс средств, объединяющий пересылку абонентских требований, радиотелефонную связь между пунктами приема-выдачи книг и книгохранилищами, а также пересылку самих носителей информации. В перспективе этот комплекс,

видимо, объединится со средствами автоматизированного поиска информации о книгах (каталожным, справочно-библиографическим хозяйством библиотеки) в единую систему. В такую же систему, вероятно, постепенно превратится пересылка книг по межбиблиотечному абонементу, межбиблиотечному книгообмену.

Определение оптимальной номенклатуры и размещения технических средств вырастает во все более сложную проблему. Размещение средств автоматизации и механизации, копирования и размножения должно соответствовать их технологическому режиму и при этом не мешать другим технологическим процессам. Отводимая для них площадь должна быть достаточной. Кроме того, для профилактики и ремонта этих средств, для инженерно-технических работников, эксплуатирующих оборудование, необходимо предусмотреть соответствующие инженерные коммуникации и достаточно большие подсобные помещения.

В настоящее время внимание к *МТБ* библиотек со стороны библиотекведов явно недостаточно. Следствием этого является, в частности, порочная практика, при которой в проектах библиотек отводится очень мало места для технической аппаратуры. Зачастую пролагаемые электролинии не рассчитаны на повышение энергоемкости машин и механизмов, сеть силовых линий размещается без учета ее эксплуатации в будущем. Недостаточно изучены и тенденции развития технических устройств. Например, наблюдаемое в последние годы стремление уменьшить их габариты и снизить потребляемую мощность при повышении продуктивности. Другая тенденция — все более активное внедрение технических устройств (транспортных линий, автоматизированных стеллажей и т. п.) в крупные фондохранилища. Однако помещения и здания, как правило, не приспособлены для их монтажа и поэтому внедрение технических средств часто приводит к ухудшению условий работы сотрудников (шум от движущихся деталей, занятость проходов и рабочих помещений и т. п.) и сохранности фонда (в связи с загазованностью помещений, механическим повреждением книг в процессе их транспортировки и т. д.). При переходе на автоматизированный поиск и доставку документов не всегда сохраняются возможности их ручного разыскания в случае временного выхода автомата из строя.

В современных условиях все более возрастает значение связи *МТБ-Д*. Уже сейчас не редкость ситуация, когда без машины документ нельзя ни найти, ни прочитать, ни скопировать. Строго говоря, к аудиовизуальным материалам вообще относятся только такие документы, которые не могут существовать в отрыве от аудиовизуальных средств. В дальнейшем взаимосвязь *МТБ* и *Д*, несомненно, укрепитсЯ еще более. Автоматизация постепенно охватит все процессы, связанные с формированием фонда: его комплектование, обработку, размещение, поиск, хранение и охрану, доставку абонентам и т. д., причем этот процесс коснется библиотек всех типов и видов [197, с. 164—173]. Развитие технических средств связи, особенно телекоммуникаций, способно кардинально изменить роль МБА. Ведь транспортировка документов из одной библиотеки в другую (тоже с помощью технических средств) далеко не самая совершенная форма МБА: громоздкая, неэкономичная и неоперативная (даже если посылаемые микрокопии остаются в пользовании библиотеки-заказчицы).

Между тем предоставить абоненту необходимую информацию, прежде всего научную, можно и путем непосредственной ее трансляции по каналам видеосвязи. Собственно, в мировой практике такой способ библиотечного обслуживания уже существует. Он влечет за собой кардинальный пересмотр нынешних концепций полноты библиотечного фонда, приемов его формирования, создания системы фондов страны и т. д.

Когда столь же радикальные изменения произойдут во всей практике библиотечного обслуживания, потребуетсЯ принципиально новый подход к его изучению. В этой ситуации в прикладных библиотековедческих исследованиях на одно из первых мест выдвигаетсЯ методология системного подхода.

Повышение роли *МТБ* налагает новые обязательства и на элемент А. Предоставляя абоненту необходимую информацию более полно и оперативно, чем при традиционных способах обслуживания, современные технические средства, в свою очередь, требуют от него значительно большей технической и библиотечно-библиографической грамотности. Улучшение жилищных условий абонентов и развитие технических средств библиотечной работы создают возможность обслуживания непосредственно на дому. Пока что эта тенденция только

намечается, но делать из нее организационные выводы уже можно. В то время как в специальной печати недостаточно высокое качество обслуживания по привычке объясняют, среди прочего, нехваткой в библиотеках читальных залов, в широкой прессе обращают внимание на то, что имеющиеся читальные залы большую часть времени пустуют; и — более того — подчеркивая, что это явление закономерное, предлагают «пожертвовать просторными помещениями читален» ради повышения комфортности обслуживания, в частности, введения кабинетной системы [85]. Характерно, что в странах с высоким уровнем библиотечного обслуживания (особенно в Швеции) этот процесс уже идет.

Развитие связи *МТБ-Б* требует подготовки технически грамотного библиотекаря, знающего производственные возможности машин и оборудования и умеющего их эксплуатировать. Некоторые успехи в этом отношении имеются. Речь идет об образовании в институтах культуры кафедр информатики и технических средств библиотечной работы, создании программы «Технические средства библиотечной работы», подготовке учебного пособия по этому курсу, разработке комплекса программ функциональных специализаций «Библиотекарь — проектировщик автоматизированной библиотечной системы», «Библиотекарь — технолог автоматизированной библиотечной системы» и др. Но этим решается только часть проблемы, ведь в понятие *МТБ* входят также вопросы проектирования и эксплуатации библиотечных зданий (помещений), специального оборудования. В этом отношении успехи значительно скромнее, необходимость в разработке этой стороны проблемы и преподавания соответствующего курса в вузах признается в лучшем случае, как факультативная. Парадоксально, но факт: одна составная часть *МТБ* — технические средства, — на которую ранее в вузах не обращалось почти никакого внимания, в течение всего одного пятилетия завоевала свое законное место в учебных планах, тогда как другая, касающаяся зданий и оборудования, традиционно входившая в программы основного цикла спецдисциплин, вдруг оказалась на положении падчерицы.

Поскольку библиотека все более и более становится сложным инженерным сооружением, наряду с библиотекарем — непосредственным организатором и исполни-

телем ведущих библиотечных процессов — в ней все более заметную роль начинают играть работники вспомогательных технических служб, начиная от младшего обслуживающего персонала (уборщиц, гардеробщиц) до инженеров вычислительных устройств, специалистов в области информации, консервации и реставрации фондов и т. д. В связи с этим нельзя признать правильным мнение (например, М. Крилмена, Австралия), будто «всякий, кто работает в библиотеке, есть библиотекарь».

Вопрос о роли и месте вспомогательных технических служб в библиотеке давно ожидает специального библиотекведческого осмысления. В 1973 г. Н. П. Гробовым, в то время студентом МГИК, под нашим руководством была выполнена научная работа «Роль вспомогательных служб в библиотечной работе». В ней показано, в частности, что уже на уровне городских библиотек (теперь филиалы) соотношение библиотечарей и технического персонала составляет почти 1:1. С укреплением библиотек доля лиц, занятых во вспомогательных службах, несколько уменьшается, что объясняется механизацией ряда технических процессов и увеличением доли работников, связанных с обслуживанием читателей. Однако в крупнейших библиотеках процент лиц вспомогательного персонала вновь возрастает. Наибольшего разнообразия и мощности сеть вспомогательных служб достигает в библиотеках-гигантах. К примеру, в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина существует более десяти таких отделов и групп: технический, кадров, планово-финансовый, снабжения, хозяйственный, бухгалтерия и др. Наличие широкой и разветвленной сети вспомогательных служб обусловлено тем, что в библиотеке работают более 2600 сотрудников; она занимает территорию площадью 160 тыс. кв. м, технические коммуникации состоят из 30 км санитарно-технических линий, 150 км силовых и осветительных электрических линий, 50 тыс. электрических точек, 500 моторных установок разного назначения и мощности, 1 электроподстанции мощностью 2400 квт, 1 телефонной станции на 700 номеров. Естественно, что столь обширное хозяйство требует к себе постоянного внимания.

Все более широкое развитие *МТБ* библиотеки усложняет решение принципиально важного вопроса о том,

кого считать библиотекарем. От его решения зависит характер обучения, особенности труда и размер заработной платы и т. д. Так, дискуSSIONEN вопрос о статусе специалистов по реставрации и консервации библиотечного фонда. Во-первых, они специализируются на одной из библиотечных операций, выполняя то, что в менее крупных библиотеках делают непосредственно библиотекари или под их руководством актив—ремонт, переплет книг. Во-вторых, профессия переплетчика отнюдь не является специфически библиотечной, и когда работник занят только этим, вряд ли можно считать его библиотекарем. Но, в-третьих, повседневно имея дело с поврежденной частью фонда, такой работник может обобщить типичные причины порчи книг и дать библиотекарю профессионально библиотечный совет по профилактике повреждений. Иными словами, вопрос о статусе специалистов этого профиля, а также ряд других вопросов — кто должен их готовить, как исчислять стаж их работы и т. д. остаются открытыми.

Некоторые считают, что решить этот вопрос нетрудно: достаточно заменить термин «библиотекарь» на термин «библиотечный работник» [105, с. 34]. Однако такая мера, не решив ни одной из проблем соотношения «чисто» библиотечной специализации со вспомогательными, лишь увела бы библиотековедение от научной разработки одного из актуальных его направлений в сторону бесплодной терминологической полемики. Подход здесь требуется явно более основательный.

Думается, что поиск ответов на этот и подобные вопросы должен составлять предмет не общего, а частного библиотековедения.

Еще один аспект усиления связи *МТБ—Б* состоит в том, что развитие библиотек и технических средств в них неизбежно приводит к специализации функций библиотекаря. В результате фондохранитель, например, устранился от непосредственного руководства чтением. Но на более высоком уровне развития *МТБ* станет возможным возврат к непосредственному контакту библиотекаря и абонента, но уже на качественно иной основе. Внедрение внутрибиблиотечной телевизионной связи позволит вести диалог между фондохранителем и абонентом, вследствие чего может быть уточнен заказ и рекомендовано нужное произведение. Возникнет как бы дистанционный открытый доступ, что особенно важно,

когда непосредственный доступ абонентов в хранилище, по соображениям сохранности, пожарной и биологической охраны фонда, не допускается.

Выводы

Представление о материально-технической базе как родообразующем элементе системы «библиотека» сыграло положительную роль в развитии библиотековедения и библиотечного дела. Особенно благотворно оно сказалось на библиотечной архитектуре, выработавшей рациональные приемы планировки библиотечных зданий и помещений. Основные идеи в области создания библиотечного оборудования также зародились в ту пору, когда господствовало данное представление о сущности библиотеки. Исходя из представления о библиотеке как помещении, оборудовании специального назначения, многие библиотекари и библиотековеды считали своей прямой обязанностью вникать во все детали библиотечной архитектуры и оборудования библиотек. Некоторые из них (В. И. Собольщikov, А. Паници) были одновременно выдающимися архитектурными умами своей эпохи.

В развитии представлений о роли элемента *МТБ* в системе «библиотека» наблюдаются две крайности. Одни специалисты придают ему слишком большое значение, другие, напротив, решительно отвергают. Следствия первой позиции — теория замены всех других элементов системы машиной, предложение считать библиотекведение только технической наукой. Последнее предложение встретило поддержку в перечне специальностей ВАК при Совете Министров СССР, где библиотекведение отнесено в класс технических наук. Но, как вытекает из сказанного выше, это правильно лишь отчасти.

Недооценка элемента *МТБ* на практике приводит к тому, что знаний в области планировки и оборудования библиотечных зданий практически не получают ни студенты вузов, ни учащиеся средних специальных учебных заведений. Из-за этого многие библиотекари решают такие вопросы неграмотно, а это приводит к неэкономному расходованию производственных площадей, ухудшению условий обслуживания абонентов, сохранности фондов, да и труда самих библиотекарей. В свою

очередь, поскольку отсутствуют разработанные библиоковедами профессиональные требования к архитектуре и планировке библиотечных помещений, архитекторы допускают грубые, подчас неустраняемые просчеты при проектировании библиотечных зданий и помещений.

Библиотечковедческая разработка элемента *МТБ* чрезвычайно осложняется необходимостью разграничить сферы компетенции библиотечковедения и смежных наук, особенно техники и архитектуры. Сейчас решение большинства вопросов этого рода библиотечковеды и библиотекари целиком и добровольно передоверили представителям других наук, а сами не располагают даже критерием проверки грамотности такого решения.

По мере развития научно-технической революции роль *МТБ* как составного элемента системы «библиотека» не только не снижается, но, напротив, неуклонно повышается, что создает благоприятные возможности для функционирования остальных элементов системы. Библиотекарям необходимо психологически и профессионально быть готовыми ко все большему вторжению техники в их деятельность. Задача сегодня состоит не в том, чтобы дискутировать по поводу того, является ли *МТБ* атрибутивным элементом библиотеки, а в том, чтобы, приняв это как факт, заняться изучением вытекающих из него и ждущих неотложного решения вопросов.

В первую очередь необходимы следующие меры. На библиотечных факультетах в дополнение к дисциплине «Технические средства библиотечной работы» следует ввести обязательный курс «Библиотечное здание и оборудование». Надо активнее изучать теоретические основы библиотечной технологии, в том числе на диссертационном уровне. Этому способствует разрешение ВАК СССР принимать к защите диссертации по специальности «Библиография и библиотечковедение» на степень кандидата не только педагогических, но и технических наук. В таком разрешении видится положительная сторона отнесения библиотечковедения к области техники.

При проектировании помещений и оборудования библиотек важно учитывать перспективы библиотечного строительства, а также основные направления механизации и автоматизации библиотечных процессов, ведь

многие здания будут служить десятилетия, а то и века. За это время могут существенно измениться и функции библиотек, и их оборудование. Обоюдную пользу — и библиотекарям, и архитекторам — принесло бы обсуждение на страницах печати (как библиотековедческой, так и архитектурной) готовящихся проектов библиотечных зданий, широкий обмен мнениями между двумя заинтересованными сторонами. Думается, что одним из обязательных условий окончательного утверждения проектов, в особенности типовых, должно быть заключение библиотекаря (компетентной группы, экспертного совета, некой постоянной комиссии и т. п.).

Результатом научного изучения основных технологических потоков и способов их оптимизации должны стать формализованные данные, пригодные для машинной обработки. При этом на входе должны быть сведения о потребностях и возможностях библиотек, а на выходе — рекомендуемая протяженность, скорость, плотность и другие параметры основных потоков, оптимальная мощность транспортных систем, занятых на доставке книг, абонентских требований или самих абонентов, и т. п. Возможна разработка универсальной формулы, учитывающей взаимосвязи различных параметров. В перспективе, вероятно, будут выработаны международные стандарты на планировку библиотек. Сейчас страны-члены СЭВ готовят нормативный справочник по проектированию и оборудованию библиотек.

Но несмотря на заслуженную критику излишне технизированных представлений о сущности библиотеки как системы, нельзя не видеть, что благодаря этим представлениям была ликвидирована другая крайность — полное отсутствие разработки одного из важнейших аспектов библиотековедения — изучения роли технических средств в библиотеке, перспектив их развития. В этом, безусловно, состоит положительное значение весьма бурной дискуссии конца 60-х гг. о библиотеке будущего, хотя, конечно, хотелось бы, чтобы понимание необходимости библиотековедческого изучения вопросов материально-технической базы библиотек давалось не столь дорогой ценой. О многовековом существовании концепции библиотеки, образованной ее материально-технической базой, не лишне помнить тем, кто не признает библиотековедческого аспекта в проблемах, связанных с *МТБ* библиотеки.

Глава VI

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

При системном подходе следствием целостного рассмотрения объектов является возможность установления критерия эффективности функционирования изучаемой системы [71, с. 49]. Этому вопросу и посвящена данная глава.

Методологические требования к критерию

Правильность функционирования столь сложной системы, какой является библиотека, может быть выведена только путем точного представления об уровне соответствия ее деятельности поставленной цели — иначе — ее эффективности. От того, как понимается эффективность библиотечной работы, зависит выбор основных и вспомогательных ее видов, целесообразность использования тех или иных технических средств, кадровая и финансовая политика библиотеки и др. В связи с этим и возникает вопрос о выборе объективного критерия библиотечного обслуживания.

Относительно понятия «эффективность» среди специалистов нет полного единства. Ее определяют: 1) в социальном смысле, как степень влияния библиотеки на внешнюю среду — общество, выражающуюся в удовлетворении и возвышении прогрессивных духовных потребностей абонентов; 2) как превышение доходов над расходами; 3) как отношение выгод к величине расходов и 4) только как сумму выгод от какой-либо деятельности. Первое определение отражает самое важное, социальное значение эффективности, однако оно практически не поддается количественному измерению. Во втором случае в понятие «эффективность» вкладывается только экономический смысл, тогда как для библиотечного дела более важно оценить эффективность с точки зрения выполнения библиотекой ее сущностных функций. Третье определение относится скорее к коэффициенту эффективности, нежели к самой эффективности. Применительно к нашим задачам более других подходит толкование эффективности в четвертом, функциональном, или технологическом смысле, как «результата-

тивность системы по запланированным характеристикам». Чтобы выразить этот смысл более точно, ограничить его от других дефиниций, некоторые авторы (И. К. Кирпичева) употребляют термин «результативность», исходя, по-видимому, из того, что понятия «эффект» и «результат» близки по смыслу [322, с. 173]. Самым сложным при этом становится собственно определение тех характеристик, по величине которых затем предстоит вычислять эффективность.

Но эффективность дает только количественное представление о функционировании системы, поэтому для полноты картины вводят еще понятие качества. Оно также не имеет однозначной интерпретации в работах различных авторов. В данном случае под качеством понимается нерасторжимая совокупность внутренних и внешних, существенных и несущественных свойств процесса библиотечного обслуживания абонентов. Введение этого понятия позволяет свести к одному, и к тому же выражаемому количественно, два сложных и разнородных понятия, ибо эффективность и качество библиотечного обслуживания начинают рассматриваться как мера результативности функционирования библиотеки. Этой мерой является критерий (от греч. *Kriterion* — мерило для оценки). В дальнейшем, ради краткости, речь ведется о «критерии эффективности», но при этом имеется в виду также и качество библиотечного обслуживания.

Значение теоретического обоснования и практического использования критерия эффективности библиотечного обслуживания непрерывно повышается по мере роста библиотечной сети, фондов, книговыдачи, расширения номенклатуры предоставляемых услуг и т. д. Партия призывает «настойчиво повышать эффективность общественного производства на основе его всесторонней интенсификации, улучшать качество продукции и услуг во всех отраслях» [1, с. 141]. Особую актуальность данная проблема приобретает в настоящее время, когда «требуется совершенствования вся система показателей, лежащих в оценке деятельности министерств, объединений и предприятий, и прежде всего эффективности и качества их работы. Эти показатели призваны соединить воедино интересы работника с интересами предприятия, интересы предприятия с интересами государства, побуждать брать (и, конечно, выполнять) напряженные планы, экономить ресурсы, снижать себестои-

мость и в то же время быстрее осваивать новые виды изделий, выпускать продукцию высокого качества и в нужном ассортименте» [2, с. 60].

Под критерием принято понимать главный признак, по которому один вариант библиотечного обслуживания обеспечивает лучший в сравнении с другими необходимый результат, с меньшими затратами сил, ресурсов, времени и др. Критерий будет верным, только если он вытекает из основной целевой установки системы. Забвение цели, неясное представление о ней лишает библиотечную деятельность целеустремленности, плановости и организованности.

Вследствие сказанного вопрос о выборе критерия относится к числу наиболее трудных в теории библиотечного дела. Как правило, разногласия среди специалистов вызывает не используемый при расчетах математический аппарат, а сама постановка задачи, выбранный критерий — ибо им-то в конечном счете и определяется эффективность решения. Особенно сложно установить количество критериев, необходимых для решения оптимизационной задачи. Часть специалистов считает, что критерий должен быть один, часть — допускает большее их число.

При монокритериальном подходе стремятся выявить все показатели, характеризующие поведение рассматриваемых объектов, и самый важный из них с точки зрения достижения основной цели переводят в ранг критерия. Его оптимальная величина становится своего рода эталоном для сравнения и оценки функционирования системы в целом, а остальные показатели выступают в роли ограничивающих условий.

Поликритериальный подход предполагает достижение одновременно нескольких целей. Он применяется в случаях, когда имеют место совместные действия нескольких независимых друг от друга объектов, эффективность каждого из которых определяется собственным критерием, а в совокупности эти критерии либо противоречивы, либо несоизмеримы друг с другом.

Задача установления критерия эффективности библиотечного обслуживания относится к разряду монокритериальных, ибо функционирование всех элементов — *Д*, *А*, *Б* и *МТБ* — направлено к достижению единой цели. Поэтому здесь действует правило, в соответствии с которым в пределах поставленной задачи

критерий обязательно должен быть единственным и выражаться однозначным числом. Выдвижение одновременно хотя бы всего двух критериев обуславливает логическую противоречивость задачи, вытекающую из противопоставления критериев.

Подход к критерию как к категории, отражающей целевую установку системы, признается всеми библиотековедами, но формулировать цель берутся лишь немногие. Исходя из установки В. И. Ленина, Н. К. Крупская предлагала «установить, что такое хорошая библиотека такого-то или такого-то типа. Эти признаки важно точно зафиксировать, так как они определяют ясно цель, к которой надо стремиться в деле качественного повышения библиотеки» [т. 8, с. 69]. В трактовке понятия «цель» мы солидарны с А. Г. Мамиконовым: «Под целью понимают состояние системы, которого хотят достичь, или те результаты которые желательно получить. При этом целью могут быть как такие состояния или результаты, которых в настоящее время еще нет, так и те, которые уже достигнуты, но желательно их сохранить» [174, с. 26]. Цель раскрывает социальную роль, классово-историческую сущность, определяет направление, содержание, формы и методы библиотечной работы. Таким образом, определение цели — вопрос стратегического характера.

Н. К. Крупская на протяжении всей своей деятельности по руководству библиотечным делом настойчиво требовала — дать читателю нужную книгу в нужный момент [т. 8, с. 494, 620 и др.].

Общую установку Н. К. Крупской современные исследователи конкретизируют по-разному, называя от одной цели (О. С. Чубарьян, Н. С. Карташов) до пяти (Л. И. Куштанова).

Так, О. С. Чубарьян считал целью коммунистическое воспитание трудящихся и содействие общественному производству [344, с. 49]. Н. С. Карташов полагает, что целью работы библиотек (по крайней мере, научных) является максимальное удовлетворение информационных запросов ученых и специалистов [130, с. 55]. Этот взгляд прогрессивен в своей основе, но не отражает требования оперативности удовлетворения запросов. Между тем анкетный опрос абонентов 9-ти научных библиотек показал, что быстрота получения

литературы — самый весомый стимул посещения библиотеки [92, с. 24].

Кроме того, ориентация только на запросы (а не на объективные потребности) ведет к принижению идейно-политической и педагогической функций советской библиотеки.

С нашей точки зрения, генеральная цель работы советских библиотек всех типов и видов — всестороннее, полное и своевременное удовлетворение растущих прогрессивных потребностей советского абонента в книге. Эта цель вытекает из общей цели более высокого порядка — общей цели всего коммунистического воспитания. Наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей Конституция СССР провозглашает высшей целью общественного производства.

Такая трактовка сближает библиотечное дело с педагогическим процессом. А. С. Макаренко писал, что цели воспитания вытекают «из наших общественных наук, из стремления советского народа, из целей и задач нашей революции, из целей и задач нашей борьбы... Мы должны стремиться всех людей... воспитывать в наибольшем приближении к нашему коммунистическому идеалу» [170, с. 342]. Но педагогика ориентируется только на духовные потребности личности [209, с. 30], а библиотечное дело (опосредованно) еще и на материальные. Это достигается неуклонным повышением роли библиотек не только в коммунистическом воспитании трудящихся, но и в научно-техническом прогрессе.

Что касается библиотек буржуазного общества, то по отношению к ним предлагаемый критерий применим лишь постольку, поскольку потребности их абонентов совпадают с общечеловеческими целями созидания, мира и прогресса. В других случаях вопрос о критерии автоматически становится некорректным, ибо обслуживание, имеющее противоположную нацеленность, несовместимо с понятием эффективности и качества.

По мнению многих специалистов, разделяемому и автором настоящей работы, критерием можно признать лишь такой показатель, который обладает способностью количественно и однозначно отражать степень достижения системой поставленной перед ней цели. Другие полагают, что «критерий отражает качественную определенность процессов работы. Количественную же

сторону характеризуют показатели. Различие между критерием и показателем состоит в том, что первый — сам принцип, мерило оценки, второй — инструмент этой оценки» [134, с. 210]. Недостаток подобного подхода, на наш взгляд, состоит в том, что при нем критерий лишается главного своего достоинства — свойства измерения. Вместе с тем представляется плодотворной мысль о том, что показатели — подчиненные по отношению к критерию понятия. Мы исходим из того, что критерий может, в свою очередь, состоять из комплекса различных показателей: первостепенных, второстепенных, третьестепенных и т. д. Практическое значение критерия, не поддающегося численному выражению, невелико. Таковы, например, степень комплексности чтения [121, с. 42], конкретные положительные изменения в сознании и поведении читателей [128, с. 49] и др.

Критерий эффективности должен иметь непосредственную связь с тем процессом, который им оценивается. Это требование не всегда выполняется. Так, неправильно измерять эффективность методической деятельности «не числом выездов и составленных методических пособий, а тем, сколько привлечено новых читателей, как растет выдача лучших книг» [187, с. 5]. Столь же несостоятельно оценивать, скажем, деятельность научно-технической библиотеки по результатам выпуска продукции обслуживаемого ею предприятия. Между тем такая ошибка была широко распространена в начале 60-х гг. Время от времени ее повторяют и современные специалисты. Проистекает она из упрощенного, прямолинейного понимания известной ленинской фразы: «...надо, чтобы наша пропаганда, наши руководства, наши брошюры были восприняты народом на деле и чтобы результатом этого явилось улучшение народного хозяйства» [т. 44, с. 175]. Хозяйственное строительство всегда было и остается одной из главных сфер идеологического, пропагандистского воздействия партии. Но из марксистско-ленинского учения следует, что идеология воздействует на экономику, на производство не прямо, а через опосредствованные звенья и связи. Действительно, использование литературы редко бывает адекватно результату: иногда одна единственная работа может натолкнуть исследователя на разработку предложения, дающего высокую прибыль; в другом

случае — десятки и сотни трудов сознательно используются ради гораздо меньшего эффекта. Достижения гуманитарных наук вообще не поддаются измерению. К ним приложимы слова К. Маркса о непроеизводительной сфере вообще: «Здесь определение количества труда, требующегося для получения определенного результата, является столь же гадательным, как и самый результат» [т. 26, ч. 1, с. 261]. Кроме того, данный подход ориентирован только на прагматическую функцию, но ведь кроме нее библиотека выполняет еще ряд социальных функций. Не следует также забывать, что в приведенном выше ленинском высказывании речь идет о результате, а не о критерии. В частности, именно во избежание терминологической путаницы мы не употребляем термин «критерий результативности».

Критерий должен позволять объективно анализировать библиотечную деятельность в масштабе как одной отдельно взятой библиотеки, так и любой их группы вплоть до общегосударственного, международного или даже всемирного масштаба. Некоторые авторы, правда, полагают, будто «нельзя с одних и тех же позиций оценивать деятельность научных библиотек различных типов и даже отдельной библиотеки» [130, с. 53]. Однако такой подход ведет к отказу от разработки какого-бы то ни было критерия эффективности, к утверждению, что всеобъемлющий критерий вряд ли когда-либо будет найден [41, с. 31]. Не случайно поэтому, что, противореча собственному тезису, те же авторы с успехом разрабатывают именно такие единые позиции.

Наша точка зрения сводится к тому, что наличие общего критерия не препятствует существованию ряда частных, распространяющихся на отдельные типы, виды библиотек или участки их деятельности. Так, несомненной заслугой Н. С. Карташова является классификация критериев различных областей библиотечной работы — идеологической, работы с читателями, уровня их обслуживания, экономической эффективности и др.

Один (единственный) критерий должен отражать один (единственный же) вид деятельности. Коль скоро в библиотечной работе вычленяются различные, хотя и связанные между собой процессы, то по каждому из них возможен свой, но все равно единственный, критерий. К примеру, для библиотек, ведущих методическую и научную работу, возможны самостоятельные критерии

эффективности методического руководства и научных исследований. При этом ни тот, ни другой не будут совпадать с критерием обслуживания абонентов. Деятельность национальных библиотек, направленная на вечное хранение печатной и аналогичной по назначению продукции, должна оцениваться по отдельному критерию, несоизмеримому с критерием эффективности обслуживания абонентов.

Если не учитывать данное правило, методологические ошибки неизбежны. Например, М. П. Кирюхин и А. Б. Кац в ряде случаев отождествляют понятия «обслуживание читателей» и «библиотечная работа» [137]. Это привело к противоречивости и неточности основных положений их статьи. Так, в показатель текущих затрат на обслуживание читателей они включили не имеющий к нему прямого отношения показатель расхода средств, отпускаемых на командировки и служебные разъезды [137].

В данной монографии речь идет преимущественно о критерии эффективности библиотечного обслуживания абонентов — поскольку эта функция является всеобщей для абсолютного большинства библиотек технологической функцией. При этом «эффективность библиотечного обслуживания» четко отграничивается от более широкого понятия «эффективность библиотечной работы».

Критерием должен производиться качественный и количественный анализ библиотечной деятельности в их единстве. Некоторые авторы, правильно полагая, что критерий эффективности предназначен для измерения качества библиотечного обслуживания, тем не менее не видят диалектического соотношения между количеством и качеством работы библиотеки, и необоснованно отводят количественным параметрам всего лишь роль статистической отчетности [61, с. 12]. Иногда, признавая правомерность количественного выражения качества, все же делают оговорку, что «качество в данном случае надо понимать несколько условно», и, мол, точнее было бы говорить о количественном выражении интенсивности библиотечной работы [76, с. 67]. При этом не учитывается то важное обстоятельство, что качество невозможно измерить иначе, как только количественным путем, и что количественные параметры, в частности статистическая отчетность, имеют существенное значение для оценки библиотечной деятельности.

Между качеством и количеством существует диалектическое единство. Часто встречающееся в литературе противопоставление этих категорий методологически не состоятельно. Высокие количественные показатели достижимы лишь при вдумчивой работе с абонентом, глубоком изучении его потребностей и их адекватном отражении в библиотечном фонде, умелой пропаганде книги, оперативной борьбе с задолженностью и т. д. Если же библиотекарь будет бездумно стремиться к увеличению, например, книговыдачи без должного изучения потребностей абонента и непрерывно меняющихся задач библиотеки, то это очень скоро приведет к несоответствию состава и величины фонда истинным информационным потребностям, и, следовательно, снижению количественных показателей, в первую очередь, той же книговыдачи.

Реальная ценность критерия зависит от его всесторонней обоснованности. Это означает, что предварительным условием его применения является доказанность того, что в качестве основного признака выбрана действительно самая главная сторона анализируемого явления.

Критерий должен быть конкретным, доступным для использования его в повседневной практической деятельности библиотеки. Между тем некоторые специалисты такую «осязаемость» критерия склонны считать недостатком [61, с. 12]. Речь, однако, должна идти не об эмпиричности или неэмпиричности критерия, а о том, насколько адекватно тот или иной «эмпиричный» критерий отражает деятельность библиотек.

Полнота обслуживания абонентов как общий критерий эффективности

Можно предположить, что в общем случае необходимость в пользовании библиотекой возникает тогда, когда у личности появляется потребность, удовлетворить которую она считает возможным посредством именно библиотечной книги (подразумевая под таковой любую разновидность документа). Абонент (реальный или потенциальный) полагает, что, во-первых, библиотека в состоянии это сделать, и, во-вторых, сделать быстрее и с меньшими материальными и моральными издержками, чем другие возможные источники — лич-

ная библиотека или библиотека знакомых, книжный магазин, орган информации и т. д.

Когда требующуюся книгу можно получить и из библиотеки, и из книжного магазина, то вопрос о том, как поступит абонент, зависит от того, на какое время и как срочно книга нужна ему.

Многие библиотекари, будучи совершенно уверены, что книга непременно в библиотеку поступит (например, по системе платного обязательного экземпляра), все же идут на увеличение дублетности, срочно приобретая издание, единственно ради оперативности доведения его до абонента. Информатики доказывают, что если время ожидания расценивается потребителем информации как слишком длительное, он обращается в менее полный, но более оперативно обслуживающий СИФ [139, с. 10], т. е. соглашается, ради сокращения времени, на снижение полноты и точности выдаваемой информации [184, с. 53].

Таким образом, в сущности, абонент судит о качестве работы библиотеки по полноте удовлетворения запросов и уровню библиотечного сервиса, под которым понимается бесплатность обслуживания, оперативность, разнообразие других услуг, предоставляемых библиотекой. Две эти главные характеристики — степень удовлетворения потребностей абонента в документе и уровень комфортности — составляют содержание понятия «полнота обслуживания» (П)¹, которое мы и выдвигаем на роль общего критерия эффективности и качества библиотечного обслуживания.

При этом собственно удовлетворение потребности на книгу и библиографическую информацию, достигаемое необходимой полнотой фондов и информации о них, — первое и главенствующее требование, ибо при его невыполнении все остальные факторы лишаются смысла. Ограничивающими условиями выступают трудовые, материальные и финансовые возможности библиотеки.

Каждая из названных характеристик, в свою оче-

¹ В информатике помимо показателя полноты (информационного поиска) имеется обратно зависящий от нее показатель точности поиска. На наш взгляд, этот показатель излишен: полной считается лишь выдача пертинентного документа, в противном случае возникает ошибка в работе системы и получаемый результат не имеет отношения к полноте.

редь, может опираться на группу показателей, в совокупности отражающих различные стороны деятельности библиотеки. Этим создается непротиворечивое иерархическое дерево показателей (рис. 5). Из графа видно, что общий критерий охватывает всю совокупность процессов обслуживания.

Будучи освещенной в печати [281, 288], данная точка зрения вызвала большое количество разнообразных

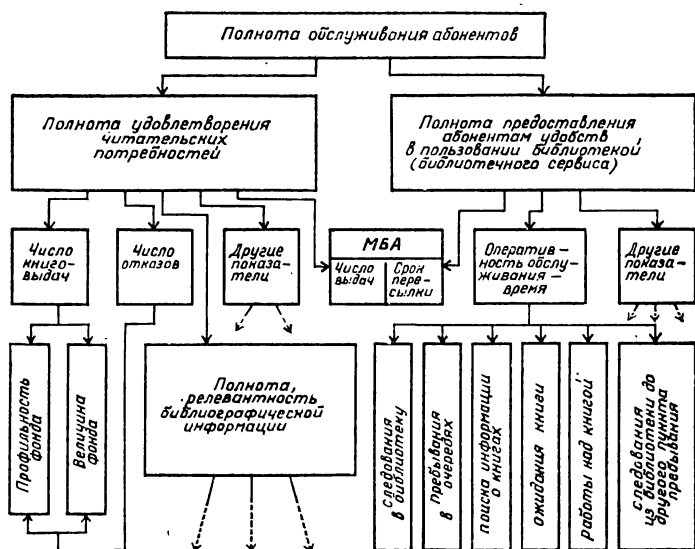

Рис. 5. Соотношение критерия и показателей библиотечного обслуживания.

откликов — от решительного ее неприятия [346, с. 34] до полной поддержки [128, с. 50]. Между этими двумя полюсами находятся те авторы, которые признают нашу позицию с оговорками.

Первая составляющая критерия — полнота удовлетворения читательских потребностей² — фактически не встретила возражений и внедряется в практику. Сложнее обстоит дело с уровнем культуры обслуживания абонентов (библиотечный сервис). Так, К. М. Рома-

² Точнее было бы говорить о потребностях абонентов библиотеки. Выражение «читательские потребности» в данном случае — не более, чем дань традиции.

новская, соглашаясь с ним в сущности, оценивая его как «весьма соблазнительный», признавая, что «более полной оценки деятельности... библиотеки трудно себе представить» [237, с. 9], тем не менее отвергает его на том основании, что уровень культуры обслуживания не поддается количественному измерению. Здесь возражение вызывает сама методологическая концепция автора. Тот действительно имеющий место факт, что современное библиотековедение еще не в состоянии формализовать все слагаемые того или иного критерия, принципиально не дает основания отказываться от него. Правильный путь состоит в том (коль скоро самый критерий признается верным), чтобы сосредоточить усилия на выработке методики расчета слагающих его показателей. Вопрос же о приемлемости или неприемлемости самого критерия должен решаться в зависимости от его теоретической правильности или необоснованности, доказательности или необоснованности.

Более справедливо замечание Н. С. Карташова, что уровень библиотечного сервиса сам по себе является не критерием эффективности, а одним из условий надлежащей организации библиотечного дела [134, с. 215—216].

На культуру обслуживания (библиотечный сервис), как на одно из важных условий правильной постановки библиотечной работы, обращал внимание еще В. И. Ленин. Наряду с другими факторами он отмечал: «Разумная постановка образовательного дела измеряется тем... какие удобства предоставляются *большинству населения*» [т. 23, с. 349]. В другой работе он призывал ставить библиотечное обслуживание широких читательских масс так, как это «делается в культурных странах *в частных* библиотеках и читальнях для *богатых* людей» [т. 35, с. 132]. Н. К. Крупская также подчеркивала: «Советская власть старается ставить научных работников в исключительно благоприятные условия работы. Ни одной минуты не можем мы забывать, что одним из важнейших условий научной работы является образцовая постановка научных библиотек» [т. 8, с. 450].

Понятие «уровень комфортности» или «культура обслуживания» объединяет группу факторов, сформулированных Н. С. Карташовым в 1969 г.: оперативность приобретения, обработки произведений печати и удов-

летворения читательского запроса, оперативность связи с другими библиотеками и информационными службами, быстрота доставки от них необходимых материалов. К этому можно добавить возможно более быстрый поиск требуемой литературы, удобные часы работы библиотеки, правильная планировка и оборудование ее помещений, нормальная освещенность и т. п. Представить все эти факторы в числовом выражении непросто (К. М. Романовская права), однако при некоторых допущениях все же возможно. Для этого необходимо выделить самый существенный из них, поддающийся к тому же количественному выражению. Им при ближайшем рассмотрении оказывается экономия читательского времени.

Показателю времени, применительно ко всем сторонам общественной жизни, исключительное внимание придавали основоположники марксизма-ленинизма. К. Маркс писал: «Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени. Всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени» [т. 46, ч. 1, с. 117]. Для В. И. Ленина то, «как быстро удовлетворяется любое требование на книгу» [т. 23, с. 348], было важным показателем качества библиотечной работы.

Н. К. Крупская также высоко ценила умение «быстро подать книгу в неудобном помещении» [т. 8, с. 663—664], «дать вовремя наиболее нужную книгу» [т. 8, с. 494] и т. д.

В последних документах ЦК КПСС о библиотечном деле оперативное обеспечение научно-технической информацией специалистов народного хозяйства рассматривается как составная часть главной задачи библиотек [5, с. 16].

Библиотековеды вплотную подошли к изучению данного показателя лишь в самые последние годы. В 1972 г. И. М. Фрумин характеризует экономию времени как «ведущий показатель культуры обслуживания читателей, всей постановки библиотечного дела» [321, с. 37]. Л. З. Амлинский и А. С. Сокальский называют ее основным критерием эффективности библиотечных процессов [269, с. 7]. А Н. С. Карташов связывает оперативность со всеми вообще сторонами обслуживания абонентов [134, с. 218—219]. Заметим, кстати, что

этим правильным тезисом Н. С. Карташов лишний раз доказывает наше право переводить один из показателей в ранг наиболее важного, чем позволяет отвести упрек в неправомерности рассматривать уровень библиотечного сервиса как критерий эффективности библиотечного обслуживания [281, 289].

Признают этот критерий и зарубежные специалисты.

Учитывая, что методика расчета общего и каждого из частных критериев обстоятельно раскрыта нами в печати и получила довольно широкую известность, ограничимся лишь конспективным ее изложением.

Принципиально полнота удовлетворения читательских потребностей в библиотечной книге (P_n) определяется как отношение удовлетворенных пертинентных (соответствующих потребности) заявок к общему их числу. Вероятность полноты удовлетворения читательских потребностей $P(P_n)$ можно представить в виде формулы

$$P(P_n) = \frac{B}{B_n} \quad (B \leq B_n),$$

где B — количество пертинентных книговыдач;

B_n — количество пертинентных требований. При этом единицы измерения B и B_n должны быть идентичными.

По нашему мнению, оптимальной можно считать полноту удовлетворения запросов фондами одной отдельно взятой библиотеки, равную, как правило, $0,75 \div 0,85$ (или $75 \div 85\%$).

Объясним эту величину. Общепризнанная необходимость относительной полноты комплектования обуславливает также не исчерпывающую (сто процентов), а относительную полноту удовлетворения читательских потребностей. Практически это означает, что библиотека обязана удовлетворить своими фондами большинство заявок по своему профилю, а для остальных вправе использовать всю систему библиотек. Даже вузовские библиотеки, комплектующиеся с наибольшей экзemplарностью, все же приобретают пользующиеся максимальным спросом издания — учебники — в соотношении 1:2 к числу студентов.

Конкретную величину обеих частей можно рассчитать на основе закона С. Брэдфорда, который гласит, что для того, чтобы собрать в одном месте 100% информации по какому-либо вопросу, требуется в десятки раз

(точнее — более чем на порядок) больше первоисточников, чем для сбора 75—85% этой же информации. Действие закона распространяется не только на периодические, но и на другие виды изданий [185, с. 96].

Достижение P_n равной $0,75 \div 0,85$ силами одной отдельно взятой библиотеки возможно лишь при наличии достаточного по величине фонда, укомплектованного с учетом задач этой библиотеки и интересов ее абонентов. Если фонд библиотеки обеспечивает $P_n > 0,75 \div 0,85$, это свидетельствует о его избыточной полноте, а при $P_n < 0,75$ — недостаточной. При недостаточной полноте велика доля неудовлетворенных потребностей, а при $P_n > 0,85$ трудовременные и материальные затраты на обслуживание становятся тем более непропорциональными получаемым результатам, чем больше этот показатель приближается к единице. Библиотеку, стремящуюся к безотказному удовлетворению читательских потребностей только собственными фондами, можно упрекнуть в неразумной обособленности, игнорировании информационных ресурсов остальных частей библиотечной системы страны.

Выдвинутый критерий позволяет сравнивать деятельность всех без исключения библиотек. Так, в сельских библиотеках СССР полнота удовлетворения запросов (P_a) имеет следующий вид: $P_a \cong 0,81 \mp 0,07 \div 0,13$ (вычислено по 145, с. 88). Бóльшая P_a (82—86%) наблюдается в отношении общественно-политической и отраслевой литературы. Гораздо ниже P_a на техническую (68%), художественную, мемуарную, научно-популярную литературу, книги в помощь любительству (70%).

По тому же методу P_a Британской библиотеки — одной из крупнейших в мире — составляет 0,84, т. е. имеет оптимально допустимую величину. P_a МБА этой библиотеки несколько ниже — 0,66 (вычислено по 393. р. 10).

Для нашего анализа важны не сами эти цифры, а возможность их сопоставимости на самых различных уровнях, т. е. доказательство, с одной стороны, универсальности, а с другой — предельной конкретности и простоты предлагаемого показателя. Мы рассматриваем эти обстоятельства как веские аргументы в пользу его внедрения в библиотечную практику.

Показательно, что в практике библиотек и библиотечных систем любого ранга и уровня $P_n > 0,8$ почти не

встречается. Приведем несколько свидетельств. «Даже при использовании совокупности фондов советских библиотек можно удовлетворить не более 80% запросов читателей на иностранную литературу» [46, с. 68], «число не удовлетворенных зарубежными библиотеками запросов не уменьшается, держась на уровне 18%»; в течение года информационные запросы ученых Сибири примерно на 30 процентов удовлетворяются литературой, полученной... по МБА. Хорошая корреляция теоретически вычисленного показателя с бытующим на практике доказывает правильность и достижимость предлагаемой величины.

Поскольку потребности абонентов удовлетворяются фондами не только собственной, но и других библиотек, показатель P_n в конечном счете должен стремиться к единице: $P_n \rightarrow 1$.

Однако общий критерий все же не применим для расчета частных показателей библиотечной работы, поскольку они базируются на иных основаниях и требуют специфической методики определения. К примеру, обоснованные нами применительно к массовым библиотекам показатели оптимальной книгообеспеченности, читаемости, обращаемости, величины фонда выведены на основе их собственных закономерностей. Они согласуются с общим критерием эффективности лишь постольку, поскольку не противоречат ему; можно полагать, что при их достижении показатель P_n также будет находиться в оптимальных границах. Но возможности обратного построения (оптимальной величины частных показателей исходя из общего) мы пока не видим, хотя перспектива таких расчетов исключительно заманчива.

Перейдем к критерию оперативности. Принципиально говоря, абонент вправе потребовать то или иное издание в момент выхода его в свет. В этом случае время ожидания будет равно нулю. Однако практически проходит довольно длительное время, пока издание доходит до библиотеки (в среднем от двух-трех месяцев до полугода), обрабатывается (еще месяц-два). Документ, имеющийся в фонде, также пока не доставляется мгновенно, и абонент непроизводительно тратит время на: путь до библиотеки и обратно, разыскание, заказ, получение издания, переписывание нужных частей текста, сдачу использованного источника.

Таким образом, картина непроизводительной траты читательского времени получается довольно сложной. Тем не менее показатель оперативности поддается количественному измерению. Так же, как показатель полноты удовлетворения потребностей в книге, он имеет универсальную единицу измерения — время (часы или минуты), пригодную для сравнения по этому критерию деятельности каких угодно библиотек. Общее правило здесь таково: чем меньше непроизводительное время абонента (T_n), тем при прочих равных условиях выше уровень его обслуживания. В целом же такое время должно стремиться к нулю: $T_n \rightarrow 0$.

Оно действительно минимально, если абонент пользуется, например, автоматизированной системой с видеотерминальными устройствами. Во всяком случае, все библиотеки вместе и каждая в отдельности должны стремиться к немедленному удовлетворению читательского запроса. Конечно, это сложная задача. Даже в фантастических произведениях, рисующих далекое будущее, на удовлетворение запросов автоматизированными библиотеками авторы отводят десятки минут [см., напр.: 251, с. 180].

Но и у традиционных библиотек есть немалые резервы. В качестве конкретной меры по реализации выказанного соображения можно предложить методическим центрам разработать для библиотек разных типов нормативы времени ожидания имеющейся книги и ориентировать библиотекарей на неуклонное его сокращение по мере развития библиотечного дела.

В общем случае вероятность того, что абонент получит необходимый документ в минимально короткий срок, или (что то же) что время его работы над документом будет полезным, должна стремиться к единице: $P(T_n) \rightarrow 1$.

Возможности сокращения времени имеются буквально на каждом этапе пути книги от типографии до абонента. К примеру, бесплатный обязательный экземпляр поступает в библиотеку раньше, чем книга — в магазины. Одним только этим экономится около половины всего времени, затрачиваемого на путь книги от типографии до библиотечной полки. Правильное размещение библиотечной сети, приближение библиотек к населению (на важность такого приближения, как известно, прямо указывал В. И. Ленин) — еще один резерв со-

кращения непроизводительного читательского времени. Здесь перечислены, конечно, далеко не все возможности.

Практическое применение предложенной формулы изучалось на примере Государственной центральной научной медицинской библиотеки АМН СССР.

Исследование подтвердило принципиальную возможность количественного выражения эффективности обслуживания абонентов по критерию «время», относительную простоту и надежность формулы. Ценность такого рода количественного анализа и в том, что он дает возможность выявить «узкие места» в процессе обслуживания и ликвидировать их на научной основе.

Если известна вероятность ожидаемой полноты удовлетворения потребности и вероятность того, что все время работы абонента над документом будет полезным, то вероятность функциональной эффективности и качества обслуживания абонентов библиотеки $P(\Pi)$ будет равна произведению вероятностей Π_n и T_n .

$$P(\Pi) = P(\Pi_n) \cdot P(T_n).$$

Эту зависимость можно выразить и численно, в виде матрицы, где по горизонтали отмечены значения $P(T_n)$, по вертикали — значения $P(\Pi_n)$, а на пересечении горизонталей и вертикалей — значения $P(\Pi)$ (табл. 5)³.

Таблица 5

Матрица зависимости $P(\Pi)$ от величины $P(\Pi_n)$ и $P(T_n)$

$P(T_n) \backslash P(\Pi_n)$	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9	1,0
0,1	0,01	0,02	0,03	0,04	0,05	0,06	0,07	0,08	0,09	0,1
0,2	0,02	0,04	0,06	0,08	0,10	0,12	0,14	0,16	0,18	0,2
0,3	0,03	0,06	0,09	0,12	0,15	0,18	0,21	0,24	0,27	0,3
0,4	0,04	0,08	0,12	0,16	0,20	0,24	0,28	0,32	0,36	0,4
0,5	0,05	0,10	0,15	0,20	0,25	0,30	0,35	0,40	0,45	0,5
0,6	0,06	0,12	0,18	0,24	0,30	0,36	0,42	0,48	0,54	0,6
0,7	0,07	0,14	0,21	0,28	0,35	0,42	0,49	0,56	0,63	0,7
0,8	0,08	0,16	0,24	0,32	0,40	0,48	0,56	0,64	0,72	0,8
0,9	0,09	0,18	0,27	0,36	0,45	0,54	0,63	0,72	0,81	0,9
1,0	0,10	0,20	0,30	0,40	0,50	0,60	0,70	0,80	0,90	1,0

³ Ранее мы считали, что критерий Π представляет собой частное от деления Π_n на T_n . На ошибочность этого мнения указал д-р техн. наук Н. Г. Алексеев, за что мы приносим ему, пользуясь случаем, благодарность. Его замечание побудило нас вести поиски да-

Этот критерий отвечает всем методологическим требованиям: он соответствует цели библиотечного обслуживания, может быть выражен количественно, однозначно интерпретируется, непосредственно связан с оцениваемым объектом, позволяет оценить и количество, и качество обслуживания. Он универсален, то есть применим к любым библиотекам, и вместе с тем конкретен, «осязаем»; позволяет охватить весь комплекс работы любой библиотеки по обслуживанию абонентов, сравнивать работу различных библиотек, каким бы многообразием ни характеризовались состав, объем, структура их фондов и запросы абонентов.

Показатели полноты удовлетворения потребностей и оперативности находятся в теснейшей взаимной связи и зависимости. К примеру, в полноте удовлетворения требований абонентов скрыты показатели качества информационной службы и уровня культуры обслуживания; в свою очередь, создание в целях повышения культуры обслуживания, например, фонда и каталога переводов позволяет значительно увеличить полноту фонда, информации о нем и тем самым полноту удовлетворения информационных потребностей.

Как видно из матрицы, достижение высокого критерия эффективности требует оптимальной деятельности буквально всех участков библиотечного обслуживания, ибо даже относительно высокое значение каждого из составляющих критерия в абсолютном большинстве случаев не гарантирует высокую его итоговую величину. Так, при $P(\Pi_n)$ и $P(T_n)$, равных 0,7 каждое, критерий полноты не достигнет и половины желаемого

$$P(\Pi) = P(\Pi_n) \cdot P(T_n) = 0,7 \cdot 0,7 = 0,49.$$

Уменьшение или увеличение показателей T и Π_n всего, скажем, в два раза влечет за собой изменение конечного результата уже не в два, а в четыре раза. Например:

$$\text{при } P(\Pi_n) = 0,8 \text{ и } P(T_n) = 0,8 \quad P(\Pi) = 0,8 \cdot 0,8 = 0,64$$

$$\text{при } P(\Pi_n) = 0,4 \text{ и } P(T_n) = 0,4 \quad P(\Pi) = 0,4 \cdot 0,3 = 0,16$$

$$\text{при } P(\Pi_n) = 0,2 \text{ и } P(T_n) = 0,2 \quad P(\Pi) = 0,2 \cdot 0,2 = 0,04$$

и т. д.

лее и способствовало разработке новой формулы и вытекающих из нее выводов.

С точки зрения системного подхода это объясняется свойством элементов, входящих в развивающуюся систему. Они «могут быть более высокоорганизованными системами, чем сама эта система» [9, с. 36].

Кроме того, из теории надежности известно, что при прочих равных условиях надежность системы находится в обратной зависимости от числа входящих в нее элементов (так, если система состоит из одного элемента, надежность которого равна, скажем, 0,9, то надежность системы тоже равна 0,9. В системе из двух таких элементов надежность составляет уже 0,81, из трех — 0,729, из четырех — 0,531 и т. д.). Отсюда следует еще один вывод: формула эффективности должна состоять из возможно меньшего числа компонентов, ибо чем больше в произведении множителей, образующих Π , тем сложнее достичь ее высокого итогового значения, а при одном (любом) из них, равном нулю, Π также становится нулевой.

Методологические проблемы внедрения критерия в практику

Реализация выдвинутого критерия сдерживается рядом нерешенных теоретических, методических и организационных вопросов.

Перечислим наиболее важные из них.

Ориентация критерия на потребности абонентов вызывает необходимость установления признаков pertinентности абонентского требования. Сложность решения этой проблемы определяется тем, что потребность не всегда адекватна интересам личности, а интерес — запросам на литературу. Кроме того, в среде специалистов нет единства, во-первых, в понимании значения терминов «pertinentность» и «релевантность», и, во-вторых, их роли в библиотечной работе. Как отмечалось выше, некоторые авторы преувеличивают значение запросов, видя смысл деятельности НТБ и органов информации в элементарном удовлетворении спроса, а не потребностей абонентов (потребителей информации).

Библиотекари, действительно, вынуждены строить свои отношения с абонентом преимущественно на основе явления (запросы), о сущности же (потребности) их представление чаще всего интуитивно, приблизительно. Этот недостаток сегодняшней практики не следует,

однако, закреплять теоретически. Важнее сконцентрировать усилия на разработке методов учета потребностей и интересов. Пока же важно правильно подходить хотя бы к той части задачи, способ решения которой известен (а многовековая практика библиотек мира накопила достаточный опыт учета запросов). Тем не менее и этот вопрос еще не решен полностью.

С одной стороны, органы государственной статистики учитывают только одну сторону этого процесса: удовлетворенные требования (книговыдачу). Между тем не менее важна и статистика отказов. Только показатель числа отказов в комплексе с показателями количества книговыдач и обращаемости фонда дает близкую к действительности картину удовлетворения читательских запросов.

С другой стороны, еще немало неточностей в учете самих отказов. Практически ни один из исследователей не учитывает т. н. «скрытые отказы» — когда то или иное необходимое издание не запрашивается в силу того, что абонент заранее уверен в отказе, в отсутствии нужного документа в фонде. Делаются только первые шаги по учету противоположного явления — когда из-за невыполнения по тем или иным причинам запроса с первого раза, абонент вынужден обращаться с ним неоднократно, в силу чего искажается общая картина отказов.

Не всегда учитываются достижения, уже имеющиеся в разработке методики учета отказов, что приводит, естественно, к методологическим и теоретическим ошибкам. Так, забвение Ю. А. Грихановым разницы между понятием «отказ» и «неудовлетворенный запрос» и неточное ведение статистики привело его к выводу, что процент отказов в областных библиотеках составляет всего 1,5% общего количества запросов (с разбросом от 0,4 до 14,2%). Получается, что библиотечные фонды комплектуются почти идеально, коль скоро удовлетворяется 98,5% всех поступающих запросов [92, с. 52]. Зачем же, спрашивается, нужна координация комплектования, уточнение профиля фондов, решение многих других вопросов, поставленных им в диссертации, да и на практике? На самом же деле, как хорошо известно, состояние фондов универсальных научных библиотек и их комплектования еще весьма далеки от благополучия. Решение проблемы осложняется еще и тем,

что номенклатура раскрывающих полноту обслуживания показателей постоянно развивается. Так, В. Т. Осипов и И. Ф. Недопака помимо пертинентности и релевантности вводят еще понятие «подмножество документов, рекомендуемых системой, рекомендованные и нерекomenдованные документы». Назовем это понятие давно известным в библиотековедении термином «рекомендательность». Соотношение этих трех понятий позволяет авторам выделить восемь степеней полноты и точности обслуживания — от выдачи пертинентных, релевантных, рекомендуемых документов до выдачи непертинентных, нерелевантных, нерекomenдованных документов или невыдачи их вообще [202]. В этой классификации привлекает стремление ввести и формализовать понятие, отражающее непосредственные задачи библиотек по обслуживанию читателей, дифференциация степеней полноты. Правда, дальше этого дело еще не идет и здесь, как пользоваться предложениями авторов — неизвестно.

Предлагается также ввести понятия «информационное поле», «информационная среда», «поведение потребителя» и ряд других [135].

Обеспечение полноты обслуживания осложняется и тем, что библиотека должна не просто следовать читательским потребностям, но опережать их превентивным комплектованием своего фонда и развивать в процессе обслуживания.

Значение предложенного нами критерия эффективности возрастет еще более, когда будут найдены приемлемые методы выявления читательских потребностей и интересов.

Поскольку при относительной полноте фонда потребности абонентов объективно не могут быть удовлетворены исчерпывающе, возникает проблема компенсации естественной неполноты библиотечного фонда одной, отдельно взятой библиотеки. На практике известен ряд способов такой компенсации: предложение абоненту равноценного издания, журнального варианта книги, докомплектование фонда в названиях или экземпляренности, организация очереди на книгу, контроль за своевременностью ее возврата, ускорение обработки, расстановки сданных абонентами документов, сокращение срока пользования сверхактивно спрашиваемой литературой и др.

Методологически важно рассмотреть один из главных таких методов — использование фондов других библиотек системы. В настоящее время оно осуществляется в трех формах: 1) обслуживание абонента одновременно несколькими библиотеками; 2) удовлетворение заявок по МБА, ЗА, внутрисистемному (в ЦБС) абонементу; 3) перенаправление абонентов в другие библиотеки. Выше отмечалось, что в ближайшей перспективе появится четвертый канал, который со временем станет, по-видимому, главенствующим (так как отвечает еще и требованию оперативности обслуживания): ретрансляция необходимых текстов по телевизионным линиям связи.

Опуская аргументацию, заметим, что существование всех этих каналов мы склонны признать закономерным (в противовес взглядам отдельных специалистов (В. И. Терешин), будто использование читателями одновременно нескольких библиотек есть аномалия в библиотечном обслуживании).

Конечно, пользование одновременно несколькими библиотеками создает для абонента значительные помехи. И тем не менее, раз это объективно неизбежно, задача состоит не в том, чтобы обеспечить безотказное удовлетворение любой потребности в рамках отдельной библиотеки, а в том, чтобы разумно использовать для этого возможности всей библиотечной системы, определив номенклатуру необходимых абоненту библиотек. Иными словами, библиотечное дело призвано решать не только проблемы «каждому абоненту — свою книгу», «каждой книге — свой адрес», но и «каждому абоненту — свои библиотеки».

Один из способов ее решения — перенаправление абонентов в другие библиотеки в тот момент, когда они приходят записываться в одну из них. Так, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина ежегодно перенаправляет 17,5% абонентов в другие библиотеки. В то же время 8% среди записанных составляют абоненты, не нашедшие нужной им литературы в других библиотеках [273, с. 8].

К сожалению, этому методу пока еще не придается должного значения ни на практике (исключение представляет статья [44]), ни в теории.

Между тем, если существует профилирование библиотечного фонда, то ему, естественно, должно соответ-

ствовать профилирование абонентского контингента. В практике перенаправления, в частности, видится усиление принципа дифференцированного (приоритетного) обслуживания абонентов.

Требование относительной полноты отбора предполагает всемерное развитие единой общегосударственной системы взаимоиспользования фондов библиотек страны. Но при этом удовлетворение основной массы абонентских запросов должно происходить в стенах библиотеки, даже при идеальной системе межбиблиотечного абонементов и координации комплектования, так как обе эти формы по своей природе призваны удовлетворять единичные, относительно редкие запросы. Данное обстоятельство представляется необходимым подчеркнуть особо, ибо подчас МБА рассматривается как наиболее перспективная форма взаимоиспользования библиотечных фондов, благодаря которой в низовых библиотеках функции обслуживания будут резко преобладать над функциями комплектования, обработки, хранения [186, с. 9; 301, с. 41—42].

Набор и качество удобств, предоставляемых библиотекой абоненту, свидетельствует об уровне культуры обслуживания или библиотечном сервисе. Вопрос этот мало исследован в теоретическом плане. Трудно согласиться с точкой зрения, будто он имеет косвенное отношение к основным функциям библиотеки и представляет собой разновидность административно-хозяйственной деятельности. Культура обслуживания в библиотеке не менее важна, чем комплектование, хранение и выдача литературы. Нельзя считать, что библиотека полностью выполняет свою роль, если она подбирает фонд, информирует о нем абонентов, выдает часть его в пользование, но не обеспечивает абоненту эффективных условий для работы. Цель этого значительного этапа процесса обслуживания — предоставить абоненту необходимую литературу в кратчайший срок, в нужной ему форме и притом бесплатно. «Фактор обслуживания» или комфортность оцениваются выше, чем «фактор фонда» или полнота его [см.: 136], составляя самую весомую — 30,4% — долю среди стимулов посещения библиотеки [323, с. 51].

Ассортимент библиотечных услуг постоянно увеличивается. Рост профессиональных и культурных потребностей трудящихся обуславливает необходимость адек-

ватных встречных мероприятий со стороны библиотеки, требует пересмотра канонических рамок традиционного библиотечного обслуживания.

Остановимся на узловых аспектах этой проблемы. На наш взгляд, методологически и практически аналогичная проблема уже решена в ряде отраслей народного хозяйства, и это может послужить примером и образцом для библиотечного дела. Подобно тому как предприятие предоставляет в распоряжение рабочих и инженерно-технических служащих станки, оборудование, инструменты и спецодежду, требуя взамен конечную продукцию в большом количестве и высокого качества, библиотека должна создать максимум условий для эффективной работы своего абонента, освободив его от несвойственных ему как читателю занятий и забот. В идеале библиотека, а не абонент, должна заниматься скоростным копированием материалов, переводом необходимых текстов и так далее, вплоть до доставки абоненту материалов на дом или место работы. Последнее стало правилом, например, в библиотеках американских фирм и промышленных корпораций [см.: 141, с. 16].

Принципиально важно, чтобы максимум технической работы (разыскание шифров, заполнение бланков и т. п.) делал бы за абонента библиотекарь. Подсчитано, что каждый час работы сотрудника НТБ экономит более 8 часов труда квалифицированного специалиста [29]. Нетрудно представить, какой выигрыш может получить народное хозяйство страны в результате еще более широкой замены квалифицированным библиотечным трудом дилетантского поиска литературы абонентом.

Сказанное ни в коей мере не означает отрицания важности повышения библиографической культуры абонентов. По нашим наблюдениям, более 50% запросов, с которыми обращаются к консультанту дети, подростки и юноши, не относятся к числу сложных; достаточно элементарных библиографических знаний, чтобы сделать соответствующие разыскания самостоятельно. Да и абоненты, в первую очередь ученые, считают, что они должны уметь добывать нужные сведения сами. Однако они же подчеркивают, что это, конечно, не значит, что ученому вовсе не нужны помощники в обращении с информацией.

Вот почему, всемерно приветствуя развитие библиотечно-библиографического всеобуча, мы в то же время не считаем, что задача библиотекаря — довести его до столь высокого уровня, чтобы можно было устраниваться от помощи абоненту в выборе нужной литературы. В отличие от В. И. Терешина, мы с осторожностью подходим к лозунгу «каждый читатель — сам себе библиотекарь» [300, с. 6]. По-видимому, от абонента можно требовать только минимального самообслуживания. Показательно, что английские студенты (а студенты наиболее активная социально-демографическая группа абонентов), хорошо усвоившие в ходе специальных занятий методику информационного поиска, спустя два года «не только не знали, как пользоваться рефератами, но и вообще забыли о существовании этого вида источников информации» [162, с. 12].

Теоретически важно определить оптимальные размеры помощи абонентам, ту грань, за которой помощь превращается в подмену абонента библиотекарем. Ведь известно, например, что значительная часть специалистов, пользующихся системой ИРИ, прекращает самостоятельно следить за литературой по своей теме [149, с. 24].

Принципиально важно, чтобы создание абонентам максимальных удобств в пользовании книгой, как и другие виды библиотечного обслуживания, осуществлялись бесплатно. В бесплатности пользования библиотеками В. И. Ленин, как известно, видел принципиальное условие общедоступности библиотек.

Отрицательные последствия платности хорошо видны на примере автоматизированной библиотечной системы МЕДЛАРС: после введения в Швеции и Великобритании платы за получаемую от системы информацию [365] объем обслуживания снизился на 40—75%. Вот почему принципиально нельзя согласиться с теми, кто предлагает ввести плату «как за вход в библиотеку, так и за доставку книг из хранилища» [171, с. 93]. Однако сейчас в научных библиотеках за предоставление некоторых услуг (например, перевод, копирование материалов) с посетителей взимается плата (кстати, везде различная), как если бы абонент пользовался, скажем, столовой при библиотеке. Бесплатно эта работа производится пока лишь в некоторых центрах научной информации, научно-технических библиотеках, а также

при копировании небольших текстов, пересылаемых отдельными библиотеками по МБА.

На первый взгляд, полное бесплатное обслуживание абонентов будет довольно обременительным для государства. Однако не дороже ли обходится время (довольно высоко оплачиваемое!), потраченное научным работником на поиск, ожидание, переписку и перевод многочисленных материалов? По подсчетам одного специалиста в области социально-экономических наук, время, затрачиваемое только на переписывание материалов для одной диссертации, обходится государству в 2 тыс. руб. В год это составляет по стране 200 млн. руб. Этой суммы хватило бы на приобретение множительной техники многими библиотеками страны. Так что те 3—4 копейки, которые берутся с абонента за копирование одного кадра микрофильма или одной страницы текста, вовсе не малая сумма. В ГПНТБ СССР, например, где до 1976 г. стоимость копирования была в два-три раза ниже, чем в других библиотеках, все же всего за три года копировально-множительные аппараты дали примерно десятикратное превышение дохода от их стоимости. Каждый аппарат окупается в среднем через 3—4 месяца, включая стоимость материала и вспомогательных запасных частей. Доля наличного расчета в деятельности библиотечных копировальных служб в настоящее время достигает 40—50%. Задача состоит в том, чтобы полностью освободить абонента от оплаты копий.

Идея полной бесплатности библиотечного обслуживания проводилась нами [284], а также Б. Т. Уткиным [66], писателями А. Б. Чаковским, Р. Г. Гамзатовым, в связи со всенародным обсуждением проекта новой Конституции СССР. Итогом было, как известно, включение в ст. 46 Основного Закона положения о сети бесплатных библиотек как одной из гарантий права граждан СССР на пользование достижениями культуры. Дело теперь за тем, чтобы реализовать это положение Конституции во всей его полноте.

Разумеется, нельзя не учитывать, что в настоящее время библиотеки еще не готовы полностью выполнять заявки абонентов на копирование. Но ограничения на право пользования этим новым видом библиотечных услуг не обязательно должны иметь финансовый характер. Уже сейчас практика вырабатывает иные крите-

рии — приоритет на литературу по прямой специальности абонента; на чертежи, схемы и т. п. материалы, которые нельзя переписать; на иностранные тексты и т. д. По мере расширения возможностей копирования эти ограничения могут сокращаться или вовсе упраздняться. Научные и специальные библиотеки имеют право на часть средств, ежегодно отпускаемых на развитие науки и производства, необходимой составной частью которых они являются. Может быть, передачу этих средств целесообразно осуществлять централизованно. Возможно, каждое ведомство или конкретное научно-исследовательское учреждение могло бы отчислять библиотекам необходимые суммы за перевод, копирование и другие платные операции, связанные с обслуживанием их сотрудников. Возможны и иные организационные формы, квалифицированно это могут решить специалисты в области экономики и государственного планирования. Свою задачу мы видим лишь в том, чтобы обособить потребности библиотек и интересы абонентов.

Повышение уровня библиотечного сервиса должно стать предметом постоянной заботы библиотек и самостоятельных теоретических исследований.

Выводы

Правильно выбранный общий критерий обслуживания позволит библиотекам эффективнее способствовать коммунистическому воспитанию трудящихся и научно-техническому прогрессу в нашей стране. При рассмотрении качества библиотечного обслуживания во главу угла мы ставим социальную эффективность, конечный положительный результат библиотечной работы, достигаемый при возможно более полном соответствии между ее содержанием и формами, с одной стороны, и информационными потребностями — с другой.

Выдвинутый нами критерий вполне согласуется с указанием ЦК КПСС о необходимости оценивать деятельность библиотек не по величине их фондов, а по уровню фактического обслуживания читателей. Кроме того, он отвечает интересам абонентов.

В отличие от критериев других авторов, предложенный нами из области теоретических рассуждений уже шагнул в живую библиотечную практику. Он используется, например, Харьковской научной библиотекой

им. В. Г. Короленко. Полученные с его помощью данные свидетельствуют об оптимальном в целом обслуживании (полнота удовлетворения интересов составляет 77,5%). Критерий позволил выявить «узкие» места (задержка актуальной литературы читальным залом, слабость работы СБА и др. с точной количественной характеристикой каждого недостатка) и принять меры к их ликвидации [75, с. 69].

Критерий применялся также в ряде научно-практических исследований последнего времени [см., напр.: 11, 226, 334].

Конечно, нами рассмотрены далеко не все составляющие критерия эффективности. Не получил освещения, например, такой важный вопрос, как оптимальный охват населения библиотечным обслуживанием, или, скажем, такой частный, как качество самой информации, предоставляемой абоненту. Однако исчерпывающее рассмотрение всех вопросов — непосильная задача для одного исследования. Если утверждаемые в нем генеральные концепции будут приняты советским библиотековедением, разработка такого рода проблем составит содержание следующего этапа.

Критерий эффективности библиотечного обслуживания имеет ранг одного из общих критериев библиотечной деятельности. Это означает, что функционирование каждого родового и производного элемента может измеряться отдельным критерием, хотя и связанным с общим, но имеющим собственный смысл и методику расчета, в зависимости от цели функционирования данного элемента в конкретно-исторических условиях. К примеру, целью функционирования элемента *Д* является достижение соответствия библиотечного фонда задачам библиотек и интересам абонентов. Критериями такого соответствия являются: с количественной точки зрения — полнота фонда, а с качественной — ценность приобретаемого (оставляемого в фонде) документа. В своей совокупности данные критерии обязывают библиотекаря-фондовика стремиться к созданию оптимально полного фонда, соответствующего профилю библиотеки. А такой фонд активно используется абонентами. Иными словами, реализация цели формирования фонда благоприятствует достижению конечной цели библиотечной деятельности — оптимально полному обслуживанию абонентов.

Наивысшая эффективность библиотечного обслуживания возможна при решении библиотеками страны генеральной задачи, определенной в постановлении ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.), — активно пропагандировать политику Коммунистической партии и Советского государства, более полно использовать огромные книжные богатства для образования и воспитания нового человека, ускорения научно-технического прогресса.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что сложный процесс развития теоретических представлений о библиотеке привел к формированию разнородных концепций. Подавляющее большинство из них не дает всестороннего описания сущности библиотеки, хотя и отражает отдельные реальные стороны или характеристики библиотеки как системы. Поэтому отрицание научного значения каждой из таких концепций было бы столь же несправедливо, как и его апология. Дальнейшее познание библиотеки идет по пути критического отбора и диалектического синтеза оправдавших себя теорий в интегрированную картину научного знания, все более полно и адекватно отражающую сущность библиотеки. Наилучшим способом создания такой картины является системный подход, более других отвечающий ленинскому требованию: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления» [т. 42, с. 290], исключая односторонность и субъективизм в исследовании.

Его применение не означает, однако, отрицания традиционного аналитико-синтетического метода, который был и остается продуктивным для исследования ряда проблем, не требующих системного подхода. С его помощью «наука одержала и продолжает одерживать огромное большинство своих побед» [39, с. 15—16] и он «до сих пор сохраняет громадное методологическое значение в научном познании» [39, с. 16, 75].

Итак, что же делает библиотеку библиотекой, т. е. социальным учреждением, предназначенным быть активным помощником партии в деле коммунистического воспитания трудящихся и научно-технического прогресса? Не помещение и оборудование, как думали библиотекари древности и невольно сомкнувшиеся с ними апологеты «библиотеки технотронного общества». *МТБ* создает лишь условия для полнокровного функционирования библиотеки. Не фонд, как полагали специалисты в течение нескольких веков: фонд — это только средство реализации стоящих перед библиотекой задач. Не абоненты, хотя библиотека предназначена для них, и в их обслуживании заключается смысл ее деятельности. И не библиотекарь, хотя он и является «душой библиотечного дела», без которой библиотечный организм мертв. Лишь нераздельный сплав всех названных элементов порождает библиотеку как социальный институт, обеспечивает возможность ее успешного функционирования в обществе. Число этих элементов необходимо и их состав достаточен для того, чтобы библиотека возникла и действовала. Каждый из родовых элементов отвечает требованиям к таковым: он генетически свойствен всем без исключения библиотекам, качественно отличается от других, присущ именно библиотеке. В конкретных исторических условиях библиотека дополнительно обрывает неотъемлемыми (но лишь в этой ситуации!) элементами и функциями, которые на уровне реального явления зачастую кажутся важнее родовых. Таков главный итог проведенного исследования, который может стать ступенькой на пути познания других фундаментальных проблем.

Известно, что любая, сколь угодно развитая теория представляет собой неполное, огрубленное воспроизведение своего предмета. «...Всякая теория, — подчеркивал В. И. Ленин, — в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни» [т. 31, с. 134]. Не составляет, конечно, исключения и данная работа. В ней ставилась задача раскрыть часть «основного, общего» в научных представлениях о библиотеке. Процесс создания таких представлений еще далеко не завершен, он продолжается. Научное познание движется в вечном противоречии между неисчерпаемым богатством свойств объекта (в данном случае библиотеки) и стремлением субъекта

(исследователя) как можно точнее воспроизвести их в системе научного знания.

Данная работа, мы надеемся, при всей неизбежной ограниченности ее содержания будет способствовать некоторому расширению и углублению познания сущности библиотеки как общественного явления. Разумеется, выдвинутые нами новые концепции и гипотезы нуждаются в дальнейшей проверке.

Предложенная здесь картина библиотеки как системы не является единственно возможной. В зависимости от того, какой признак положен в основу образования системы, выявляются различные аспекты системного представления библиотеки. Иллюстрацией этой мысли служат статьи Ю. А. Гриханова «Центральный объект библиотековедения» и Г. А. Жидкова «Системный объект библиотековедения». В первой из них в качестве системообразующего признака выступают составные части библиотековедения как науки, во второй — группы библиотек определенного вида. Г. А. Жидков правильно отмечал, что «в принципе подсистем — элементов системного объекта — можно выделить столько, сколько выявится различных составляющих частей в пределах библиотечной системы... Причем такая дифференциация осуществима по самым различным признакам» [110, с. 69].

Что может дать науке и практике представление объекта как системы? [311, с. 38—40].

Важность такого представления заключается прежде всего в том, что в его рамках факты, накопленные библиотековедением в прошлом, сохраняются, но, преобразуясь и получая новое объяснение, позволяют иначе взглянуть на привычные и всем известные постулаты, положения, и на этой основе происходит выявление сущности библиотеки как объективной реальности. Но, конечно, обнаружением этой сущности задачи библиотековедения как науки не исчерпываются.

Исходя из нашей интерпретации, все процессы и явления, имеющие место в реальной библиотеке, являются предметом библиотековедческого рассмотрения. Однако из всего многообразия связей, которыми они характеризуются, берутся лишь те, которые касаются элементов *А, Б, Д, МТБ*. Другие связи при этом не исключаются из поля зрения библиотековеда, но рассматриваются как смежные.

Это объяснение доказывает, на наш взгляд, что библиотековедение как наука вправе претендовать на относительную самостоятельность, так как имеет собственный и единственный (а не множественный, вопреки широко распространенному мнению), хотя и системный, предмет изучения — библиотеку. Возможно, цикл родственных библиотековедению наук целесообразно объединить в особую группу. Впредь до окончательной проработки этого вопроса можно, в качестве рабочего варианта, назвать эту группу классом эпистемологических, или (для простоты произношения, ибо не в термине суть) информационных наук. Основанием для такого предложения служит установленный и принятый библиографоведами, библиотековедами, информатиками, книговедами факт, что представляемые ими науки основываются, в том или ином варианте, на общих для всех них сущностных элементах «документ» (то есть материализованное знание) и «потребитель» заключенного в документе знания или информации (о разногласиях в трактовке терминов «знание» и «информация» речь шла выше) и связях между ними. В этот класс могут быть включены и иные науки, например, архивоведение, документалистика. Такой подход вскрывает характер взаимоотношений между библиотековедением и смежными науками, не вписываясь в них полностью, оно успешно использует те из добытых в них положений, которые представляют для него интерес.

Думается, что данная концепция кладет конец спорам и неоправданным притязаниям какой бы то ни было из этих наук (включая само библиотековедение) на то, чтобы подчинить себе родственные научные дисциплины. В свете системного подхода становится очевидным, что однозначное отнесение библиотековедения к сфере только книговедения, только педагогики, только информатики и т. д. несостоятельно, что более плодотворно развитие междисциплинарных связей.

Далее, такое представление позволяет получить систему объектов данного рода, т. е. систему как классификацию и установить ее связи с другими классификациями. В рамках проведенного исследования это выразилось в установлении отличий библиотеки от родственных ей социальных институтов, — например, органов научной информации. Первопричина ошибочного предложения слить фонды библиотек и органов

информации, упразднив при этом само понятие «библиотека», состоит в недопонимании природы и сущности как библиотек, так и органов информации. В их деятельности усматривается только общее (действительно имеющее место), но игнорируется особенное — специфические задачи, функции, назначение и т. п.

Но этим перспективы дальнейшего анализа в намеченном направлении, конечно, далеко не исчерпываются. Указанная особенность системного подхода свидетельствует о принципиальной возможности нового теоретического обоснования типологии библиотек на основе некоторых системных признаков, например, по выполняемым ими социальным функциям.

Системное представление позволяет также делать предсказания и открытия. К примеру, на основании произведенного анализа предсказано, что библиотека как социальный организм будет существовать в своем собственном качестве до тех пор, пока общество будет нуждаться в материализации, кумуляции и передаче (в пространстве и во времени) добытого и добываемого им знания, независимо от форм технического воплощения этих процессов, т. е. в течение продолжительного обозримого будущего. Предсказано также появление все новых производных элементов, функций и связей библиотеки, отмирание ряда существующих и т. д. Что касается открытия, новых свойств, законов (закономерностей) библиотечной деятельности, то проведенное исследование в будущем может стать благодатной почвой для них, если защищаемые в нем положения будут приняты библиотековедами.

Благодаря системному подходу становится возможным «математизировать науку» [311, с. 40], применяющую его, или, по меньшей мере (добавим от себя), формализовать ее. Известное изречение о том, что наука достигает совершенства, когда начинает пользоваться математическим аппаратом, «нужно понимать в том смысле, что приемлемы также совершенно точные математические соотношения [которые мы и попытались представить в модели библиотеки. — Ю. С.], не обязательно выраженные в числах. Утверждение, что некий факт можно считать научно установленным лишь в том случае, если он основан на измерениях, должно интерпретироваться следующим образом: альтернативные проявления наблюдаемых атрибутов идентифи-

цированы и соотношения между ними установлены на формальной, точной, но не обязательно численной основе. Короче говоря, нечисленные модели и отношения должны получить равные права с более классическими численными моделями и понятиями» [182, с. 114]. Формализация придает учению о библиотеке мотивированный характер, причем доказательность положений не навязывается откуда-то извне, а внутренне детерминируется сущностью отражаемого объекта.

Значение этого свойства исключительно велико. К примеру, опираясь на формальные аспекты систематизации научного знания, предложенные А. И. Уёмовым [310], можно решить крупный, принципиально важный и долгое время не получавший однозначного решения вопрос о методе библиотековедения (его содержание в данном случае не рассматривается). Согласно концепции А. И. Уёмова такой метод в библиотековедении имеется. При этом:

— библиотековедческое знание образуется в результате применения библиотековедческого метода лишь в самом библиотековедении;

— использование библиотековедческого метода другими науками (например, библиографоведением, информатикой, книговедением) не включает их в состав библиотековедения;

— не всякое знание может опираться на метод библиотековедения;

— в библиотековедении возможно применение не только библиотековедческого метода.

Не углубляясь в разработку данного кардинального вопроса (он заслуживает самостоятельного изучения, а здесь приводится всего лишь как иллюстрация богатейших возможностей системного подхода к решению библиотековедческих проблем), заметим, что системное представление библиотеки заметно приближает библиотековедение к разряду точных наук.

Поскольку понятие структуры не соотносится непосредственно с понятиями содержания и качества системы [10; с. 37], ясно, что в конкретно-исторических условиях набор одних и тех же элементов может образовывать разнокачественные системы, одни из которых будут высокоорганизованными, а другие — менее организованными. Например, сеть советских библиотек — более организованная система, чем библиотеки капи-

талистических стран; отдельные библиотеки и их сети внутри страны также могут быть более организованными по сравнению с другими. Из понятия структуры не выводится прямо ни представление об идеологической направленности функционирования системы, ни характеристика содержания ее функционирования и т. д. Сказанным объясняется, почему затронутые вопросы, имеющие сами по себе исключительную важность, не стали предметом внимания в данной работе. Вместе с тем преимущество принятого подхода видится в том, что отсутствие содержательных ограничений сферы применимости полученных выводов придает им универсальный характер. Разумеется, при конкретизации в каждом отдельном случае они неизбежно оснащаются соответствующим содержанием и формой.

Приведенное пояснение должно предупредить, по нашему представлению, возможные упреки в упрощенном подходе к рассматриваемым проблемам, — к примеру, сведение сложного интеллектуального идеологического и психологического процесса руководства чтением к элементарной связи $B \rightarrow A$. Такой подход объясняется тем, что мы изучаем этот процесс на уровне сущности, а не содержания или формы. Проблема содержания и формы библиотечной работы, исключительно важная в теоретическом и практическом отношениях, достаточно активно разрабатывается советским библиотековедением и в данном случае не является предметом рассмотрения.

Результаты исследования позволят, мы надеемся, укрепить теоретическую основу в решении генеральных задач библиотечного строительства и методологическую базу его прогнозирования.

В ходе исследования была обоснована исключительная важность понятия «библиотечное обслуживание». Выяснилось, что оно охватывает не только связь $A \rightarrow B$, как считалось до настоящего времени, но также связь $A \rightarrow D$, поскольку обслуживание осуществляется документом. Так как этот процесс протекает в материальной среде, в него включается также и ряд связей элемента MTB . Таким образом, теория библиотечного обслуживания приобретает ранг общепублотековедческой.

Стремясь к всестороннему изучению поставленной проблемы, мы сочли необходимым не ограничиваться рассмотрением только ее онтологического и гносеологи-

ческого аспектов, но раскрыть также и праксиологическую сторону. В связи с этим важной задачей стало определение общего критерия эффективности и качества библиотечного обслуживания. Знание такого критерия делает работу библиотеки осмысленной, способствует совершенствованию ее стиля и методов. С его помощью становится действенным управление библиотекой, облегчается составление текущих и перспективных планов. Основная задача расчета данного критерия состояла не столько в нахождении конкретной величины того или иного параметра (хотя по ходу дела она решалась), сколько в обосновании общего методологического подхода к оптимизации основных библиотечных процессов. Такой подход позволит методическим центрам и отдельным исследователям в каждом конкретном случае детализировать критерий, строить нужную систему показателей, определять их рациональную величину.

В случае признания библиотечной общественностью изложенной концепции будет заложено единое понимание сущности библиотеки как системы, т. е. создано международное в своей основе элементарное библиотечное ведение.

Творческое применение марксистско-ленинской идеологии в сочетании с системным подходом дает в руки исследователей то совершенное методологическое оружие, которое делает реальным решение фундаментальных теоретических проблем современного библиотечного ведения.

Представление библиотеки как целостной системы, состоящей из четырех основных элементов, придает ей, как и всякой системе, ряд системных характеристик, или параметров. Их исследование составляет особую задачу, которую мы в данном случае на себя не берем. Думается, что для одной работы достаточно выявления составных частей системы и связей между ними.

Наметим только некоторые аспекты дальнейшего изучения поднятой проблемы. Главное в целостной системе, — подчеркивает известный исследователь категории «система» В. Г. Афанасьев, — ее интегративные качества (Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 21—31). Отсюда первостепенная задача последующих исследователей — установить, какие же свойства, не присущие ни одному из элементов, образующих библиотеку, характеризуют ее саму; как, вследствие чего

возникают эти свойства и как усилить положительные из них, поставить на службу библиотечному строительству общества развитого социализма. Решение этого вопроса позволит отличать «библиотечное» от «небиблиотечного» и тем сохранить качественную специфику библиотеки как социального института.

Как и всякая целостная открытая система (а выше установлено, что библиотека относится к классу именно таких систем), библиотека подвержена влиянию окружающей ее внешней среды (свойство реактивности). Установить механизм этого влияния, определить способы обеспечения устойчивости библиотеки перед возмущающими внешними воздействиями — важная теоретическая и особенно практическая задача, поскольку всякая система неизбежно разрушается, если внешние воздействия оказываются сильнее связей между ее элементами.

Открытая система и сама воздействует на внешнюю среду (свойство активности) и преобразует ее соответственно собственной природе. Происходит это потому, что она в свою очередь является элементом некоторой более общей системы, функционирует в этом качестве и имеет связи с другими элементами. Каков же тот внутренний механизм, который позволяет повысить роль советской библиотеки в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе?

В результате внутри- и внесистемных воздействий исходные элементы претерпевают заметные изменения: нередко одни свойства, присущие элементу до вхождения в систему, теряются, тогда как другие развиваются; приобретаются новые свойства. Задача состоит в том, чтобы обнаружить и классифицировать свойства всех элементов, входящих в библиотеку, а также свойства самой библиотеки; найти способы закрепления и активизации одних, нейтрализации других. Решение этой задачи применительно к элементам библиотеки, т. е. ее частям — сфера, главным образом, частного библиотековедения — библиотечного фондоведения, библиотечного читателеведения и др.

Поскольку свойство целостности означает способность системы как элемента метасистемы вступать в такие взаимодействия, которые приводят к новым качествам, не присущим объектам взаимодействия, очевидно, что понятие целостности библиотечной деятельности находится в прямом соотношении с ее качеством и эффектив-

ностью. А отсюда, из необходимости соотнести и оптимизировать эти явления, вытекает целое новое направление общетеоретических библиотковедческих изысканий, интересное своей сложностью.

Библиотека как целостная система стремится к определенной цели, а цель на каждом этапе развития нашего общества конкретизируется применительно к усложняющимся условиям общественного развития. Но достижение цели происходит, естественно, не само собой. Требуется постоянное всестороннее системное изучение непрерывно меняющейся внешней среды. Библиотека — система целеполагающая, целеустремленная, целенаправленная. Цель — один из важных системообразующих факторов, вот почему так важно определять ее точно и своевременно.

От цели, ставящейся перед системой, зависит также классификация функций, выполняемых ею, типология библиотек, конкретное содержание и формы их работы и т. д.

Не приходится доказывать, как важно найти переход от структуры и функций библиотеки как системы к структуре и функциям библиотеки как реального учреждения. В этом направлении также еще непочатый край работы.

А ведь за пределами даже столь беглой характеристики возможностей изучения библиотеки как целостной системы остались проблемы ее развития, управления ею, десятки других, не менее важных аспектов. Все это свидетельствует об исключительной плодотворности системных библиотковедческих исследований. Они могут проводиться в разных планах, но — повторим вслед за В. Г. Афанасьевым: «Еще и еще раз подчеркиваем: системность имеет прежде всего онтологический аспект, гносеологический же и логический ее аспекты производны от онтологического» [Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 45].

Изучение библиотеки как системы мы предприняли исходя из убеждения, что оно нужно не само по себе, а, в конечном счете, для более эффективного воздействия библиотечной науки на практику.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. 223 с.
2. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. 256 с.
3. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972. 320 с.
4. О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы: Постановление ЦК КПСС от 26 апр. 1979 г. М., 1979. 15 с.
5. О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе: Постановление ЦК КПСС. Май 1974 г. — В кн.: Руководящие материалы по библиотечному делу: Справочник. М., 1975, с. 14—18.
6. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. Т. 1—8. М., 1973—1981.
7. Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти: 1917—1920. М., 1974. 263 с. В надзаг.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.
8. Абрамов К. И. Н. К. Крупская о подготовке библиотечных работников. — Уч. зап./Моск. гос. ин-т культуры, 1971, вып. 21, с. 3—21.
9. Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М., 1976. 188 с.
10. Агудов В. В. Категории «форма» и «структура». М., 1970. 48 с.
11. Амлинский Л. З. Экономическая эффективность механизации и автоматизации библиотечных процессов: (Тез. докл. на V междунар. конф. по строительству, оборудованию и автоматизации крупных и крупнейших б-к). [Б. м., б. г.]. 7 с.
12. Архангельский В. Очерки культурной жизни провинции. — Вестн. культуры и свободы, 1918, № 1, с. 14—16.
13. Асхайм Л. Мы должны быть сами убеждены в своей ценности. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1977, № 1, с. 51—52.
14. Афанасьев В. Динамика социальных систем. — Коммунист, 1980, № 5, с. 56—70.
15. Афанасьев М. Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М., 1968. 383 с.
16. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. 408 с.
17. Афанасьев М. Д. Проблема распространения чтения в социологических исследованиях. — Сов. библиотековедение, 1976, № 5, с. 39—48.
18. Ахалая Т. Н. Проблемы оценки качества каталогов. — В кн.: Систематические и предметные каталоги научных библиотек: Сб. науч. тр./Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1978, с. 67—71.

19. Бабинцев С. М. Общественные библиотеки. — В кн.: Сборник методических статей по библиотековедению и библиографии. Л., 1963, вып. 12, с. 66—109.
20. Балика Д. А. Рецензия на статью Я. В. Ривлина «Методические течения в области истории библиотековедения». — Красный библиотечарь, 1925, № 10, с. 103—104.
21. Балобанова Е. В. Библиотечное дело. Спб., 1901. 38 с.
22. Балобанова Е. В. Библиотечное дело. 2-е изд. Спб., 1902. 39 с.
23. Банк Б., Виленкин В. Рабочий читатель в библиотеке: К вопросу о рационализации педагогической работы в библиотеке. М.; Л., 1930. 86 с.
24. Баранов В. М. Влияние автоматизации библиотечных процессов на функции библиотечаря: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1978. 20 с.
25. Баренбаум И. Е. К вопросу об универсальном определении понятия «книга». — Книга. Исслед. и материалы. М., 1977, сб. 34, с. 5—19.
26. Баренбаум И. Е. Место библиотековедения и библиографоведения в общей системе книговедения. — Книга. Исслед. и материалы. М., 1972, сб. 24, с. 5—22.
27. Баркер Р., Эскарпи Р. Жажда чтения. М., 1979. 208 с.
28. Бачалдин Б. Н. Научно-технический прогресс и библиотека. — Б-ки СССР, 1970, вып. 45, с. 29—45.
29. Белая А. А. Изучение научных коммуникаций в области фундаментальных исследований по химии. — Науч.-техн. информация, сер. 1, 1974, № 3, с. 7—13.
30. Беляева Л. И. О системном подходе к предмету библиотековедения. М., 1978. 12 с. Рукопись. Хранится в научном архиве автора.
31. Беляева Л. И. Проблемы интеграции библиотековедения и психологии: Постановка вопроса. — Б-ки СССР, 1971, вып. 50, с. 55—62.
32. Бессонова Н. Контуры библиотеки будущего. — Библиотечарь, 1980, № 4, с. 50—53.
33. Библиотека. — В кн.: Энциклопедический словарь т-ва «Братья А. и И. Гранат и К°». 7-е изд. соверш. перераб. и доп. Т. 5. М., 1937, стб. 552—556.
34. Библиотековедческие исследования: Методология и методика. М., 1978. 248 с.
35. Библиотечно-библиографическая классификация: Таблицы для массовых библиотек. М., 1977. 439 с.
36. Библиотечные фонды: Учебник для библиотеч. фак. ин-тов культуры, пед. ин-тов и ун-тов/Под ред. Ю. Н. Столярова и Е. П. Арефьевой. М., 1979. 296 с.
37. Біла Г. Д. Вищі курси бібліотекознавства при Державній публічній бібліотеці в Ленінграді. Київ, 1927. 11 с. В надзаг.: Всенародна б-ка України.
38. Блауберг И. В., Садовский В. Н. К проблеме взаимоотношения системного подхода, общей теории систем и системного анализа. — В кн.: Системный анализ и управление научно-техническим прогрессом: (Тез. к теорет. конф.). Москва; Обнинск, 1978, с. 87—91.
39. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. 270 с.

40. Борисов Я. В. Руководство по библиотечной технике: Основы практ. библиотекведения. Спб., 1911. 164 с.

41. Боханевич Е. С. О критериях эффективности комплектования книжных фондов крупнейших универсальных научных библиотек. — В кн.: Комплектование и использование книжных фондов крупных универсальных научных библиотек: Сб. материалов. Л., 1975, вып. 46, с. 9—34.

42. Бочевер А. М. О книге О. П. Коршунова. — Сов. библиогр., 1978, № 2, с. 68—77.

43. Брылов Г., Осьмаков И. Библиотечная работа клуба «Василеостровский металлист». — Красный библиотекарь, 1929, № 2, с. 5—21.

44. Бурлакова Т. П., Рево А. П. Координация работы библиотек — важный шаг в оптимизации обслуживания читателей. — Тр./Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1975, т. 12. Национальная библиотека страны: Проблемы и перспективы, с. 129—139.

45. Вадзинская А. В помощь начинающему библиотекарю. М.; Л., 1928. 99 с.

46. Вайнтрауб И. А., Морозова И. В. Международный абонемент как форма взаимодействия библиотек в обслуживании читателей. — Сов. библиотекведение, 1979, № 5, с. 65—71.

47. Ванеев А. Н. О теоретических проблемах руководства чтением. — Сов. библиотекведение, 1977, № 1, с. 32—41.

48. Ванеев А. Н. Основные закономерности развития библиотечной науки в зрелом социалистическом обществе. — Сов. библиотекведение, 1978, № 5, с. 35—50.

49. Ванеев А. Н. Развитие библиотекведческой мысли в СССР. М., 1980. 232 с.

50. Ванеев А. Н. Развитие библиотекведческой мысли в СССР (1917—1959 гг.): Учеб. пособие. Л., 1976. 151 с. В надзаг.: Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской.

51. Ванеев А. Н. Разработка теоретических проблем руководства чтением в советском библиотекведении. — Тр./Ленингр. гос. ин-т культуры, 1977, т. 33. Теоретические проблемы руководства чтением, с. 5—30.

52. Ванеев А., Гольдберг А. Главный объект библиотечной науки. — Библиотекарь, 1977, № 12, с. 75—76.

53. Ваттер Э. К.-Ф. Библиотека как большая система обслуживания. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1973, № 3, с. 3—10.

54. Вершинин Н. Погребены ли сокровища? — Библиотекарь, 1963, № 6, с. 54—55.

55. Веселова Н. И. Возрастание роли партийных организаций библиотек в руководстве их производственной деятельностью в свете Конституции СССР (на примере партийной организации Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина): Дипломная работа. М., 1978. 68 с. Машинопись. Хранится в учеб. отд. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина.

56. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. 200 с.

57. Винер Н. Я — математик. М., 1964. 356 с.

58. Виноградов В. М. Принципы модернизаций материально-технической базы библиотек. — В кн.: Трето международно съвещание на специалистите от европейските социалистически страни по въпросите на строителството, обзавеждането и механизацията на библиотеките, състояло се от 16 до 20.9.1968 г. в София: Сб. от материали. София, 1968, с. 322—327.

59. Владимиров Л. И. Статус библиотекаря. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1977, № 1, с. 9—13.
60. Власов В. В. О словнике нового издания по библиотечной терминологии. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1978, № 3, с. 23—25.
61. Воверене О. И. Об оценке эффективности информационной деятельности научно-технических библиотек. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1977, № 6, с. 11—17.
62. Волкова Л. Сельская библиотека сегодня. — Библиотекарь, 1978, № 1, с. 70—72.
63. Воробьев Г. Г. Документ: информационный анализ. М., 1973. 253 с.
64. Воробьев Н. А. Культура идет в село. Барнаул, 1964. 76 с.
65. Воронова Т. В. Особенности руководства чтением читателей универсальных научных библиотек. — Тр./Ленингр. гос. ин-т культуры, 1977, т. 33. Теоретические проблемы руководства чтением, с. 88—101.
66. Вчитываясь в проект Конституции. — Библиотекарь, 1977, № 9, с. 8—9.
67. Вялкова И. Т. Проблемы теории и практики общественных начал в библиотечном обслуживании (на примере массовых библиотек): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1974. 25 с.
68. Гаврецкий Д. Библиотековедческий аспект в строительстве библиотечных зданий. — Библиотековедение и библиогр. за рубежом, 1978, вып. 67, с. 52—60.
69. Гаврецкий Д. Сотрудничество библиотекаря с архитектором. — Библиотековедение и библиогр. за рубежом, 1959, вып. 2, с. 225—231.
70. Гарднер Ф. М. Цели и задачи массовой библиотеки. — Бюл. ЮНЕСКО для б-к, 1973, т. 27, № 4, с. 222—227.
71. Гаспарский В. Системная методология: Некоторые замечания о ее природе, структуре и применении. — В кн.: Системные исследования: Ежегодник, 1977. М., 1977, с. 48—60.
72. Гвишиани Д. М. Дialeктика и принципы системного анализа. — В кн.: Системный анализ и управление научно-техническим прогрессом: (Тез. к теорет. конф.). — Москва; Обнинск, 1978, с. 3—14.
73. Гвишиани Д. М. Материалистическая диалектика — философская основа системных исследований. — В кн.: Системные исследования: Методолог. проблемы. Ежегодник, 1979. М., 1980, с. 7—28.
74. Гвишиани Л. А. Некоторые проблемы организации управления современной библиотекой: Докл. на междунар. семинаре «Проблемы управления библиотекой». Москва, 9—11 октября 1979 г. М., 1979. 33 с.
75. Герасименко Р. С., Тараманова К. Д. Причини відмовлень читачам на літературу в науковій бібліотеці. — Бібліотекознавство та бібліографія, 1977, вип. 17, с. 69—74.
76. Герасимов В. «Библиотечная арифметика»: (Показатели работы библиотеки и способы их нахождения). — Красный библиотекарь, 1938, № 8, с. 65—69.
77. Герасимова Л. Н. Библиотечный фонд в системе фондов информационного органа: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1980. 16 с.
78. Герасимова Л. Н. Соотношение научных терминов «библиотечный фонд» и «справочно-информационный фонд». — В кн.: Проб-

лемы упорядочения и стандартизации терминологии библиотекосведения и смежных наук: Сб. науч. тр. М., 1979, с. 17—32.

79. Герман М. М. О педагогических закономерностях в библиотекосведении. — В кн.: Первая учебно-методическая конференция ЛГБИ, 12—13 сент. 1957 г.: Тез. докл. Л., 1957, с. 2—4.

80. Гильман М. Я. Книгохранилище без естественного освещения: Дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1940. 178 с.

81. Гиляревский Р. С. Библиотека будущего в освещении буржуазной библиотечной литературы. — Библиотекосведение и библиогр. за рубежом, 1964, вып. 15, с. 90—104.

82. Гиляревский Р. С. Информатика и библиотекосведение: Общие тенденции в развитии и преподавании. М., 1974. 204 с.

83. Гольддарбейтер Р. Л. Словарь библиотекаря. Пг., 1923. 104 с.

84. Гольдтаммер И. Проблемы методической работы на современном этапе. — Бюл. центров библиотекосведения и науч.-метод. работы соц. стран: IV рабочее совещание... Москва, 1968. М., 1970, ч. 2, с. 105—118.

85. Горбачев Н. Почему пустует книжный дом? — Сов. Россия, 1979, 19 авг.

86. Горбачевский Б. Люди, книги, библиотеки: Науч.-попул. очерки. М., 1963. 200 с.

87. Гордон Н. Г. Слагаемые престижа. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1977, № 1, с. 3—8.

88. Грайфер Э. Ю. Вопросы управления библиотечным делом в литературе США и ФРГ. — Библиотекосведение и библиогр. за рубежом, 1979, вып. 72, с. 30—42.

89. Григорьев Ю. В. А. А. Покровский (1879—1942). М., 1965. 141 с.

90. Григорьев Ю. В. Методологические проблемы советского библиотекосведения. — Уч. зап./Моск. гос. ин-т культуры, 1968, вып. 15, с. 50—74.

91. Григорьев Ю. В. Теоретические основы формирования библиотечных фондов: Учеб. пособие по курсу «Библиотекосведение». М., 1973. 89 с. В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.

92. Гриханов Ю. А. Проблема рационального формирования и использования фондов универсальных научных библиотек (по материалам исследования областных библиотек РСФСР): Дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1979. 144 с.

93. Гриханов Ю. Центральный объект библиотекосведения. — Библиотекарь, 1976, № 11, с. 59—61.

94. Гро К. Актуальные вопросы концепции и организации методической работы. — Бюл. центров библиотекосведения и науч.-метод. работы соц. стран. Прага, 1967, с. 78—96.

95. Гуров П. И. О работе с беллетристикой. — Красный библиотекарь, 1927, № 2, с. 18—31.

96. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А—З. М., 1956. 723 с.

97. Денисьев В. Н. Комплектование книжных фондов массовых библиотек. М., 1936. 123 с. В надзаг.: Наркомпрос РСФСР. Науч.-исслед. ин-т библиотекосведения и рек. библиогр.

98. Дерунов К. Н. Научно-популярная литература по естествознанию. — Природа в школе, 1907, № 5, с. 307—312.

99. Дерунов К. Н. Об «единой» народной библиотеке (В связи с вопросом о примерных библиотечных каталогах). — Избранное:

Тр. по библиотековедению и библиогр./Под общ. ред. Ю. В. Григорьева. М., 1972, с. 153—163.

100. Дерунов К. Н. Типичные черты в эволюции русских центральных государственных книгохранилищ. М., 1926. 32 с.

101. Десятая библиотечная пятилетка. — Библиотекарь, 1977, № 6, с. 2—8.

102. Движение энтузиастов. — Библиотекарь, 1971, № 1, с. 44—45.

103. Джорджи Ш. Кредо библиотекаря. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1977, № 1, с. 18—19.

104. Доблер Ф. Э. Подготовка библиотечного персонала. — В кн.: Сборник статей по библиотечной работе. М., 1929, вып. 1, с. 69—77.

105. Дрейцер И. С. О некоторых социологических проблемах библиотековедения. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1974, № 8, с. 31—35.

106. Дубинская С. А. Социологические аспекты библиотечной профессии: К постановке вопроса. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1972, № 9, с. 9—14.

107. Егоров Ю. Л. Системный подход и проблема сложности: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. М., 1970. 20 с.

108. Есиков А. Кого считать читателем? — Библиотекарь, 1962, № 1, с. 54.

109. Ефимова Л. Г. О создании библиотечной профессиографии. — Сов. библиотековедение, 1973, № 1, с. 62—71.

110. Жидков Г. Системный объект библиотековедения. — Библиотекарь, 1978, № 12, с. 68—72.

111. Жуков К. Н. Записка о поездке на курсы по библиотечному делу, организованные Московским городским народным университетом им. А. Л. Шанявского. М., 1913. 43 с.

112. Жуков Н. И. Философские основы кибернетики. 2-е изд., испр. и доп. Минск, 1973. 207 с.

113. Жукова Л. Г. Актуальные вопросы руководства чтением в наследии Н. К. Крупской. — Сов. библиотековедение, 1977, № 3, с. 39—48.

114. Задерман Л. И. Научно-исследовательская работа библиотек для слепых. — Сов. библиотековедение, 1977, № 5, с. 50—59.

115. Зеленко В. А. Детские библиотеки/Под ред. Г. Г. Тумима. 2-е изд., пересмотр. и доп. Пг., 1919. 270, IV с. В надзаг.: Педагогическая б-ка.

116. Зельцле Б. Р. Обзор строительства библиотечных зданий в СССР и за рубежом. — В кн.: Пашенко Ф. Н. Архитектура и строительство библиотечных зданий. М., 1941, с. 7—67.

117. Зельцле Б. Р. Основные требования к библиотечному зданию: Материалы к докл. Л., 1936. 20 с. Рукопись. Хранится в Гос. Публ. б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

118. Златаров С. Случай «Протей». — Техника — молодежи, 1975, № 8, с. 46—51.

119. Иванов Д. Д. Наука. Книга. Библиотека: (Опыт теории научной библиотеки). М., 1974. X, 1501 с. Машинопись. Хранится в Гос. б-ке СССР им. В. И. Ленина.

120. Иванова Э. И. Проблемы общения в условиях библиотеки с открытым доступом к фондам. — Библиотековедение и библиогр. за рубежом, 1979, вып. 74, с. 63—70.

121. Инькова Л. М. Массовая библиотека сегодня. /Под ред. В. В. Серова. М., 1976. 44 с.

122. Калайджиева М. Сельские библиотеки в Болгарии. — Бюл. ЮНЕСКО для б-к, 1972, т. 26, № 2, с. 83—86.

123. Каневский Б. П. Библиотека. — В кн.: БСЭ. 3-е изд., 1970, т. 3. с. 300—303.

124. Каратыгина Т. Ф. Система специальных библиотек в СССР: Учеб. пособие по курсу «Библиотекосведение» для студентов библиотечных факультетов культуры. М., 1978. 123 с.

125. Карташов Н. Каким же должен быть учебник «Работа с читателем»? — Библиотекарь, 1963, № 5, с. 44—48.

126. Карташов Н. С. Взаимодействие научных библиотек как фактор наиболее полного удовлетворения информационных потребностей ученых и специалистов: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра пед. наук. Новосибирск, 1977. 390 с., 103 с.

127. Карташов Н. С. Задачи академических библиотек на современном этапе. — В кн.: Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока: Опыт работы. Новосибирск, 1967, с. 7—35.

128. Карташов Н. С. Критерии и показатели эффективности работы с читателями: Постановка вопроса. — Сов. библиотекосведение, 1975, № 5, с. 45—61.

129. Карташов Н. С. О системном подходе к изучению и организации академических библиотек. — Библиотечно-библиогр. информ. АН СССР и акад. наук союз. республик, 1967, № 1, с. 1—19.

130. Карташов Н. С. Об эффективности работы научных библиотек: Постановка проблемы. — Б-ки СССР, 1969, вып. 43, с. 53—67.

131. Карташов Н. С. Особенности читательского интереса. — Библиотекарь, 1967, № 6, с. 18—22.

132. Карташов Н. С. Проблема соответствия библиотечных фондов информационным потребностям. — Сов. библиотекосведение, 1978, № 4, с. 25—42.

133. Карташов Н. С. Факторный анализ потребностей специалистов в библиотечных ресурсах. — Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1972, вып. 12, с. 5—59.

134. Карташов Н. С. Формирование библиотечно-территориальных комплексов. Новосибирск, 1978. 240 с.

135. Кернаценьский В. Д. Социально-психологические аспекты поведения индивидуального потребителя информации в условиях автоматизации библиотечно-информационных процессов. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1978, № 1, с. 3—9.

136. Кернаценьский В. Д., Чекарева Р. А. Библиотечное обслуживание работников науки и производства. — Тр./ГПНТБ СССР, 1973, т. 7, с. 75—98.

137. Кирюхин М., Кац А. Эффективность обслуживания читателей: Чем ее измерить? — Библиотекарь, 1976, № 12, с. 54—57.

138. Классификация культурно-просветительных учреждений. М., 1963. 20 с.

139. Клейман Е. Г. О некоторых задачах синтеза оптимальной структуры справочно-информационных фондов. — Науч.-техн. информация, сер. 2, 1976, № 11, с. 8—14.

140. Клеппер Е. В. Совершенствование библиотечно-информационного обслуживания специалистов на промышленных предприятиях, не имеющих научно-технических библиотек: Дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1979. 238 с.

141. Клещук С. Е. Научно-технические библиотеки промышленных корпораций США (Критический анализ): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1978. 23 с.

142. Клименко А. Проблемы проектирования сельских ЦБС. — Библиотекарь, 1979, № 12, с. 49—51.

143. Книга и время: С председателем Госкомиздата СССР Б. И. Стукалиным беседует наш корреспондент В. Песков. — Комс. правда, 1977, 25 авг.

144. Книга и чтение в жизни небольших городов: По материалам исследования чтения и читательских интересов. М., 1973. 328 с.

145. Книга и чтение в жизни советского села: проблемы и тенденции. М., 1978. 181 с.

146. Ковалевский Г. Г., Иванов-Меженко Ю. А. Практическое руководство по библиотекведению. Пг., 1923. 202 с.

147. Кого же считать читателем?: Отклики на статью А. Есикова. — Библиотекарь, 1962, № 5, с. 50—51.

148. Коготков С. Д. Профессиональные информационные потребности и их роль в библиотечно-библиографической деятельности: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1979. 16 с.

149. Колчинский М. Л. Психологические аспекты проблемы развития современных систем информационного обслуживания. — В кн.: Некоторые вопросы психологии в определении путей совершенствования научно-технической информации. М., 1975, с. 19—27.

150. Кондакова Т. И. О наименовании понятия «читатель» в русском литературном языке XVIII века. — В кн.: Федоровские чтения. 1976. М., 1977, с. 109—116.

151. Коровин Ф. И., Курбаков К. И. Научно-технический прогресс и проблема высшего библиотечного образования. М., 1970. 289 с. Депонированная рукопись.

152. Коршунов О. П. Основы общей теории библиографии: Учеб. пособие для студентов библиотечного фак. М., 1978. 109 с. В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.

153. Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии. М., 1975. 191 с.

154. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975. 269 с.

155. Кравченко А. Библиотека. — В кн.: МСЭ. 2-е изд. 1933, т. 5, стб. 900.

156. Кремянский В. И. Методологические проблемы системного подхода к информации. М., 1977. 288 с.

157. Крипс И., Фишман М. Вытравим идеологию буржуазных библиотекведов. — Красный библиотекарь, 1931, № 2, с. 12—18.

158. Кузнецов П. С. О форме слова «библиотека». — Этимол. исслед. по рус. яз., 1960, вып. 1, с. 39—45.

159. Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. М., 1977. 223 с.

160. Курбаков К. И., Чуба В. М. Основные принципы комплектования библиотечных и информационных фондов (на примере зарубежного и отечественного опыта): Обзор. М., 1970. 42 с.

161. Кухарский А. К организации общества «Друзей книги». — Книгоноша, 1925, № 1, с. 5.

162. Кэрей Р. Дж. Системный подход к использованию библиотечных ресурсов. — Библиотекведение и библиогр. в зарубеж. странах: Реф. ст. М., 1972, вып. 11, с. 9—13.

163. Лебедева Н. Ради сохранности книг. — Библиотекарь, 1969, № 8, с. 52.

164. Левинтов Б. Статьи по библиотечному делу в Большой Советской Энциклопедии. — Красный библиотекарь, 1933, № 3, с. 35—43.

165. Лейзеров М. Рабочая библиотека в цифрах. — Вестн. труда, 1924, № 3, с. 134.

166. Лексикон латинской с Геснера этимологического лексикона на русский язык переведенной в Императорском Московском университете. М., 1767. 2, 302 с.

167. Литинский А. И. О классификации библиотековедения. — Тр./Моск. гос. библ. ин-т, 1939, т. 3, с. 83—106.

168. Любашевский Ю. Я. Опыт системного исследования средств массовой информации и пропаганды: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. М., 1972. 21 с.

169. Мазаник Л. А. Изучение запросов читателей-специалистов народного хозяйства. — Техн. 6-ки СССР, 1966, вып. 2, с. 3—6.

170. Макаренко А. С. Соч.: В 7-ми т. Т. 5. Общие вопросы теории педагогики: Воспитание в советской школе. М., 1951. 510 с.

171. Макарова Н. А., Шихматова Л. В. Специалисты о состоянии и путях совершенствования организации библиотечного обслуживания. — В кн.: Сборник материалов в помощь разработке проблемы «Библиотека и научная информация». Л., 1968, вып. 12, с. 89—118.

172. Маклюен М. Прошлобудущее книги. — Курьер ЮНЕСКО, 1972, янв., с. 16—18.

173. Малая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1958, т. 1. 1280 стб.

174. Мамионов А. Г. Управление и информация. М., 1975. 184 с.

175. Манифест ЮНЕСКО о публичных библиотеках. — Бюл. ЮНЕСКО для 6-к, 1972, т. 26, № 3, с. 137—139.

176. Мариничев Э. Р. Математика — язык науки. Л., 1969. 39 с.

177. Марков И. Г. О предмете и методе библиографии. — Тр./Моск. гос. библ. ин-т, 1948, т. 4, с. 101—134.

178. Масловский С. Библиотековедение. — В кн.: Новый энциклопедический словарь. Т. 6. [Б. м., 6. г.], стб. 550—561.

179. Махотенко Ю. А., Новикова Л. С. Исследование информационных запросов как основа рационального формирования фонда. — Науч. и техн. 6-ки СССР, 1970, № 5, с. 7—10.

180. Меженко Ю. Вступна стаття. — У кн.: Бібліотека і читач на Україні. Харків; Київ, 1930, с. 5—7.

181. Мезьер А. В. Словарный указатель по книговедению. Ч. 2. М.; Л., 1933. IV, 700 стб.

182. Месарович М. Теория систем и биология: Точка зрения теоретика. — В кн.: Теория систем и биология: Пер. с англ. М., 1971, с. 90—128.

183. Метелкин Н., Семенова Г. С чего начать? — Библиотекарь, 1962, № 3, с. 21—23.

184. Михайлов А. И. Информация: поиск. М., 1975. 64 с.

185. Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Научные коммуникации и информатика. М., 1976. 435 с.

186. Морозова И. В. Внедрение единой общегосударственной системы МБА. — Науч. и техн. 6-ки СССР, 1969, № 10, с. 8—16.

187. Мохов Н. XXV съезд КПСС и задачи библиотек. — Библиотекарь, 1976, № 2, с. 2—5.

188. Мысливченко А. Г. Человек как предмет философского познания. М., 1972. 190 с.

189. Набатова М. Б. Научная конференция «Вопросы развития библиотековедения и библиотечного дела в капиталистических странах» (Москва, 19-го дек. 1978 г.). — Библиотековедение и библиогр. за рубежом, 1979, вып. 74, с. 42—53.

190. Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. М., 1977. 447 с.

191. Научно-технические библиотеки. — Правда, 1978, 5 окт.
192. Невский В. Принципы комплектования земских народных библиотек. — Для народного учителя, 1914, № 17/18, с. 9—15.
193. Невский В. А. Из записок библиотечного инструктора. — Красный библиотекарь, 1924, № 4/5, с. 79—82.
194. Невский В. А. Консультационные пункты при библиотеках. — В кн.: Библиотека и самообразование: Сб. статей/Под ред. Н. Заровнядного. М.; Л., 1929, с. 103—125.
195. Невский В. А. Подготовка профсоюзных библиотекарей. М., 1926. 43 с.
196. Неразделимый комплекс. — Библиотекарь, 1973, № 6, с. 54—56.
197. Обросов Ю. П., Пашенко Ф. Н. Массовые библиотеки в городах: (Структура сети, помещения и здания). М., 1973. 176 с.
198. Объект исследования — читатель. — В мире книг, 1973, № 11, с. 73—77.
199. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 11-е изд., стереотип. М., 1975. 847 с.
200. Олзоева Г. К. О руководстве чтением в научных библиотеках: К постановке вопроса. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1970, № 9, с. 25—28.
201. Организация работы научно-технической библиотеки: Метод. пособие/Сост. Л. И. Куштанова, Ю. Н. Миронова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1971. 91 с. В надзаг.: ГПНТБ СССР.
202. Осипов В. Т., Недопака И. Ф. Пертинентность, релевантность и относительность параметров полноты и точности ИПС. — Науч.-техн. информация, сер. 2, 1975, № 8, с. 3—7.
203. Основы марксистско-ленинской теории культуры. М., 1976. 303 с.
204. Основы теории подобия и моделирования: Терминология. М., 1973. 23 с.
205. Отле П., Воутерс Л. Руководство для общественных библиотек. Пг., 1924. 238 с.
206. Павелкин П. А. За большевистскую партийность в библиотечной работе. — Красный библиотекарь, 1932, № 4, с. 9—12.
207. Пашин А. И. Деятельность библиотек на уровень новых задач. М., 1976. 176 с.
208. Пашенко Ф. Н. Архитектура и строительство библиотечных зданий. М., 1941. 296 с.
209. Педагогика: Учеб. пособие для фак. педагогики и методики начального обучения пед. ин-тов/Сост. В. А. Слостенин, Т. В. Воликова, А. А. Любянская и др.; Под ред. С. П. Баранова и др. М., 1976. 352 с.
210. Пилецкий В. Об авторитете библиотекаря. — Библиотекарь, 1973, № 4, с. 46—49.
211. Пинт А. Высокое призвание. — Библиотекарь, 1961, № 1, с. 34—37.
212. Пируг В. Эффективность научно-информационной деятельности: критерии, методы и показатели оценки. — В кн.: Теоретические проблемы информатики: Сб. статей. М., 1968, с. 99—111.
213. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1956. 824 с., ил.
214. Покровский А. К программе библиотечного строительства; (из дискуссии перед съездом). — Книгоноша, 1924, № 19, с. 7.
215. Покровский А. А. Библиотечная работа: (О культурной и социальной работе народной библиотеки). М., 1919. 40, VI с.

216. Покровский А. А. Библиотечная работа: (О культурной и социальной работе народной библиотеки). 3-е изд., испр. М., 1922. 74 с. В надзаг.: Главполитпросвет.
217. Покровский А. А. Городские общедоступные библиотеки-читальни. — Нар. образование, 1911, № 1, с. 34—38.
218. Покровский А. А. Директивы Ленина: Важность библиотеки в Советской России. — Красный библиотекарь, 1924, № 4/5, с. 10—25.
219. Покровский А. А. Принципы и общие вопросы комплектования. 2-е изд. М., 1929. 38 с.
220. Покровский А. А. Проект организации Центральной городской библиотеки в Петрограде. — Нар. образование, 1915, № 12, с. 30—39.
221. Поливановский С. Е. К вопросу о составе книговедения. — В кн.: 60 лет советской книги: Третья Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения. Тез. докл. М., 1977, с. 11—12.
222. Положение о заочных высших библиотечных курсах при Московском педагогическом институте. 2-е изд. М., 1930. 12 с.
223. Положение о профсоюзной библиотеке. М., 1964. 7 с.
224. Полубояринов М. Что показала перепись. — Библиотекарь, 1977, № 7, с. 62—65.
225. Применение основных единиц учета объема справочно-информационного фонда и библиотечно-информационного обслуживания: Метод. рекомендации. М., 1976. 50 с. В надзаг.: ГПНТБ СССР.
226. Прогнозирование частоты спроса и оптимизационные модели комплектования научно-технических библиотек издаваемой отечественной литературой/Арзуханов А. С., Егорычев А. В., Раев А. Г., Строганов Ю. А. — Тр./ГПНТБ СССР, 1977, т. 10, с. 57—70.
227. Программы специальных дисциплин на 1939/1940 г. Вып. 1. М., 1939. 139 с. В надзаг.: Моск. гос. библ. ин-т.
228. Проект государственного стандарта Союза ССР «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу» Научно-техническая информация. Основные термины и определения. (1 редакция). ПГ 603—61—79. М., 1979. 13 с. Ротапринт.
229. Проект государственного стандарта Союза ССР «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу» (СИБИД): Библиотечное дело. Основные термины и определения. (1 редакция). М., 1979. 19 с. Ротапринт.
230. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. 607 с.
231. Рабочая библиотека: Положение, правила и др. материалы, разработанные культ.-просветительным отд. ВЦСПС. М., 1925. 35 с.
232. Разговоров И. Взрывчатые смеси Пьера Буля. — Лит. газ., 1972, 23 авг., с. 15.
233. Ракитов А. И. Логический анализ систем научного знания: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук. Л., 1966. 38 с.
234. Ракитов А. И. Философские проблемы науки: Системный подход. М., 1977. 269 с.
235. Ратникова Е. И. Методологические проблемы прогнозирования развития универсальных научных библиотек (на примере Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина): Дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1977. 213 с.
236. Ривлин Я. В. Методические течения в области истории библиотекведения. — В кн.: Читатель и книга. Харьков, 1926, с. 3—36.

237. Романовская К. М. О критериях оценки библиотечной работы. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1974, № 4, с. 8—12.
238. Рубакин Н. А. Заронить искру... Все для читателя, все в читателе, все через читателя. — В мире книг, 1973, № 1, с. 82—84.
239. Рубакин Н. А. Основные задачи библиотечного дела. — Избранное: В 2-х т. М., 1975, т. 2, с. 127—146.
240. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию. М., 1977. 264 с.
241. Рубинский К. И. Культурная роль библиотеки и задачи библиотекосведения. Харьков, 1910. 32 с.
242. Рубинский К. И. Очерки истории русской библиотеки в революционное время. Харьков, 1925—1926. 188 с. Рукопись. Хранится в Харьковской научной б-ке.
243. Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития. — В кн.: Системные исследования. Методолог. проблемы. Ежегодник, 1979. М., 1980, с. 29—54.
244. Самый читающий народ. — Библиотекарь, 1976, № 2, с. 6—11.
245. Сандху С. С. Роль библиотекарей-специалистов в деятельности университетской библиотеки. — Бюл. ЮНЕСКО для б-к, 1975, т. 29, № 2, с. 64—67.
246. Сахаров В., Семенов А. Основное библиотечное оборудование: Описание, рис., техн. сведения, спецификация. В 2-х ч., ч. 1. Л., 1935. 20 с.
247. Сборник материалов в помощь научно-исследовательской деятельности областных, краевых, республиканских (АССР) библиотек. Вып. 1. Л., 1973. 87 с. В надзаг.: Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
248. Сборник программ для библиотечных техникумов. Вып. 1. М., 1947. 72 с.
249. Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1911, т. 20, с. 470—492.
250. Свиридова И. Гиганты позапрошлого тысячелетия. — Библиотекарь, 1977, № 4, с. 64—67.
251. Севастьянова А. Эпизоды из жизни Рэтикуса. — В кн.: Фантастика 75—76. М., 1976, с. 176—182.
252. Семенова Г. Общественные начала в библиотечном деле. — Библиотекарь, 1962, № 7, с. 24—28.
253. Семенюк Э. П. Методологическая роль общенаучных категорий и подходов в информатике. — Науч.-техн. информация, сер. 2, 1975, № 2, с. 8—12.
254. Серов В. В. Совершенствование системы библиотек в развитии социалистического общества: Вопросы теории и практики. М., 1981. 271 с.
255. Серов В. В. Вопросы единой системы библиотечного обслуживания населения. — В кн.: Ленин и современные проблемы библиотекосведения. М., 1971, с. 24—38.
256. Серов В. В. Новый этап библиотечного строительства в СССР. М., 1975. 48 с.
257. Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. 647 с.
258. Сидоров А. А. Два слова с большой буквы. — В мире книг, 1973, № 1, с. 76—78.
259. Сикорский Н. М. Книга. Читатель. Библиотека: Сб. книговедческих работ. М., 1979. 279 с.

260. Сикорский Н. М., Баренбаум И. Е., Барсуки А. И. Книговедение. — В кн.: БСЭ. 3-е изд., 1973, т. 12, с. 337—339.

261. Словарь библиотечных терминов/Под ред. О. С. Чубарьяна. М., 1976. 223 с.

262. Слово о книге: Афоризмы, изречения, мысли, цитаты. М., 1969. 342 с.

263. Слуховский М. И. Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973. 252 с.

264. Слуховский М. И. Термин «библиотека» в феодальной России. — Археолог. ежегодник за 1971 г. М., 1972, с. 106—112.

265. Смирнов С. Н. Элементы философского содержания понятия «система» как ступени развития познания и общественной практики. — В кн.: Системный анализ и научное знание. М., 1978, с. 60—83.

266. Смирнова Б. А. Библиографоведение и библиотеки. — Сов. библиотекосведение, 1978, № 5, с. 50—66.

267. Смушкова М. Итоги и перспективы библиотечной работы. — Красный библиотекарь, 1923, № 1, с. 9—12.

268. Современные проблемы фондов научных библиотек СССР. М., 1975. 120 с. В надзаг.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.

269. Сокальский А. С., Амлинский Л. З. Об экономической эффективности механизации и автоматизации библиотечных процессов. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1974, № 3, с. 7—15.

270. Солтон Дж. Динамические информационно-библиотечные системы: Пер. с англ. М., 1979. 557 с.

271. Сомов Н. М. Сущность книговедения: Библиографический очерк. М., 1933. 94 с.

272. Сопиков В. Предупреждение. — В кн.: Опыт Российской библиографии... Ч. 1. СПб., 1813, с. I—CLI.

273. Сорока Л. М. Перенаправление читателей ГБЛ в другие библиотеки Москвы: Курсовая работа. М., 1976. 24 с. Рукопись. Хранится в Учеб. отделе Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина.

274. Станчев М. Книжные фонды и някои методологически проблеми на комплектуването: Теоретически очерк. — Изв. на Народната б-ка «Кирил и Методий», 1973, т. 13, с. 119—157.

275. Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1971. 453 с.

276. Стельмах В. Д. Разработка понятия литературно-художественного интереса в ходе исследования «Книга и чтение в жизни небольших городов». — Сов. библиотекосведение, 1975, № 6, с. 55—69.

277. Столяров Ю. Библиотека — предмет библиотекосведения. — Библиотекарь, 1976, № 8, с. 42—44.

278. Столяров Ю. Глазами библиотековеда. Рец. на кн.: Сельская библиотека. Справ.-метод. пособие. 3-е изд., перераб. М., 1972. 286 с. — Библиотекарь, 1972, № 11, с. 56—59.

279. Столяров Ю. Комплектование и интересы читателей. — Библиотекарь, 1967, № 9, с. 39—40.

280. Столяров Ю. Не считаясь с расходами. — Правда, 1977, 18 сент.

281. Столяров Ю. Неэффективная эффективность. — Библиотекарь, 1978, № 3, с. 68—73.

282. Столяров Ю. Овладеть теорией и методикой: Отклик на статью Н. Карташова «Особенности читат. интереса». — Библиотекарь, 1968, № 5, с. 48—50.

283. Столяров Ю. Н. Воспитание культуры чтения. — Мол. коммунист, 1972, № 2, с. 61—63.

284. Столяров Ю. Н. И архитектор, и библиотеквед: По случаю 70-го юбилея на видного светского ученого Ф. Н. Пашченко. — Библиотекарь (София), 1978, № 2, с. 42—44.

285. Столяров Ю. Н. Книжные фонды массовых библиотек: оптимальный объем. — Бюл. ЮНЕСКО для б-к, 1973, т. 22, № 1, с. 21—27.

286. Столяров Ю. Н. Непрофессиональный методологический подход: О книге Г. А. Воронцова «Основы библиотековедения и работа с книгой». — Науч. и техн. б-ки СССР, 1978, № 7, с. 29—30.

287. Столяров Ю. Н. Общесистемные свойства библиотечного фонда. — Сов. библиотековедение, 1979, № 2, с. 23—35.

289. Столяров Ю. Н. Полнота обслуживания читателей — общий критерий эффективности работы научных библиотек. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1973, № 1, с. 3—8.

289. Столяров Ю. Н. Специфические свойства библиотечного фонда. — Сов. библиотековедение, 1979, № 4, с. 59—73.

290. Стрижакова Л. Что понимать под эффективностью информации? — Библиотекарь, 1975, № 8, с. 34—37.

291. СЭВ: Постоянная комиссия по статистике. Система основных показателей, характеризующих уровень и темпы развития народного хозяйства стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1971. 412 с.

292. Талалакина О. И. Исследователи культуры Востока о библиотеках Арабского халифата. — Библиотековедение и библиогр. за рубежом, 1976, вып. 56, с. 58—75.

293. Тараканов К. В. Методологические аспекты системного анализа деятельности библиотек. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1979, № 11, с. 3—9.

294. Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической географической, политической и гражданской. — В кн.: Избранные произведения/Под ред. С. Н. Валка. Л., 1979, с. 153—327.

295. Тезисы сообщений к теоретическому семинару «Терминологические проблемы в области документоведения и архивоведения» (январь 1974 г.). М., 1973. 193 с. В надзаг.: Всесоюз. науч.-исслед. ин-т документоведения и архивного дела.

296. Тейлор У. К. Обучающиеся машины. — В кн.: Человеческие способности машин: Сб. статей. Пер. с англ. М., 1975, с. 153—187.

297. Тер-Аванесян Д. В. Библиотекарь и общество: Социальная ответственность библиотекаря. Докл. на 36-й сессии ИФЛА. М., 1972. 16 с.

298. Терешин В. Впервые о методологии библиотековедения. — Библиотекарь, 1979, № 7, с. 59—60.

299. Терешин В. И. Личная и общественная библиотеки: проблема соотношения и использования. — Сов. библиотековедение, 1979, № 5, с. 71—84.

300. Терешин В. И. О педагогических аспектах работы научно-технических библиотек. — Науч. и техн. б-ки СССР, 1972, № 6, с. 3—9.

301. Терешин В. И. Система библиотечных фондов технической литературы и документации: Учеб. пособие по курсу «Особенности формирования библиотечных фондов технической литературы» для студентов специализации технической литературы. М., 1978. 97 с. В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.

302. Терешин В. И. Ставка на активность. — Библиотекарь, 1961, № 9, с. 43—46.

303. Терминологический словарь по теории и практике научной информации. М., 1964. 213 с. В надзаг.: Всесоюз. ин-т науч.-техн. информации.

304. Терминологический словарь по информатике. М., 1975. 752 с. В надзаг. Междунар. центр. науч. и техн. информации.

305. Титовская М. На общественных началах. — Библиотекарь, 1979, № 11, с. 53—54.

306. Томбор Т. Прогрессивные тенденции в строительстве крупных и средних библиотек. — В кн.: Трето международно съвещание на специалистите от европейските социалистически страни по въпросите на строителството, обзавеждането и механизацията на библиотеките, състояло се от 16 до 20.9.1968 г. в София: Сб. от материали. София, 1968, с. 60—82.

307. Тюлина Н. И. Национальная библиотека и наука: Опыт системного подхода к оценке проблемы. — Б-ки СССР, 1969, вып. 44, с. 24—48.

308. Тютина И. Ф. Будущее научной библиотеки: концепции и решения: Обзор лит. — Информ. о библ. деле и библиогр. за рубежом, 1973, вып. 5, с. 7—21.

309. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978. 272 с.

310. Уёмов А. И. Формализованные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития. — В кн.: Системный анализ и научное знание. М., 1978, с. 95—141.

311. Урманцев Ю. А. Начала общей теории систем. — В кн.: Системный анализ и научное знание. М., 1978, с. 7—41.

312. Урсул А. Д. Общесистемный статус и функции системного подхода. — В кн.: Системные исследования: Ежегодник, 1977. М., 1977, с. 29—47.

313. Фаликов Ф. Вторая профессия. — Библиотекарь, 1976, № 3, с. 47.

314. Фенелонов Е. В переиздании много нового. — Библиотекарь, 1971, № 3, с. 60—61.

315. Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 1. 504 с.

316. Фонотов Г. Размышления о будущем библиотек. — Библиотекарь, 1962, № 3, с. 4—7.

317. Фонотов Г. П. Ленин и библиотеки. — Бюл. ЮНЕСКО для б-к, 1970, т. 24, № 3, с. 130—138.

318. Фрейман В. Ф. Библиотекарь: Спутник по библиографии и библиотековедению. Вып. 2. Реф., читанный 13 дек. 1889 года в Политехническом музее. М., 1890. 47 с.

319. Фрумин И. Американское библиотековедение на службе реакции. — Библиотекарь, 1951, № 5, с. 44—47.

320. Фрумин И. Библиотековедение: объект, предмет, функции. — Библиотекарь, 1977, № 2, с. 64—68.

321. Фрумин И. Совершенствовать — значит и повышать культуру. — Библиотекарь, 1972, № 9, с. 37—41.

322. Фрумин И. М. Библиотечное дело: Организация и управление. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980. 272 с.

323. Функции, роль и место научных универсальных библиотек в единой системе научно-технической информации страны: Сб. науч. тр. М., 1973. 140 с. В надзаг.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.

324. Фэртотн Р. Объем и цели информационной науки и техники. — В кн.: Теоретические проблемы информатики: Сб. статей. М., 1968, с. 26—44.

325. Хавкина Л. Б. Библиотеки, их организация и техника: Руководство по библиотековедению. Спб., 1904. VIII, 376 с.
326. Хавкина Л. Б. Библиотеки, их организации и техника: Руководство по библиотековедению. 2-е изд. Спб., 1911. 404 с.
327. Хавкина Л. Б. Книга и библиотека. М., 1918. 172 с.
328. Хавкина Л. Б. Научная разработка вопросов библиотековедения. — В кн.: Тр. Первой конф. науч. б-к РСФСР. М., 1926, с. 29—34, 219.
329. Хавкина Л. Б. Руководство для небольших библиотек. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1917. VI, 242 с.
330. Хавкина Л. Б. Руководство для небольших и средних библиотек. 6-е изд., вновь пересмотр. и доп. М.; Л., 1930. 384 с.
331. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970. 599 с.
332. Черняк А. Об объекте библиотековедения. — Библиотекарь, 1976, № 1, с. 63—66.
333. Чёлышева Э. Ф. Об оценке эффективности системы избирательного распространения информации. — Науч.-техн. информация, сер. 1, 1976, № 11, с. 16—17.
334. Читатель и библиотека: Диалог на актуальную тему. — Кн. обозрение, 1976, № 12, 19 марта, с. 14.
335. Читательские интересы ленинградской молодежи. — Тр./Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской, 1967, т. 18, с. 5—86.
336. Что нужно знать каждому о домашней библиотеке/Под ред. В. О. Осипова. М., 1976. 47 с., ил.
337. Чубарьян О. С. Библиотековедение в системе наук. М., 1970. 24 л. В надзаг.: ИФЛА/ФИАБ.
338. Чубарьян О. С. Вопросы методического руководства библиотечным делом. — Тр./Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1966, т. 9, с. 27—46.
339. Чубарьян О. С. К вопросу о взаимосвязях библиотековедения с другими науками. — Б-ки СССР, 1971, вып. 50, с. 20—33.
340. Чубарьян О. С. Массовые библиотеки в условиях социализма. — Библиотекарь, 1967, № 11, с. 18—21.
341. Чубарьян О. С. О будущем книги и библиотеки. — Библиотекарь, 1964, № 12, с. 1—4.
342. Чубарьян О. С. Общее библиотековедение: Учебник. М., 1960. 202 с.
343. Чубарьян О. С. Общее библиотековедение: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1968. 296 с.
344. Чубарьян О. С. Общее библиотековедение: Учебник для библ. фак. ин-тов культуры, пед. ин-тов и ун-тов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1976. 271 с.
345. Чубарьян О. С. Общее библиотековедение: итоги развития и проблемы. М., 1973. 86 с.
346. Шадрина Ж. С., Шубин А. Г. О критериях эффективности деятельности библиотек: Постановка вопроса. — Сов. библиотековедение, 1975, № 3, с. 32—36.
347. Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. М., 1955—1959. Т. 1. 1955. 399 с.; Т. 2. 1959. 563 с. В надзаг.: Всесоюз. кн. палата.
348. Шамурин Е. И. Словарь книговедческих терминов: Для библиотекарей, библиографов, работников печати и книжной торговли. М., 1958. 340 с.

349. Шапиро Э. Л. Научные и технические библиотеки в системе научных коммуникаций. — Сов. библиотековедение, 1978, № 6, с. 33—42.

350. Шершевская Э. М. Организация и вопросы передвижной работы. — Красный библиотекарь, 1924, № 2/3, с. 19—27.

351. Шестова И. Г. Справочно-информационный фонд. М., 1966. 24 с.

352. Шилов Л. А. О повышении роли библиотек в идейно-политическом, трудовом и нравственном воспитании. — В кн.: 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и развитие библиотечного дела в стране: Всесоюз. науч.-теорет. конф. Тез. докл. и сообщ. (26—28 сент. 1977 года). М., 1977, с. 17—20.

353. Шира Дж. Социологические основы библиотечного дела. М., 1973. 52 с. В надзаг.: Гос. ком. Совета Министров СССР по науке и технике. Акад. наук СССР. Всесоюз. ин-т науч. и техн. информ.

354. Шрейдер Ю. А. Информация и метainформация. — Науч.-техн. информация, сер. 2, 1974, № 4, с. 3—10.

355. Штейн В. А. Библиотека. В кн.: БСЭ. 1-е изд., 1927, т. 6, с. 126—131.

356. Шульце Э. Общедоступные библиотеки, народные библиотеки и читальни. М., 1903. IV, 346 с.

357. Экономическая кибернетика. Ч. 1. Основы теории хозяйственных систем. Л., 1974. 124 с.

358. Энциклопедический словарь в 3-х т. М., 1953. Т. 1. 720 с.

359. Bolvin B. M. Libraries of the future, a multimedia presentation. — Library News Bulletin, 1967, vol. 34, p. 286—288.

360. Bostwick A. E. The american public library. 3 ed., revised and enlarged. New-York; London, 1923. [29] p.

361. Brown J. D. Manual of library economy. 3 ed., revised and reprinted by W. G. Berwick Sayers. London, 1920. XX, 591 p., il.

362. Butler P. An introduction to library science. Chicago, 1933. XVI, 118 p.

363. Chapp V. W. The future of the research library. Urbana, 1964. 114 p.

364. Constantin L.-A. Bibliothéconomie, on nouveau manuel complet pour l'arrangement, la conservation et l'administration des Bibliothèques. 2-ed., Paris, 1841. 266 p.

365. Corning M. F. The U. S. National library of medicine and international MEDLARS cooperation. — Information storage and retrieval, 1972, vol. 8, N 6, p. 255—264.

366. Cuadra C. A. Libraries and technological forces affecting them. — ALA bulletin, 1969, vol. 63, N 6, p. 759—768.

367. Dimer A. Klassifikation, Thesaurus und was dann? Das Problem der «dritten Generation» in Dokumentation und Information. — Nachrichten für Dokumentation, 1972, Bd. 23, N 2, S. 52—57.

368. Drtina J. Zur Klassifikation der Bibliothekswissenschaft. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1961, Jg. 75, H. 5, S. 193—207.

369. Drury G. G. The library and its home: Reprints of articles and adresses selected and annotated by Gertrude Gilbert Drury. New-York, 1933. 588 p.

370. Edwards E. Memorirs of libraries, including handbook of library-economy. Vol. 1—2. London; Leipzig, 1859. Vol. 1. 841 p.; vol. 2. 1104 p.

371. Fick R. Die bibliographische Schuhlung des Bibliothekars. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1928, Jg. 45, H. 9/10, S. 551—561.

372. Gegenstand und Methoden der Bibliothekswissenschaft unter besonderer Berücksichtigung der Bibliothekswissenschaft als Hochschuldisziplin: Referate, Materialie Diskussionen, Ergebnisse und Empfehlungen. Leipzig, 1963. [433] S.

373. Graesel A. Handbuch der Bibliothekslehre. 2, völlig umgearbeiteten Ausgabe. Leipzig, 1902. X, 584 S., il.

374. Hancon C. W. Research on users' needs. — Where is it getting us? — Aslib proceedings, 1964, vol. 16, N. 2, p. 64—74.

375. Harnak A. Bibliothekswissenschaft als Weltwissenschaft, Bibliothekspolitik als Weltpolitik. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1923, Jg. 40, H. 12, S. 527—529.

376. Harrod L. M. The librarians glossary of terms used in librarianship and the book crafts and reference book. London, 1971. 784 p.

377. Headicar B. M. The library of the future. London, [1936]. 122 p., il.

378. Herse W. Literaturgeschichte (Gelehrtengegeschichte) als Wissenszweig des Bibliothekars. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1933, Jg. 50, H. 8/9, S. 528—533.

379. International library statistics: International standard ISO 2789. First ed., 1974. 4 p.

380. Kissel G. Probleme der Gestaltung des Bibliothekssystems einer Hochschule im Hinblick auf die Organisation des Entwicklungsprozesses. — Verband der Bibliotheken des Landes Nordrhein — Westfalen: Mitteilungsblatt, 1972, Jg. 22, N. 2, S. 131—150.

381. Kluth R. Bibliotheksstruktur und Baustruktur. — Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie, 1965, Jg. 12, N. 1, S. 3—33.

382. Kluth R. Gibt es eine Bibliothekswissenschaft? — Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie, 1970, Jg. 17, N. 4/5, S. 227—246.

383. Kluth R. Grundriss der Bibliothekslehre. Wiesbaden, 1970. 372 S.

384. Kummer D. Das neue einheitliche Berufsbild des Bibliothekars. — Der Bibliothekar, 1974, Bd. 28, H. 8/9, S. 590—600.

385. Kunze H. Grundzüge der Bibliothekslehre. 3, völlig veränderte Auflage der Bibliotheksverwaltungslehre. Leipzig, 1966. 489 S.

386. Kunze H., Rückl J. Lexikon des Bibliothekswesens. Bd. 1—2. Leipzig, 1974. 1039 S.

387. Leidinger G. Was ist Bibliothekswissenschaft. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1928, Jg. 45, H. 9/10, S. 440—454.

388. Leimkuhler F. F., Neville A. E. The uncertain future of the library. — Wilson library bulletin, 1968, vol. 43, N. 1, p. 30—38.

389. Leyh G. Das Büchermagazin in seiner Entwicklung. Berlin, 1929. 15 S.

390. Leyh G. Das Haus und seine Einrichtung. — In.: Milkau F. Handbuch der Bibliothekswissenschaft. Bd. 2. Leipzig, 1933. S. 1—115.

391. Leyh G. Probleme des Bibliotheksbaues. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1928, Jg. 45, H. 9/10, S. 471—503.

392. Lexikon des Buchwesens/Herausgegeben von Joachim Kirchner. Bd. 1. A—K. Stuttgart, 1952. VII, 405 S.

393. Line M. Access to resources through the British Library Lending Division. — Aslib proceedings, 1975, vol. 27, N. 1, p. 8—15.

394. Mason E. The great gas bubble prick't, or computers revealed — by a gentleman of quality. — College and research libraries, 1971, vol. 32, N. 3, p. 183—196.

395. McDonald A. S. A Library of the future. — Library journal, 1933, vol. 58, N. 21, p. 1023—1025.

396. Molbech Ch. Om offentlige Bibliotheker, bibliohkarer, og det man har kaldet, biblioteksvidenskab. 2 det, med et, tillæg og register foregede affryk. Kiöbenhavn, 1829. 220 S.

397. Namur J. P. Manuel du bibliothécarie (de notes critiques, historiques et litteraries). Bruxelles, 1834. IV, 368 p.

398. Palmer B. I., Wells A. S. The fundamentals of library classification. London, 1951. 114 p.

399. Pešekova M. Kto je čitatel? — Čítatel, 1976, N. 7—8, p. 250—251.

400. Piasecki W. Zwęzlu wstęp do bibliotekoznawstwa. Krakow, 1968. 57 s.

401. Ranganathan S. R. Future of library service and library science in India. — Herald of library science, 1968, vol. 7, N. 1, p. 1—8.

402. Rolland-Tohomas P. a. o Vocabulaire technique de la bibliothéconomic et de la bibliographie. Suivi d'un lexique anglais-francais/Rolland-Tohomas P., Coulombe V., Chabot I. Montreal, 1969. 187 p.

403. Shaugnessy T. W. Theory building in librarianship. — Journal of library history, 1976, vol. 11, N. 2, p. 167—176.

404. Shera J. H. Librarians against machines. — Wilson library billetin, 1967, vol. 42, N. 1, p. 65—67, 69—73.

405. Terminology of documentation a selection of 1200 basic terms published in English, French, German, Russian and Spanich. Paris, 1976. 274 p.

406. Vorstius J. Bibliothek, Bibliothekar, Bibliothekswissenschaft. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1949, Jg. 63, H. 5/6, S. 180, 172—175.

407. Vorstius J., Reinke G. Internationale Bibliographie des Buch und Bibliothekswesens. Leipzig, 1936. 395 S.

408. Warheit I. A. When some library systems fail — is it the system or the librarian? — Wilson library bulletin, 1971, vol. 46, N. 1, p. 52—58.

409. Wasserman P. The library and the machine. — Detroit, 1965. 170 p.

410. White H. S. To the barricades: The computers are coming. — Special libraries, 1966, vol. 57, N. 9, p. 631—635.

411. Widler D. A look at the library of the future. — Canadian library, 1969, vol. 26, N. 1—6, p. 440—445.

412. Wieckowska H., Pliszynska H. Podreczny slovník bibliotekarza. Warszawa, 1955. 309 s.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В указатель включены имена основоположников марксизма-ленинизма, видных деятелей Коммунистической партии и Советского правительства, а также библиотекovedов, библиотекарей, библиографов, библиографов, информативов, книговедов, архитекторов и других лиц, чьи работы или высказывания о библиотеке упоминаются в основном тексте и в списке использованной литературы. Из числа авторов общественно-политических, общенаучных и т. п. работ в указатель включены лишь наиболее цитируемые.

О лицах, включенных в указатель, приводятся следующие сведения: фамилия, имя, отчество (если оно имеется) — полностью; даты жизни (кроме женщин — наших современниц); страницы, на которых помещены ссылки. Знак вопроса означает, что сведения носят предположительный характер. В указателе раскрыты отдельные псевдонимы.

Все имена даются в русской транскрипции, а в отдельных случаях приводится их латинское написание.

Автор приносит глубокую благодарность А. Н. Ванееву и А. М. Чукаеву за помощь в составлении указателя.

Абрамов Константин Иванович (р. 1920) 61, 89, 160, 228

Алексеев Николай Григорьевич (р. 1920) 206

Амейлон Гюбер Паскаль (Ameillon G. P.) 206

Амлинский Лев Захарович (р. 1930) 6, 68, 201, 217, 228, 240

Архангельский Владимир Васильевич 140, 228

Асхайм Л. 139, 226

Афанасьев Виктор Григорьевич 18, 20, 23, 80, 228

Афанасьев Михаил Дмитриевич (р. 1947) 101, 228

Ахалая Татьяна Николаевна 37, 228

Бабинцев Серафим Матвеевич (р. 1905) 141, 229

Багaley Дмитрий Иванович (1857—1932) 109, 239

Балика Дмитрий Андреевич (1894—1971) 98, 130, 229

Балобанова Екатерина Васильевна (1843—1927) 157, 159, 229

Банк Борис Владимирович (р. 1900) 145, 229

Барабанов Алексей Никифорович (1877—1944) 113

Баранов Владислав Михайлович (р. 1942) 173, 229

Баренбаум Иосиф Евсеевич (р. 1921) 62, 70, 229, 240

Баркер Рональд Эрнест (Barker R. E.) (1920—1976) 65, 229

Барсук Абрам Ильич (р. 1918) 62, 240

Батлер Пирс (Butler P.) 5, 244

Бачалдин Борис Николаевич (р. 1923) 229

Белая Алла Александровна 229
 Белая Галина Дмитриевна 229
 Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) 97
 Беляева Лидия Ивановна 38, 39, 41—42, 229
 Бессонова Нина Николаевна 229
 Блауберг Игорь Викторович 19, 22, 23, 218, 229
 Болвин Бойд М. (Bolvin B. M.) 71, 244
 Борисов Яков Васильевич (1856—?) 160, 230
 Борович [Финкельштейн] Борис Осипович (1884—1943) 98
 Боствик Артур Е. (Bostwick A. E.) 159, 244
 Боханевич Евгения Стефановна 195, 230
 Бочевеер Александр Минаевич (1903—1980) 16, 35, 230
 Браун Джеймс Дуфф (Brown J. D.) 159, 244
 Брежнев Леонид Ильич (р. 1906) 4, 5, 6, 12, 18, 137—138, 154, 193
 Брэдфорд Сэмюэль Клеменс (Bradford S. C.) 202—203
 Брылов Георгий Александрович (1898—1945) 134, 230
 Брюхатов Л. Д. 151
 Буль Пьер 65—66, 238
 Бурлакова Татьяна Петровна 72, 211
 Вадзинская А. 134, 230
 Вайнтрауб Инесса Аркадьевна 204, 230
 Ванеев Анатолий Николаевич (р. 1925) 2, 6, 12, 39, 41, 54, 75, 100—101, 113, 120, 121, 150, 167, 170
 Вассерман П. (Wasserman P.) (р. 1924) 71, 226
 Ваттер Энн Карл-Фердинандович (р. 1937) 12, 230
 Вершинин Н. [Верещагин Николай Максимович] (1927—1967) 106, 230
 Веселова Нина Ивановна 144, 230

Виесковска Г. (Wieckowska H.) 77, 246
 Виленкин Александр Яковлевич (1896—?) 145
 Винер Норберт (Wiener N.) (1894—1964) 78—79, 80, 230
 Виноградов Всеволод Михайлович (р. 1926) 164—165, 230
 Владимиров Лев Иванович (р. 1912) 138, 231
 Власов Валерий Викторович (р. 1904) 27, 231
 Воврене Она Ионовна 196, 197, 231
 Волкова Л. 231
 Воробьев Геннадий Григорьевич 69, 231
 Воробьев Н. А. 231
 Воронова Татьяна Владимировна 123, 231
 Вутерс Леон 61, 205, 237
 Вялкова Инесса Тимофеевна 143, 231
 Гаврецкий Драгослав (Gawrecki D.) (р. 1918) 159, 162
 Гамзатов Расул Гамзатович (р. 1923) 215
 Гарднер Ф. М. 8, 231
 Гвишиани Джермен Михайлович (р. 1928) 19, 231
 Гвишиани Людмила Алексеевна 31, 231
 Герасименко Р. С. 231
 Герасимов В. 196, 231
 Герасимова Лариса Николаевна 87, 231
 Герман Марк Моисеевич (1903—1961) 100, 232
 Герцен Александр Иванович (1812—1870) 97
 Гессе Л. А. К. — см.: Константин
 Гильман Михаил Яковлевич 160, 161, 232
 Гиляревский Руджеро Сергеевич (р. 1929) 13, 79, 134, 137, 232, 236
 Гломбевски Кароль 39
 Гольдарбейтер Роман Львович 58, 232

Гольдберг Александр Львович (р. 1922) 12, 39, 41, 54, 75, 167, 170, 230

Гольдтаммер Ингемар (Goldtammer I.) 55, 232

Горбачевский Борис Семенович (р. 1922) 155, 232

Гордон Наталья Григорьевна 154, 173, 232

Горовиц Вера Исаевна (1888—1950) 120

Гофман Вальтер (Hofman W.) (1879—1952) 98

Грайфер Элла Юрьевна 31, 232

Грапальдо Франческо-Мария (XV в.) 157

Григорьев Юрий Владимирович (1899—1973) 25, 27, 41, 60—61, 113, 121, 131, 232

Гриханов Юрий Александрович (р. 1939) 12, 39, 40, 41, 53, 70, 193, 209, 220, 232

Гро Камил (Groh K.) (р. 1914) 54, 55, 232

Грэзель Арним (Graesel A.) (1849—1917) 159, 245

Даймер А. (Dimer A.) 53, 243

Даль Владимир Иванович (1801—1872) 58, 157, 232

Дафинов Здравко (р. 1913) 164

Денисьев Виталий Николаевич (1895—1968) 58, 76, 113, 232

Дери Джон (Dury J.) 133, 243

Дерунов Константин Николаевич (1866—1929) 97, 109, 134, 232, 233

Джест С. 163, 244

Джонсон Олвин 157, 242

Джорджи Шарлотта (Georgi Sh.) 138, 233

Доблер Фрида Эдуардовна (1890—1973) 25, 26, 233

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) 97

Драганов Стефан (р. 1928) 164

Дрейцер Израиль Соломонович (р. 1930) 185, 233

Дртина Ярослав (Drtina J.) (1908—1967) 26, 27, 38, 244

Друри Гертруда Джильберт (Druy G. J.) 159, 244

Дьюи Мелвил (Dewey M.) (1851—1931) 159

Егоров Ю. Л. 22, 23, 233

Есиков А. 101, 233

Ефимова Лариса Геронтьевна 135, 233

Жидков Григорий Андреевич (р. 1926) 12, 210, 233

Жук Илья Петрович (1900—1941) 161

Жуков К. Н. 233

Жукова Лариса Гавриловна 120, 233

Задерман Лидия Исаевна 233

Зеленко Василий Адамович (1880—19 ?) 26, 99, 160, 233

Зельцле Бернгард Рудольфович (1897—1942) 161, 233

Иванов Дмитрий Дмитриевич (1896—1980) 123, 233

Иванов Юрий Андреевич — см.: Меженко Ю. А.

Иванова Эльвира Ивановна 233

Инькова Людмила Моисеевна 24, 56, 194, 233

Калайджиева Константинка Кирилова 31, 234

Каневский Борис Петрович (р. 1922) 100, 234

Каратыгина Татьяна Федоровна 84, 234

Карташов Николай Семенович (р. 1928) 6, 11—12, 28, 38, 108, 113, 114, 124, 192, 194, 195, 199, 200, 201, 202, 234

Кац А. Б. 196, 234

Кернаценский Владимир Давыдович (р. 1935) 210, 212, 234

Кеттер Чарльз Эми (Cutter Ch. E.) (1837—1903) 159, 162, 231

Киперман Яков Ефимович (1893—1939) 98

Киров (Ворик) Владимир Григорьевич (1890? — 1937?) 120

Кирпичева Ираида Константиновна 190

Кирюхин Михаил Павлович (р. 1919) 196, 234

Киссель Г. (Kissel G.) 12, 245

Клеменс Клаудиус — см.:

Клемент Клод

Клемент Клод (Clement Clod) (1564—1643) 171, 243

Клеппер Ева Вениаминовна 87, 234

Клешук Станислав Евгеньевич (р. 1935) 213, 234

Клут Рольф (Kluth R.) 159, 245

Ковалевский Георгий Георгиевич 58, 235

Коготков Сергей Дмитриевич (р. 1951) 114, 235

Колчинский Марк Львович (р. 1924) 198, 214, 235

Кондакова Т. И. 102, 235

Константин Л. А. (Гессе Леопольд Август Константин) 61, 244

Коровин Федор Иванович (1908—1976) 235

Корнинг М. Ф. (Corning M. F.) 214, 244

Коршунов Олег Павлович (р. 1926) 6, 12, 16, 33, 36, 235

Кравченко Анна Григорьевна 58, 235

Кремянский Виктор Израилевич (р. 1908) 22, 235

Крилмен М. (Kreelman Marglen) 184

Крипс Исаак Львович (1902—1942) 111, 235

Крупская Надежда Константиновна (1869—1939) 52, 61, 72, 76, 98, 100, 111, 112, 125, 134, 136, 139, 140, 147, 149, 160, 172, 177, 192, 200, 201

Куадра К. А. (Cuadra C. A.) 71, 244

Кузнецов Петр Саввич 155, 235

Кукушкина Маргарита Владимировна 156, 235

Кунце Хорст (Kunze H.) (р. 1905) 27, 32, 41, 77, 104, 245

Курбаков Константин Иванович (р. 1927) 235

Куштаннина Людмила Ильинична 192, 205, 237

Кухарский Алексей Федорович (р. 1899) 115, 140, 235

Кэрей Р. Дж. (Karey R. J.) 12, 214, 235

Ладеви́г Пауль (Ladewig P.) (1858—1940) 98

Лайн Морис (Line M.) 203, 245

Лакшмана Рао И. В. 65

Лебедева Нина Федоровна 96, 235

Левинтов Борух Мордухович (р. 1894) 16, 235

Лей Георг (Leyh G.) (1877—1968) 61, 159, 180, 245

Лейдингер Г. (Leidinger G.) 61, 245

Леймкулер Ф. Ф. (Leimkuhler F. F.) 71, 245

Лейзеров М. 141, 236

Ленин Владимир Ильич (1870—1924) 9, 15, 17, 21, 34, 36—37, 76, 98, 100, 110, 111—112, 122, 139, 172, 192, 194, 200, 201, 205, 218, 219

Либарс Г. 137

Лисовский Николай Михайлович (1854—1920) 60

Литинский Анатолий Иосифович 16, 151, 236

Любашевский Юрий Яковлевич 18, 236

Мазаник Людмила Александровна 236

Макаренко Антон Семенович (1888—1939) 193, 236

Макарова Н. А. 236

Мак-Дональд А. С. (McDonald A. C.) 71, 246

Маклюен Маршал 64, 236
Мамиконов Акоп Гаспарович 236

Манучарьянц Шушаника Мкртычевна 121

Марков Иосиф Георгиевич (1898—1963) 26, 236

Маркс Карл (1818—1883) 3, 4, 7, 15, 17, 50, 91, 93, 116, 148, 166, 172, 195, 201

Масловский (Мстиславский) Сергей Дмитриевич (1876—1943) 58, 236

Махотенко Юрий Александрович (р. 1935) 115, 236

Медынский Евгений Николаевич (1885—1957) 98

Меженко Юрий Андреевич (1892—1969) 99, 236

Мезьер Августа Владимировна (1869—1935) 75—76, 236

Месарович М. Д. 25, 223, 236

Метелкин Николай Максимович (р. 1899) 142, 236

Миллик Б. 180, 242

Михайлов Александр Иванович (р. 1905) 236

Морозова Ирина Васильевна 204, 212, 236

Мотылев Валерий Михайлович 6

Мохов Николай Иванович 236

Мэйсон Э. (Mason E.) 66, 67, 246

Набатова Майя Борисовна 236

Намюр Жан-Пий (Namur J. P.) (1804—1867) 11, 61, 246

Невилл А. Э. (Neville A. E.), 71, 245

Невский Владимир Александрович (1888—1974) 98, 110, 111, 237

Недопака Игорь Федорович (р. 1938) 210, 237

Немировский Евгений Львович (р. 1925) 49

Нерренберг Константин (Nerrenberg K.) (1862—1937) 133

Новикова Лидия Сергеевна 115, 236

Нодэ Габриель (Naude G.) (1600—1653) 10

Обросов Юрий Павлович (р. 1924) 182, 237

Олзоева Галина Кирилловна 125, 237

Осипов Валерий Тимофеевич 210, 237

Осьмаков Иван Иванович (1897—?) 135, 230

Отле Поль (Otlet P.) (1868—1944) 61, 205, 237

Павелкин Петр Артемьевич 111, 237

Пальмер Бернард Ира (Palmer B. I.) (р. 1910) 27, 246

Паницци Антонио (Panizzi A.) (1797—1879) 97, 186

Паперно Альберт Борисович (р. 1935) 127

Пашин Алексей Иванович (р. 1929) 24, 56

Пашенко Федор Николаевич (1907—1980) 161, 163, 176, 180, 182, 237

Пешехова Марта (Pešekova M.) 101, 246

Пилецкий Виктор Михайлович (р. 1923) 146, 237

Пинт Александр Оскарович (р. 1910) 144, 237

Пируг В. 237

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) 110, 237

Плищинска Г. (Pliszynska H.) 77, 246

Покровский Александр Александрович (1879—1942) 25, 60, 61, 97, 98, 111, 112, 113, 140, 160, 237, 238

Поливановский Сергей Ерофеевич (р. 1907) 238

Полубояринов Михаил Михайлович 141, 238

Пясеcki Владислав (Pia-secki W.) 27, 162, 246

Райнке Г. (Reinke G.) 163, 246

Ракитов Анатолий Ильич 46, 82, 238

Ранганатан Шиали Рамарита (Ranganathan Sh. R.) (1892—1972) 71, 99, 246

Ратникова Елена Ивановна 32, 238

Рево Ария Павловна 72, 211, 230

Ривлин Яков Васильевич (1895—?) 98, 239

Романовская Кира Михайловна 199—200, 201, 239

Рубакин Николай Александрович (1862—1946) 25, 59, 65, 95—96, 97, 109, 150, 239

Рубинский Константин Иванович (1860—1930) 81, 239

Рюкль И. (Rückl J.) 77, 245

Садовский Вадим Николаевич 19, 20, 239

Сандху Сарбджит С. 124, 239

Сартр Жан-Поль (1905—1980) 64, 240

Сахаров Василий Иванович (р. 1901) 161, 239

Сахно Феодосий Иванович 90

Свиридова Инна Николаевна 239

Семенова Галина Александровна 142, 144, 236, 239

Семенюк Эдуард Павлович (р. 1935) 239

Серов Василий Васильевич (р. 1931) 24, 56, 144, 233, 239

Сеченов Иван Михайлович (1829—1905) 78, 239

Сидоров Алексей Алексеевич (1891—1978) 35, 239

Сикорский Николай Михайлович (р. 1918) 31, 35, 49, 62, 240

Скворцов Виктор Васильевич (р. 1939) 6

Слуховский Михаил Иванович (1896—1980) 29, 155, 156, 240

Смирнова Бася Абрамовна 71, 240

Смушкова Мария Аркадьевна 98, 134, 240

Собольщиков Василий Иванович (1813—1872) 186

Сокальский Алексей Степанович (р. 1918) 201, 240

Соколов Аркадий Васильевич (р. 1934) 6, 32

Солтон Джерард (Salton J.) 12, 114, 240

Сомов Николай Михайлович (1867—1951) 101, 240

Сопиков Василий Степанович (1756—1818) 134, 240

Сорока Лариса Михайловна 211, 240

Станчев Михаил Аспарухов (р. 1922) 114, 240

Стельмах Валерия Дмитриевна 113, 240

Столяров Юрий Николаевич (р. 1938) 12, 31, 70, 71, 77, 113, 176, 199, 215, 240, 241

Стрижакова Л. 92, 241

Стукалин Борис Иванович 93, 235

Сэлтон Джерард — см.: Солтон

Талалакина Ольга Ивановна 51, 241

Тараканов Константин Васильевич (р. 1919) 12, 18, 241

Тараманова Каролина Дмитриевна 217

Татищев Василий Никитич (1686—1750) 31, 58, 102, 135, 241

Теплов Даниил Юрьевич (1924—1979) 88

Тер-Аванесян Давид Вартанович (1909—1979) 241

Терешин Владимир Иванович (р. 1928) 69, 100, 125, 135, 211, 212, 214, 241, 242

Титовская Н. 142, 242

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) 63—64

Томбор Тибор (Tombor T.) 242

Томеску Мирчеа (Tomescu M.) 101

Трофимов Лев Владимирович (1884—1958) 161

Тюлина Наталия Ивановна 12, 242

Тютин Ираида Филипповна 71, 242

Уайдлер Дэвид (Widler D.) 44, 246

Уайт Г. С. (White H. S.) 66, 246

Уемов Авенир Иванович (р. 1928) 50, 123—124, 223, 242

Уланова Людмила Николаевна 27

Уорхейт И. А. (Warheit I. A.) 67, 246

Урсул Аркадий Дмитриевич 19—20, 242

Усов Александр Витальевич (1903—1958) 120

Уэллс Артур Джеймс (Wells A. J.) 27, 246

Фенелонов Евгений Алексеевич (р. 1929) 10, 246

Фик Р. (Fick R.) 61, 245

Фишман Михаил Григорьевич (р. 1902) 111, 235

Фонотов Георгий Поликарпович (р. 1915) 139, 140, 143, 242

Форстиус Йорис (Vorstius J.) (1894—1964) 61, 163, 246

Фрейман Вильгельм Федорович 58, 61, 242

Фридрих В. (Fridrich W.) 42, 233

Фридьева Надежда Яковлевна 27

Фрумин Исидор Маркович (р. 1907) 12, 24, 28—44, 59, 70, 91, 117, 150, 157, 173, 190, 201, 242

Фэрторн Р. 170, 243

Хавкина Любовь Борисовна (1871—1949) 25, 28, 30, 34, 59—60, 61, 97, 98, 109, 111, 112, 119, 134, 150, 159—160, 243

Харнак Адольф фон (Harnak A.) (1851—1930) 61, 245

Харрод Леонард Монтегю (Harrod L. M.) (р. 1905) 77, 245

Хедикар Б. М. (Headicar B. M.) 71, 245

Херсе Вильгельм (Herse W.) 61, 245

Хлебцевич Евгений Иванович (1884—1953) 98

Хэнсон Кристофер Вартон (Hanson C. W.) 99, 245

Цареградский Илья Маркович (1902—1974) 98

Цоллер Эдмунд (Zoller E.) (1822—1902) 98

Чаковский Александр Борисович (р. 1913) 215

Чапп Ф. В. (Chapp V. W.) 244

Чарнолуцкий Владимир Иванович (1865—19?) 58, 229

Чекмарева Ранса Александровна 212, 234

Челышева Э. Ф. 243

Черный Аркадий Иванович (р. 1929) 236

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) 97

Черняк Арон Яковлевич (р. 1921) 12, 26, 28, 39, 41, 47, 53, 54, 167, 243

Чуба Виктор Моисеевич 235

Чубарьян Оган Степанович (1908—1976) 10, 24, 25, 26, 54, 56, 71, 76, 84, 88, 89, 100, 113, 121, 122, 130, 151, 192, 240, 243

Чукаев Александр Миронович (р. 1930) 247

Шадрина Жанна Сергеевна 199, 243

Шамурин Евгений Иванович (1889—1962) 58, 157, 243, 244

Шапиро Эммануил Леонидович 83, 244

Шварц Герхард (Schwarz G.) (р. 1924) 164

Шершевская Эсфирь Михайловна (1893—1925) 139, 244

Шестова Инна Григорьевна 84, 244

Шилов Леонид Александрович (р. 1924) 117, 244

Шира Джесс Хаук (Shera J. H.) (р. 1903) 5, 67, 71, 80, 81, 170—171, 246

Шифман Лев Абрамович (р. 1899) 111, 235

Шихматова Л. Б. 236

Шонесси Т. У. (Shaugnessy T. W.) 135, 246

Шрейдер Юрий Анатольевич (р. 1928) 79, 244

Штейн Василий Александрович (1893—1941) 134, 150, 244

Шубин Анатолий Георгиевич (р. 1940) 199, 243

Эдвардс Э. (Edwards E.) (1812—1886) 61, 244—245

Энгельс Фридрих (1820—1895) 148

Эскарпи Робер Шарль (Escarpit R.) (р. 1918) 65, 229

Юдин Эрик Григорьевич (1932—1978) 19, 22, 23, 218

Оглавление

Предисловие	3
Введение	6
Глава I	
Генезис и сущность библиотеки как системы	14
Предварительные методологические замечания	14
Анализ существующих концепций	24
Исходный пункт возникновения и родовые элементы системы «библиотека»	33
Структурная модель библиотеки	43
Производные элементы библиотеки	50
Выводы	56
Глава II	
Документ (Д) как элемент системы «библиотека»	58
Эволюция взглядов на роль элемента Д	58
Понятие «документ». Необходимость элемента Д в системе	62
Библиотечный фонд как совокупность документов. Исходная функция библиотечного фонда	75
Отличие библиотечного фонда от других документальных фондов	82
Выводы	93
Глава III	
Абонент (А) как элемент системы «библиотека»	96
Эволюция взглядов на роль элемента А	96
Понятие «абонент». Необходимость элемента А в системе	101
Связь А—Д. Исходная функция элемента А	108
Связь А—Б	120
Связь А—МТБ	126
Выводы	129
Глава IV	
Библиотекарь (Б) как элемент системы «библиотека»	133
Эволюция взглядов на роль элемента Б	133
Необходимость элемента Б в системе	136
Связи Б с другими элементами. Необходимость разработки элемента Б	147
Выводы	153
Глава V	
Материально-техническая база (МТБ) как элемент системы «библиотека»	155

Эволюция взглядов на роль элемента <i>МТБ</i>	155
Понятие <i>МТБ</i> . Необходимость элемента <i>МТБ</i> в системе	164
Связи <i>МТБ</i> с другими элементами	177
Выводы	186
Глава VI	
Функциональный критерий эффективности и качества библиотечного обслуживания	189
Методологические требования к критерию	189
Полнота обслуживания абонентов как общий критерий эффективности	197
Методологические проблемы внедрения критерия в практику	208
Выводы	216
Заключение	218
Использованная литература	228
Указатель имен	247

Юрий Николаевич Столяров

**БИБЛИОТЕКА:
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

ИБ № 878

Редактор *Л. Г. Ефимова*
Художник *В. Н. Хомяков*
Художественный редактор *Н. Г. Пескова*
Технический редактор *Н. М. Привезенцева*
Корректор *М. Я. Жукова*

Сдано в набор 20.04.81.
Подписано в печать 27.10.81.
A01282. Формат 84×108¹/₃₂.
Бум. кн-журн. № 2. Гарнитура
литературная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 13,44 Усл. кр.-отт. 13,44
Уч.-изд. л. 14,70. Тираж 5 000 экз.
Заказ № 1814. Изд. № 3158. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Книга», 103009, Москва, К-9,
ул. Неждановой, 8/10.

Союзполиграфпрома
Московская типография № 8
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
Хохловский пер., 7.

